

**70 ЛЕТ
ДРУЖБЫ
И СОТРУДНИЧЕСТВА**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Забайкальский государственный университет
Байкальское региональное отделение Академии военных наук
Забайкальское региональное отделение
Российского общества политологов
Отделение Российского исторического общества в г. Чита

70 ЛЕТ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА

*Международная научно-практическая конференция,
посвящённая 70-летию установления дипломатических
отношений между Россией и КНР*

**18 октября 2019 г.
г. Чита**

Чита
ЗабГУ
2019

УДК 341.76:81(571:510)(082)
ББК 66.49:81(2Рос-5Кит)я43
ББК Ф49: Ш1(2Рос-5Кит)я43
С 309

Рекомендовано к изданию организационным комитетом
научно-практического мероприятия
Забайкальского государственного университета

Рецензенты

Лю Куйли, почётный академик Академии общественных наук
Китая, президент Всекитайского научного общества народной
культуры; заместитель председателя, Комиссия специалистов
по охране культурного наследия, г. Пекин

Р. В. Антропов, канд. юрид. наук, доцент кафедры
государственного права и правоведения, Забайкальский институт
предпринимательства – филиал Сибирского университета
потребительской кооперации, г. Чита

70 лет дружбы и сотрудничества : материалы между-
народной научно-практической конференции, посвящённой
С 309 70-летию установления дипломатических отношений между
Россией и КНР / Забайкальский государственный уни-
верситет ; ответственный редактор Е. А. Юйшина. – Чита :
ЗабГУ, 2019. – 212 с.

ISBN 978-5-9293-2428-4

В сборнике представлены материалы докладов, посвящённых исто-
рии становления и развития дипломатических отношений между Китаем
и Россией, лингвистическим и методическим проблемам изучения китай-
ского языка и литературы.

Научное издание предназначено для преподавателей, аспирантов,
магистрантов, студентов, научных работников, а также лиц, интересую-
щихся вопросами истории отношений России и Китая, актуальными про-
блемами китайской лингвистики и методики преподавания китайского
языка.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имён, названий
несут авторы публикуемых материалов.

УДК 341.76:81(571:510)(082)
ББК 66.49:81(2Рос-5Кит)я43
ББК Ф49: Ш1(2Рос-5Кит)я43

ISBN 978-5-9293-2428-4

© Забайкальский государственный
университет, 2019

Содержание

Вступительное слово	7
 Раздел 1. Становление и развитие дипломатических отношений между Россией и Китаем	
<i>Варакина М. И., Смороднов Д. П.</i> Российско-китайские отношения на современном этапе	12
<i>Дацышен В. Г.</i> Китайские рабочие на «строительстве коммунизма» в Забайкалье: из истории советско-китайского сотрудничества в 1950-е годы	17
<i>Дроботушенко Е. В.</i> Соглашение между Россией и Китаем о статусе и положении Хулуنبуира от ноября 1915 года	27
<i>Дугаров В. Д.</i> Региональные модели складывания «гармоничного мира» государств Северо-Восточной Азии: история, диалог и консультации	33
<i>Камнева Г. П., Сотников С. А., Сотников А. А.</i> История освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX века	40
<i>Карасёв С. В., Карасёва О. И.</i> История культурных отношений между Россией и Китаем как основа дипломатии	47
<i>Лун Чанхай.</i> Китайско-российское всестороннее стратегическое сотрудничество и партнёрство	51
<i>Лунынис В. Ф.</i> Административно-территориальное деление России и Китая в компаративном анализе	56
<i>Матвеев А. А.</i> Китайский рабочий союз и Секция восточных народов при Сибирском бюро ЦК РКП(б) как идеологические проводники политики Коминтерна в 1920 году на территории города Иркутска	60
<i>Постников А. В.</i> Географические и картографические работы иезуитов в Приамурье и Центральной Азии на службе маньчжурских императоров в XVIII веке и их влияние на европейскую науку	66
<i>Санжиева Т. Е.</i> Жители Китая – шэнэхэнские буряты	80
<i>Эмирзади Л. В.</i> История развития дипломатических отношений России – Китая и установления восточных границ России в конце XVII – начале XVIII века	87
<i>Юйшина Е. А., Юйшин М. А.</i> Православный Харбин	98
<i>Юйшин М. А.</i> Русско-китайский договор 1896 года и начало строительства КВЖД	104

Раздел 2. Актуальные проблемы китайской лингвистики и методики преподавания китайского языка

Бардакова Д. И. Особенности комикса как креолизованного текста и его роль в обучении китайскому языку	110
Ванина И. Ю., Кузьмин Ю. В. Традиции изучения китайского и маньчжурского языков в Иркутске	114
Варакина М. И., Левченко Я. А. Анализ перевода топонимов, антропонимов и реалий с русского на китайский язык (на материале исторических текстов)	126
Воропаев Н. Н. О важности изучения прецедентных феноменов китайскоязычного культурного пространства	130
Жданова А. С. Методика разработки сценария деловой игры для обучения устному последовательному переводу	137
Кобжицкая О. Г. Стилистический аспект сложных существительных китайского языка с атрибутивным типом связи	144
Кочеткова О. М. История изучения глаголов речи китайского языка	149
Ленинцова В. А., Тохта-Ходжаева М. В. Категория «вежливость» в китайском языке и реализация коммуникативных целей	156
Науменко С. В., Цзоу Хун. Игровые методы обучения фонетике китайского языка на начальном этапе	165
Лазарева Ю. С., Соктоева О. Ц. Символ дракона в языке и культуре Китая	172
Наумова В. С., Симатова С. А. Образы из классического романа «Путешествие на Запад» в недоговорах-иносказаниях современного китайского языка	179
Олейникова Ю. Н., Чжан Минхуа. Проявление китайских концептов культуры в романе Эми Тан «Клуб радости и удачи»	185
Соловьёва В. Н. Современная российская литература в Китае	189
Шабельская Н. К., Соктоева О. Ц. Особенности перевода китайских препаратов	194
Шмарова Ж. В. Китайские города окружного и уездного значения с формантом 府	199
Сведения об авторах	208

Contents

Opening Speech	7
 Section 1. Russia-China Diplomatic Relations Establishment and Development	
<i>Varakina M. I., Smorodnov D. P.</i> Russian-Chinese Relations at the Present Stage	12
<i>Datsyshen V. G.</i> Participation of Chinese Workers in “Communism Building” in Transbaikal region: 1950-s Soviet-Chinese Cooperation History	17
<i>Drobotushenko E. V.</i> Agreement between Russia and China on the Status and Position of Hulunbuir from November 1915	27
<i>Dugarov V. D.</i> Regional Models of the “Harmonious Peace” Folding of the Northeast Asian States: History, Dialogue and Consultations	33
<i>Kamneva G. P., Sotnikov S. A., Sotnikov A. A.</i> History of Development of Eastern Siberia and the Far East in the Second Half of the XIX Century	40
<i>Karasev S. V., Karaseva O. I.</i> The History of Cultural Relations between Russia and China as the Basis of Diplomacy	47
<i>Long Changhai.</i> Sino-Russian Comprehensive Strategic Cooperation Partnership in the New Era	51
<i>Lupynis V. F.</i> Administrative Territorial Division Russia and China in the Komparativny	56
<i>Matveev A. A.</i> Chinese Labor Union and the Section of Eastern Peoples of Siberian Bureau of the Russian Communist Party as Ideological Tools of Comintern Policy in 1920 in Irkutsk	60
<i>Postnikov A. V.</i> Geographical and Cartographic Works of the Jesuits in the Service of Manchu Emperors in the Amur Region and Central Asia in the 18 th Century and their Influence on European Science	66
<i>Sanzhieva T. E.</i> Residents of China – Shenaheng Buryats	80
<i>Emirziadi L. V.</i> The History of the Development of Diplomatic Relations between Russia and China and the Establishment of Russia's Eastern Borders at the end of XVII – Beginning of XVIII Century	87
<i>Yuyshina E. A., Yuyshin M. A.</i> Russian Orthodox Harbin	98
<i>Yuyshin M. A.</i> Russian-Chinese Treaty of 1896 and the Beginning of the Construction of the CER	104

Section 2. Chinese Linguistics and Methods of Teaching Chinese Topical Issues

Bardakova D. I. Features of the Comic Book as a Creolized Text and its Role in Teaching Chinese	110
Y. Vanina, Kuzmin Y. V. Traditions of Studying Chinese and Manchurian languages in Irkutsk	114
Varakina M. I., Levchenko Y. A. Anthroponyms, Realia and Tophonyms Russian-Chinese Translation Analysis (Based on Historical Texts)	126
Voropaev N. N. The Importance of the Study of Precedent Phenomena in the Chinese-language Cultural Space	130
Zhdanova A. S. The Methods of Developing a Business Game Scenario for Teaching Consecutive Interpretation	137
Kobzhitskaya O. G. The Stylistic Aspect of Complex Nouns of the Chinese Language with Attributive Type of Connection	144
Kochetkova O. M. The History of the Study of Speech Verbs of the Chinese Language	149
Lenintseva V. A., Tokhta-Khodzhaeva M. V. “Politeness” Category in the Chinese Language and the Implementation of Communicative Goals	156
Naumenko S. V., Zou Hong. Gamification of Basic Chinese Phonetics Teaching	165
Lazareva Y. S., Soktoeva O. Ts. Dragon Symbol in the Language and Culture of China	172
Naumova V. S., Simatova S. A. Images of the Characters from the Classic Chinese Novel “Journey to the West” in Two-Part Allegorical Sayings of Modern Chinese	179
Oleynikova Y. N., Zhang Minghua. The Manifestation of Chinese Cultural Concepts in the Novel by Amy Tan “The Joy Luck Club”	185
Solovjeva V. N. Modern Russian Literature in China	189
Shabelskaya N. K., Soktoeva O. Ts. Translation Specificity of Chinese Medicines	194
Shmarova Zh. V. Chinese Cities of District and County Significance with Formant 阳	199
Information about the authors	208

Вступительное слово

Важную роль в развитии российско-китайского сотрудничества сыграл Читинский государственный педагогический институт и прежде всего кафедра китайского языка, открытая в Институте в 1961 году в связи со сложными взаимоотношениями между Россией и Китаем, возникшими после смерти Сталина. Острая потребность в специалистах, знающих и владеющих китайским языком, возникла не только в сфере экономики, но и в военной сфере, международных отношениях, в силовых структурах, в социальной сфере, особенно в районах, граничащих с Китаем. Становление кафедры было быстрым, в чём несомненная заслуга талантливых педагогов, выпускников МГИМО А. Ф. Никитина и А. А. Андреева, работавших на момент открытия кафедры переводчиками на станции Отпор. В дальнейшем, с 1968 по 1973 год, А. Ф. Никитин возглавлял Читинский государственный педагогический институт. Неоценимый вклад в разработку учебных планов, рабочих программ, подготовку методических и практических пособий, в организацию учебного процесса кафедры китайского языка внесли китайские преподаватели В. А. Тын и А. К. Тын, переехавшие из Шанхая в Читу в 1961 году. Значительный вклад в развитие кафедры китайского языка внесли О. М. Готлиб, Н. А. Абрамова, В. А. Ленинцева, Е. А. Юйшина, и эта кафедра по праву заняла ведущее положение в вузе, которое она сохраняет и сейчас. Достаточно заметить, что в текущем году при поступлении в университет конкурс составил 3 человека на место, на специальность «Китайский язык» – 3,5 человека на место, что позволило помимо приёма 36 человек на бюджетной основе принять дополнительно 51 человека на коммерческой основе.

В первые годы после основания усилия кафедры сосредоточились на подготовке специалистов по китайскому языку, международные связи были ограничены, на что влияли напряжённые отношения между Китаем и Россией. Тем не менее, в этот период поддерживались постоянные контакты между Читинским и Пекинским педагогическими институтами, в стенах последнего проходили языковую практику Е. А. Юйшина и другие преподаватели.

Поворотным пунктом активизации отношений педагогического университета с китайскими партнёрами можно считать 1989 год, когда на фоне реализации курса Дэн Сяопина по строительству социализма с китайской спецификой в мае того года состоялся визит

Генерального секретаря КПСС М. С. Горбачёва в КНР, который положил конец противостоянию между нашими странами. Случайно или неслучайно по времени с визитом М. С. Горбачёва в Китай совпали наши переговоры о сотрудничестве с Чанчуньским педагогическим университетом. В результате этих переговоров была сформулирована комплексная программа сотрудничества вузов, включающая взаимный обмен студентами и преподавателями, проведение совместных научных исследований как в области образования, так и в сфере гуманитарных наук, контакты в области культуры, спорта. Успеху тех переговоров способствовало не только изменение политического климата между нашими странами, но и то, что руководители вуза, многие преподаватели Чанчуньского университета получили образование в Советском Союзе и сохранили своё искреннее уважение и признательность нашей стране.

Необходимо отметить, что намеченные планы послужили основой для контактов и взаимодействия с другими учебными заведениями Китая, список которых весьма внушителен. За прошедшие годы Читинский пединститут, в дальнейшем Забайкальский государственный педагогический университет, установил добрососедские связи и взаимовыгодное сотрудничество в области образования, науки и культуры с Харбинским и Хэйлунцзянским университетами (г. Харбин), Цилиньским институтом русского языка и Цилиньским институтом международной коммерции (г. Чанчунь), Шэньянским педагогическим университетом (г. Шэньян), Хэбэйским педагогическим университетом (г. Шицзячжуан), Даляньским институтом иностранных языков (г. Далянь), Тяньцзиньским международным институтом культуры и Тяньцзиньским педагогическим университетом (г. Тяньцзинь), Хулунбуирским институтом (г. Хайлар), Цицикарским университетом (г. Цицикар), Сямыньским государственным университетом (г. Сямынь), Университетом Внутренней Монголии (г. Хух-Хото), Цицикарским университетом (г. Цицикар), музыкально-лингвистической школой «Сяо Ян» (г. Маньчжурия), рядом высших педагогических колледжей. Невозможно в кратком сообщении проанализировать роль каждого договора в развитии и упрочении контакта с университетами, вклад в обучение иностранных граждан, развитие экспорта образовательных услуг, развитие академической мобильности и укрепление отечественной системы образования за рубежом. Тем не менее, хотелось бы отметить некоторые моменты.

Роль Пекинского университета иностранных языков в подготовке наших специалистов через стажировки, обучение и консультации трудно переоценить. Несмотря на связи со многими университетами, наиболее плодотворно работа по составлению и корректировке совместных планов и программ, их реализация протекали на базе Тяньцзиньского педагогического и Цицикарского (Хэйлунцзянского) университетов. Именно между ЗабГГПУ и этими университетами осуществлялся постоянный многолетний обмен преподавателями и студентами, разработаны и реализованы инновационные программы двойных дипломов, когда по завершении обучения выпускники вузов получали одновременно китайский и российский дипломы международного образца.

Многие выпускники, получившие образование по этим программам, продолжили обучение в аспирантурах как ЗабГГПУ, так и других вузов, включая Москву и Санкт-Петербург. При этом обучение по программам двойных дипломов охватывало изучение не только иностранных языков, но и других специальностей: математики, физики, информатики, журналистики, связи с общественностью, юриспруденции, художественно-музыкального образования.

Следует отметить особую, плодотворную роль в реализации этих программ партийного секретаря Хулунбуирского института Ван Чжи. ЗабГГПУ оказал всестороннюю помощь и поддержку по открытию в Хулунбуирском институте (г. Хайлар), Цицикарском и других университетах отделений художественного, музыкального и спортивного образования, пользующихся в Китае большим спросом. Результаты этой работы очевидны. Становится традицией проведение совместных российско-китайских художественных выставок, издание каталогов, альбомов. Наши студенты и преподаватели активно участвуют в творческих мероприятиях, фестивалях в приграничных городах Китая, как и китайские студенты и преподаватели в творческих мероприятиях г. Читы.

Взаимодействие университетов с Китайской Народной Республикой не ограничивается академическими обменами, обучением китайских студентов, представлением образовательных планов и программ, совместной работой в области культуры и спорта. Важнейшее значение имеют научные и научно-исследовательские связи университета с китайскими учёными. Необходимо отметить, что большой вклад в развитие научных направлений внёс академик Китайской академии общественных наук, профессор Лю Куй Ли,

прекрасный знаток русской литературы, продолжающий и поныне изучать русскую культуру.

Научные связи в этом направлении носят разносторонний характер: это и совместные экспедиции, организация и проведение международных конференций, симпозиумов, изучение вопросов экологии, природопользования и охраны природы, особенно в зоне трансграничья, выполнение и защита кандидатских диссертаций. Результатом этой работы является издание ряда коллективных монографий, таких как «Трансграничье в изменяющемся мире», «Университет в изменяющемся мире» и других научных трудов. Тесные научные связи педагогического университета сложились с вузами Хулунбуира, Цицикара, Сямыня, Харбина.

Развитие международного сотрудничества между нашими вузами привело к организации международных проектов и международных центров. В Хайларе совместно с Хулунбуирским институтом появился и успешно работает Институт русского языка и культуры. В Хэбэйском университете (г. Баодин) открыт центр по изучению русского языка. На базе ЗабГГПУ Е. А. Юйшиной был создан центр по изучению китайского языка, который успешно работает и поныне не только со школьниками и студентами, но и с взрослым населением. Активную научную работу с китайскими партнёрами проводили научно-исследовательский институт (лаборатория) развития образования под руководством Л. А. Бордонской, факультет художественного образования под руководством М. И. Гомбоевой.

Активизации международных отношений способствует создание в 2002 году при университете русского языка как иностранного Центра тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку как иностранному, сделаны и другие шаги, способствующие развитию международных отношений вузов Читы с вузами Китая.

Несмотря на несомненные успехи в области международного сотрудничества между вузами Читы и КНР в самых различных областях, в свете новых задач, связанных со становлением информационного общества, развитием новых информационных технологий, быстрой интенсификацией процессов интеграции во всех сферах общественного развития, необходим поиск новых форм сотрудничества, структурно-функциональных преобразований, интернационализации образования. Этим задачам могло бы соответствовать создание на базе Забайкальского государственного университета и некоторых вузов Китая Международного трансграничного уни-

верситета, обоснование по созданию которого было предложено ранее (В. П. Горлачев, К. И. Карасев, Г. Г. Филиппов, И. И. Катанаев) в ряде публикаций. По мере роста могущества Китая актуальность этого вопроса будет только возрастать.

И сегодня Забайкальский государственный университет набирает новый оборот для успешного выхода на международный рынок образовательных услуг, но потребуются государственная поддержка, межуниверситетская кооперация и подготовленные специалисты в этой области.

В. П. Горлачев,
д-р пед. наук, профессор,
действительный член Российской экологической академии,
заведующий лабораторией прикладной экологии

Раздел 1. Становление и развитие дипломатических отношений между Россией и Китаем

УДК:327

ББК:66.4(2Рос)

М. И. Варакина,

г. Самара, Россия

Д. П. Смороднов,

г. Самара, Россия

Российско-китайские отношения на современном этапе

В статье рассматриваются отношения России и КНР на современном этапе. Путь становления российско-китайских отношений был сложен и неоднозначен. Несмотря на то, что в настоящее время достигнут целый ряд значительных успехов для сохранения и стимулирования положительной динамики, требуются взаимные усилия обеих сторон.

Ключевые слова: *Россия, Китай, отношения России и Китая, перспектива, положительный результат, негативное мнение, путь становления отношений*

М. I. Varakina,

Samara, Russia

D. P. Smorodnov,

Samara, Russia

Russian-Chinese Relations at the Present Stage

This article discusses relations between Russia and PRC at the present stage. The path to the development of Russian-Chinese relations was complex and ambiguous, and despite the fact that a number of significant successes have been achieved at present, preserving and stimulating positive dynamics requires mutual efforts on both sides.

Keywords: *Russia, China, Russian-Chinese relations, positive result, negative opinion, path of formation relations*

На сегодняшний день факт того, что между Россией и Китаем выстроились крепкие, дружественные отношения, ни для кого не является чем-то удивительным и новым. Зачатки этих отношений появились ещё 70 лет назад, но развивались отношения между двумя странами скачкообразно, а порой и вовсе stagnировали. Начиная с распада СССР в 1991 году, обе стороны стали проявлять большую заинтересованность и активность в развитии отношений дружбы и сотрудничества. Самый плодотворный период выстраивания этих отношений начался в 2012 году, с избранием Си Цзиньпина генеральным секретарём и председателем ЦВС компартии КНР.

В том, что между председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом России В. В. Путиным выстроены дружественные отношения, или так называемая «химия», сомневаться не приходится, т. к. первой страной, которую посетил новый генеральный председатель КНР со времени своего избрания, стала Россия. Так же подтверждает это и количество встреч между ними за период между 2012 и 2019 годами, число которых приближается к тридцати. Стоит принять во внимание и слова самого председателя Си Цзиньпина о Президенте Путине и об их отношениях, сказанных 5 июня 2019 года в Москве: «Это мой восьмой визит в Россию за период с 2013 года. Мы с Президентом Путиным установили тесные рабочие контакты, а также глубокую личную дружбу. За прошедшие шесть лет мы встречались почти тридцать раз. Россия для меня – самое посещаемое иностранное государство, а Президент Путин – самый близкий друг и хороший коллега» [2]. Безусловно, мы не будем воспринимать эти слова как нечто большее, чем вежливость, но не признавать, что они оставляют позитивный настрой, мы тоже не можем.

Казалось бы, о стабильных и позитивных отношениях между Россией и КНР можно говорить с твёрдой, стопроцентной уверенностью, подчёркивая только положительную составляющую этих отношений, но, на сегодняшний момент мы не можем не отметить существующее мнение о том, что сложившиеся отношения между Россией и КНР, выгодны лишь Китаю и убыточны для России. К людям, которые разделяют эту точку зрения, относятся российские политологи (Александр Анатольевич Храмчихин), журналисты и государственные деятели (Борис Сергеевич Миронов), некоторые российские деятели культуры (Никита Сергеевич Михалков), а так же и военные эксперты.

А. Храмчихин в своей статье от 2008 года пишет следующее: «Экономические отношения между РФ и КНР сложились таким образом, что представляют собой выкачивание из России технологий и невозобновляемых природных ресурсов в обмен на поставки из Китая низкокачественного ширпотреба и постепенное установление контроля со стороны КНР над важнейшими отраслями экономики Сибири и Дальнего Востока РФ».

Б. Миронов считает, что принятый в 2014 г. Закон 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» сможет помочь КНР осуществить юридически оформленное фактическое присоединение Сибири и Дальнего Востока. Н. Михалков выдвигает опасения касаясь риска военного захвата этих территорий из-за слаборазвитости и малонаселённости. Военных специалистов беспокоит характер закупаемых НОАК систем вооружений и проводимых учений в приграничных к РФ военных округах.

Безусловно, вышеуказанные точки зрения имеют полное право на существование, но хотелось бы развеять многие сомнения по поводу российско-китайских отношений, т. к. высказанные мнения уже отчасти устарели. И теперь, зная на чём базируются эти суждения, в силу наших возможностей попытаемся отразить, на наш взгляд, истинную ситуацию, при этом развеяв суггестивные заблуждения. Прежде всего, рассмотрим мотивацию обеих стран, которые способствовали их сближению на международной арене:

- Обе страны понимают, что наращивание торговых отношений и осуществление совместных проектов обещает огромную выгоду обеим сторонам.

- Китай до сих пор помнит «опиумные войны» и навязывание наркотиков Китаю со стороны США, что подталкивает КНР к противостоянию негативного воздействия со стороны Соединённых Штатов.

На наш взгляд, первым шагом к разрушению мифа о невыгодных взаимоотношениях между Россией и КНР станет разговор о крупнейшем в истории контракте на поставку газа. Отметим, что 21 мая 2014 года российский «Газпром» и Китайская национальная нефтегазовая корпорация заключили тридцатилетний договор на поставку газа [3]. Контракт предусматривает поставку до 38 млрд м³ газа в год с общей ценой 400 млрд долл. за 30 лет. Договор является крупнейшим не только за всю историю газовой отрасли СССР,

но и за всю историю газовой отрасли современной России и, по-видимому, крупнейшим соглашением о поставках газа за всю историю мировой газовой промышленности.

Глава Газпрома Алексей Миллер сообщил о дальнейших планах сотрудничества с Китаем: «38 млрд – это только начало. Потому что мы с нашими китайскими партнёрами договорились, что тут же, как только подписываем контракт по восточному маршруту, начинаем переговоры по западному маршруту. Один только этот контракт может служить вполне достойным гарантом крепких отношений, но мы пойдём дальше, а дальше, как говорится, больше. Китай в ноябре 2015 года увеличил закупки нефти в России на 18% в годовом выражении до 3,9 млн тонн, сообщает Главное таможенное управление Китая. Таким образом, Россия в ноябре 2015 года стала крупнейшим поставщиком нефти в Китай».

Теперь же, высказав свою точку зрения по поводу мифов экономических, перейдём к мифам военным. Для начала попытаемся определить происхождение данных мифов. Первая гипотетическая причина строится на перевесе в количестве людей (на 2017 год вооружённые силы Китая составляют 2183 тыс. чел., в то время как у России всего 831 тыс. чел., то есть в 2,63 раза меньше), ресурсов и влияния. Так как Китай имеет преимущество в данных категориях, то многие задумываются над вариантом насильственного присвоения территорий России Китаем, ведь в военном плане КНР может осуществить данный сценарий.

Подливает масло в огонь, который может разжечь негативный костёр между Россией и Китаем, и ещё один момент: Российско-Китайский союз крайне не выгоден Западу, поэтому логично будет предположить, что Запад первым захочет помешать этому альянсу. Используя стратегию «разделяй и властвуй», западные специалисты вполне могут распространять различные мифы об агрессивном Китае, желающем войны, которые порой не имеют под собой ничего разумного и правдивого.

Теперь же, зная примерные мотивы известных нам заблуждений, начнём их развеивать. У китайцев есть немало причин не селиться массово на территории России. Одна из самых значимых – неравномерное распределение населения на территории самого Китая. На карте плотности населения видно, что большинство китайцев проживают в сильно урбанизированных районах на восточном побережье, а по мере удаления к границам плотность сокраща-

ется и на окраинах (особенно западных) составляет менее 50 чел./км². На наш взгляд, логически верный вывод напрашивается сам: у китайцев есть, как минимум, реальный повод, чтобы заниматься освоением своих, почти пустынных территорий вместо заселения чужих. Помимо вышесказанного следует отметить:

- Наличие богатых мало освоенных ресурсов в самом Китае.
- Необходимость решения проблемы слабой населённости западных районов Китая и преодоление тамошнего сепаратизма.
- Необходимость укреплять геополитическое влияние в Средней Азии, Монголии и Индии.
- Геоклиматические условия даже на юге Восточной Сибири (Иркутская область, Забайкальский край) гораздо более суровые, чем на северо-востоке Китая. Про север Сибири и Дальнего Востока и говорить нечего.

В заключение отметим, что возможную военную угрозу Китая России можно решить путём постановки трёх резонных вопросов:

1. Будет ли Китай меньше внимания уделять переделу сфер влияния в Южно-Китайском море и вообще в Восточной и Юго-Восточной Азии ради подготовки к интервенции в Сибирь, которую он мог бы покорить в предыдущие века, но почему-то не сделал это?

2. С кем Китай предпочтёт начать войну – с Россией, которая имеет вторую по мощи армию в мире и ядерное оружие, или выберет Вьетнам, который имел богатый и неприятный опыт военных столкновений с КНР, но при этом не имеет ядерного оружия и более сильной армии, чем у Китая? И, вообще, намерен ли Китай вести реальные военные действия? Готов ли Китай развязать войну с любой страной современного мира, и нужно ли это Китаю? Опираясь на мнение известных политологов, историков, культурологов, военных историков, которые занимаются всесторонним изучением Китая, мы можем сказать, что Китай не является сторонником активных военных действий, а живёт под лозунгом «Гармоничное развитие и мирное возвышение Китая».

3. Почему не существует похожих опасений по поводу войск и баз НАТО? Не секрет, что в 1990–2000-х гг. происходил процесс расширения альянса в направлении России? Не случайно в Восточной Европе, Южной Корее и Японии сосредоточены крупнейшие зарубежные группировки войск США.

Мы склонны думать, что, исходя из сложившейся ситуации на мировой арене, и России и Китаю, целесообразно будет вести

союзную деятельность, нежели военную. Обе страны заинтересованы в продвижении вперёд, в развитии и прогрессе. На пути к этим целям ни у кого нет времени тратить его на убыточные конфликты. Ведь в правительствах обеих стран работают далеко не глупые люди, знающие ценность человеческим жизням и ресурсам, наученные опытом своей истории, в которой война забирала намного больше, чем давала.

Прогресс не имеет предела, и чем раньше государства сплотятся и начнут работать сообща, тем быстрее они достигнут высот в развитии, но пока, на наш взгляд, яркое и точное осознание этого мы можем заметить лишь в отношениях между Россией и Китаем.

Список литературы

1. Васильева А. В., Тестина Я. С., Кучумов А. В. Развитие внешне-экономических связей России и Китая в области туризма // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Экономика и управление». – 2018. – Т. 4, № 1. – 171 с.

2. Отношения России и Китая: официальный сайт «РуЭксперт». – URL: <http://www.ruxpert> (дата обращения: 12.08.2019). – Текст: электронный.

3. Россия и Китай подписали крупнейший энергетический контракт в истории отношений: официальный сайт Первого канала. – URL: https://www.1tv.ru/news/2014-05-25/42497rossiya_i_kitay_podpisali_kрупнейshiy_energeticheskiy_kontrakt_v_istorii_otnosheniy (дата обращения: 12.08.2019). – Текст: электронный.

УДК 327 (571.55:510)

ББК Ф492 (Рос-; Чит:5 Кит)

*В. Г. Дацышен,
г. Красноярск, Россия*

Китайские рабочие на «строительстве коммунизма» в Забайкалье: из истории советско-китайского сотрудничества в 1950-е годы

С провозглашением в 1949 году Китайской Народной Республики русско-китайские отношения вышли на качественно новый этап. Сотрудничество между двумя странами и народами приняло новые формы и содержание. Исторический опыт советско-китайского сотрудничества сохраняет актуальность и до наших дней. Одним из самых сложных и противоречивых вопросов, акту-

альных для русско-китайских отношений уже более полутора веков, является присутствие китайских рабочих на стройках и предприятиях востока России.

Ключевые слова: *советско-китайское сотрудничество, Советский Союз, Китай, культурно-массовая и спортивная жизнь*

*V. G. Datsyshen,
Krasnoyarsk, Russia*

Participation of Chinese Workers in “Communism Building” in Transbaikal region: 1950-s Soviet-Chinese Cooperation History

With the proclamation of the people's Republic of China in 1949, Russian-Chinese relations entered a qualitatively new stage. Cooperation between the two countries and peoples has taken new forms and content. The historical experience of Soviet-Chinese cooperation remains relevant IDO of our days. One of the most complex and controversial issues relevant to Russian-Chinese relations for more than a century and a half is the presence of Chinese workers at construction sites and enterprises in the East of Russia.

Keywords: *Soviet-Chinese cooperation, Soviet Union, China, cultural and sports life*

С провозглашением в 1949 году Китайской Народной Республики русско-китайские отношения вышли на качественно новый этап. Сотрудничество между двумя странами и народами приняло новые формы и содержание. Исторический опыт советско-китайского сотрудничества сохраняет актуальность и до наших дней.

Одним из самых сложных и противоречивых вопросов, актуальных для русско-китайских отношений уже более полутора веков, является присутствие китайских рабочих на стройках и предприятиях востока России. В 1950-х годах китайские рабочие тоже приглашались в Россию, но этот опыт изучен недостаточно.

В советской историографии вопросы пребывания китайских рабочих в СССР в 1950-х годах почти не затрагивались. В постсоветской историографии к этой теме проявляли больший интерес [2, с. 320; 13; 14]. В числе первых по данной проблеме писал и китайцевед А. П. Тарасов: «В сентябре–октябре 1954 года во время посе-

щения Пекина советской партийно-правительственной делегацией Председатель КНР Мао Цзэдун изложил свои соображения о переселении большого контингента китайских рабочих (называлось 10 млн чел.) в районы советского Дальнего Востока и Сибири с тем, чтобы им разрешалось обзаводиться семьями, женившись на советских женщинах, и постоянно проживать там. Советская сторона, расценив данное предложение как преследовавшее цель заселить советские земли китайцами и подвергнуть ассимиляции местное население, отклонила его, несмотря на возросшие потребности в рабочей силе со стороны хозяйства СССР» [15]. Дальневосточные историки так описали проблему: «Китайская сторона нарушала условия соглашения и отправляла в СССР рабочих с тяжёлыми заболеваниями...» [1]. Исследователь из Благовещенска А. В. Друзяка пишет, что в 1950-е годы «привлекались на Дальний Восток по договорам вербовки и китайские работники», но не приводит ни одного примера [4]. Таким образом, написанные на основе воспоминаний и «устной истории» работы затронули лишь отдельные проблемы приглашения китайских рабочих в СССР в 1950-х годах. Вопросы ввоза китайских рабочих в СССР отражены и в трудах известного российского китаевода А. Г. Ларина [12]. В начале XXI века историки Сибири и Урала восстановили историческую картину привлечения китайских рабочих на «стройки социализма» в Прибайкалье и на Урале [3, с. 194–198; 8; 11].

В Китае тоже изучают историю ввоза китайских рабочих в Советский Союз в середине 1950-х годов. В частности, этими вопросами занимался молодой учёный из Шанхая Гу Цзикунь. В 2011 году в Китае была опубликована книга о рабочих из уезда Цинюань провинции Хэбэй для участия в коммунистическом строительстве и трудового обучения в СССР [20]. В последние годы российские и китайские учёные наладили сотрудничество, результатом чего стали совместные публикации по истории китайских рабочих в СССР [9; 17; 19].

Несмотря на наличие значительного числа работ по истории китайских рабочих в СССР, в историографии встречаются ошибки и имеются пробелы. Например, в добротном исследовании Каменских ошибочно пишет, что рабочих из Хэбэя разместили только в Иркутске, Молотове и Березниках. На самом же деле первая партия рабочих была размещена в Забайкалье, на что правильно, хотя и очень кратко, указали дальневосточные исследователи [1,

с. 11]. Отражённая в документах противоречивая ситуация не позволила многим исследователям восстановить историческую картину. Так как к приёму китайских рабочих всё было готово в большинстве регионов Сибири и Дальнего Востока, то некоторые исследователи ошибочно писали о широком использовании китайского труда в СССР во второй половине 1950-х годов. В работах ошибочно пишут о приезде китайских рабочих в те места, куда на самом деле лишь планировалось их привезти. И наоборот, почти не упоминается история работы китайцев в Забайкалье.

1 октября 1949 года в Пекине была провозглашена Китайская Народная Республика, которую на следующий день официально признал Советский Союз. 14 февраля 1950 года был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между нашими странами. Между СССР и КНР более чем на десятилетие установились теснейшие дружеские отношения, основанные на единстве идеологий и общности интересов в области строительства нового общества и на мировой арене. Почти полное взаимопонимание между руководством СССР и КНР наблюдалось до конца 1950-х годов. На XX съезде КПСС в 1956 году заместитель Председателя КПК Чжу Дэ поддержал решение советских коммунистов осудить культ личности И. В. Сталина. Эта позиция была одобрена на VIII съезде КПК в сентябре 1956 года. В 1957 году на Московском совещании коммунистических и рабочих во главе с Мао Цзэдуном была подписана Декларация в поддержку решений XX съезда. Но в 1959 году в отношениях между СССР и КНР проявились противоречия по ряду международных и межгосударственных отношений. С 1960 года начались открытые дискуссии между коммунистическими партиями двух стран. С 1964 года советско-китайские отношения вступили в эпоху конфронтации.

Правительство КНР направило в разные города Советского Союза своих граждан на учёбу, стажировку и на производственную практику. Забайкальские историки отмечают: «На станции Забайкальск проходили обучение китайские железнодорожники, электрики, связисты, рабочие других специальностей. Для них проводились теоретические и практические занятия, на которых присутствовали по 50–100 и более китайских специалистов» [6].

В Забайкалье многие предприятия в 1950–1960-х годах принимали стажёров из Китая. Работники Аньшанского металлургического комбината ездили на Петровск-Забайкальский метал-

лургический завод, горняки из КНР учились на Шерловогорском горно-обогатительном комбинате. В Забайкалье приезжали металлурги из Циндао. Даже обучение китайских студентов не ограничивалось рамками высших учебных заведений, китайцы проходили практику на стройках и предприятиях Сибири. Например, китайские студенты из Ленинграда Тан Эр-мей и Юй Де-дзень работали на строительстве Назаровской ГРЭС экскаваторщиками [10]. Таким образом, с начала 1950-х годов было налажено тесное сотрудничество между СССР и КНР. Китайские практиканты и стажёры появились на стройках и предприятиях Сибири.

В 1954 году был разработан план приглашения в СССР китайских рабочих для участия в «строительстве коммунизма». Китайский историк пишет: «12 октября 1954 года Китай и Советский Союз подписали соглашение о сотрудничестве. Согласно документу китайское правительство должно было послать работников для поездки в Советский Союз и организовать эту поездку. Советское государство гарантировало, что китайские рабочие будут пользоваться равными с советскими рабочими правами на получение жалованья и социальных льгот» [18].

8 ноября 1954 года в Пекине состоялись специальные переговоры между Дэн Сяопином и И. В. Архиповым. На них обсуждались вопросы трудовых договоров, заработной платы и последующих планов развития соглашения о привлечении китайских рабочих в СССР. В конце 1954 года в Москве прошла очередная серия переговоров, одним из результатов которых стало постановление Совета Министров СССР от 17.01.1955 г. № 92-49/с «О наборе в КНР рабочих для участия в коммунистическом строительстве и трудового обучения в СССР». Организация работ по набору китайских рабочих на территории КНР и направлению их на стройки и предприятия в СССР была возложена на Главное управление трудовых резервов при Совмине СССР. Для этого при Главном управлении трудовых резервов было создано Управление по набору китайских рабочих. С китайской стороны появилось управление по набору рабочих за границу (出国工人管理局, Chu guo gong ren guan li ju). Кроме того, была создана совместная Советско-Китайская комиссия по набору китайских рабочих с местопребыванием попеременно в Москве и Пекине.

Китайских рабочих планировалось завести в 22 российских региона и в Казахстан. Китайцев ждали предприятия и строй-

ки Сахалинской, Иркутской, Читинской, Кемеровской, Томской, Молотовской областей, Хабаровского, Красноярского, Алтайского краёв, Бурят-Монгольской АССР и других советских регионов.

В середине весны 1955 года советское руководство неожиданно отказалось от первоначальных планов привлечения китайских рабочих в СССР. 15 апреля 1955 года Хрущев направил Мао Цзэду письмо, в котором сообщил о решении приостановить реализацию программы ввоза рабочих из КНР. Но Лю Шаоци предложил всё же отправить несколько сотен или тысяч китайских рабочих. 4 мая 1955 года представители двух стран, Чжан Се и Власов, согласовали планы набора и отправки в СССР 1 тыс. китайских рабочих их уезда Цинюань провинции Хубэй. Реализация этого плана была назначена на июнь-июль 1955 года.

7 июля 1955 года первая группа рабочих была погружена в вагоны на станции Баодин, и в сопровождении советских представителей выехала на север. Вторая партия рабочих (700 чел.) была погружена на поезд 11 июля. 11 и 15 июля представитель китайского Управления по набору рабочих за границу подписал с представителем Совета Министров СССР документы о пресечении двумя партиями китайских рабочих советской границы. Китайцы прибыли на станцию Отпор.

Далее китайцы были разделены на три группы, которые направились, соответственно, в Закаменский район Бурятии, в Усолье-Сибирское Иркутской области и в город Молотов (Пермь).

Первая партия китайских рабочих была направлена на строительство завода по производству вольфрама и марганца в Закаменском районе Бурятии. 13 июля 1955 года 298 китайцев во главе с Чжай Цуньхуй прибыли на Джидинский вольфрамо-молибденовый комбинат. Центр комбината находился в городе Городок (с 1959 г. – Закаменск). Из китайских рабочих были сформированы отдельные бригады, больше 10 чел. в каждой, возглавляемые соплеменниками. Китайцы вышли на работу на третий день после приезда, они были заняты на строительных работах. В местной газете упоминались следующие занятия китайцев: разнорабочие, землекопы, формовщики шлакоблочного завода, бетонщики, каменщики, штукатуры, плотники, пильщики, столяры, моляры, слесари и др.

Уже через месяц после начала работы на Джидинском комбинате китайцы и китайские бригады появились среди «лучших по профессии» и победителей «социалистического соревнования». К на-

чалу 1956 года китайцы на своих направлениях работы устойчиво занимали лидирующие места в «социалистическом соревновании». Наибольшую известность китайские передовики получили во время празднования Дня строителя в августе 1957 года. В газете «За металл» от 17 августа был подведён итог двухлетнего пребывания китайцев на забайкальском комбинате: «Нас послали сюда, чтобы мы научились у советских товарищей передовым методам строительства и приобретённые навыки умело применяли на многочисленных стройках нашей Родины... Сейчас уже не сравнить то положение, которое было в первые дни нашего пребывания в г. Городке, с настоящим периодом нашей жизни. Благодаря бескорыстной братской помощи советских людей и под воздействием нашей партийной и молодёжной организаций сравнительно высоко поднялся политический и идейный уровень наших рабочих. Намного возросла их производственная квалификация. Сейчас наши товарищи стали квалифицированными рабочими, большинству из них присвоены 4–5-е разряды. Более 90 % общего числа наших бригад и рабочих ежемесячно выполняют и перевыполняют производственные нормы. Например, бригады каменщиков тов. Цуй Бао-чжуна, плотников Ван Юн-фына, штукатуров Хао Лай-цзы... идут в передовой шеренге соревнующихся. В борьбе за экономию строительных материалов особенно хороших результатов добиваются бригады, которыми руководят Чжан Цинь-чжу, Се Юн-мао и Чжао Хун-ли... Бригады каменщиков Ли Юнь-тяня, Ли Дин-сяна и Хо Сяо-юй умело используют половняк, раствор... в течение истекшего полугодия 1957 года мы провели более 10 воскресников... за период с июля прошлого года и по сегодняшний день среди наших товарищей не было ни одного случая прогула и невыхода на работу... В наше распоряжение отведены красные уголки, где имеются десятки разных журналов. Много литературы. На досуге мы проводим соревнования по баскетболу, волейболу, шахматам, разучиваем песни, танцы и т. д. У нас систематически читаются лекции на международные темы, а также по вопросам, касающимся строительства коммунистического общества в Советском Союзе и Китае» [5].

В числе проблем, с которыми столкнулись китайские рабочие в Бурятии, было непривычное питание. Особенно тяжелы для китайцев были обычные для русских чёрный хлеб и блюда из красной свёклы. Китайцам сильно не хватало овощей. Выход из ситуации был найден выделением земли для самостоятельного огородничества.

В июне 1958 года истёк трёхлетний контракт китайцев. Рабочие съездили в отпуск на родину и почти все подписали контракт на следующий срок – с июля 1958 года по июль 1961 года.

В статье «Мы строим будущее» говорилось: «Пять лет тому назад 300 парней из деревень провинции Хэбэй изъявили желание поехать в Советский союз... Прибыли мы в Закаменск. Нас определили рабочими бывшего строительно-монтажного треста «Джидастрой»... Из восьмидесяти моих земляков, работающих на втором строительном участке, около семидесяти имеют в настоящее время по две и три строительных специальности. За пять лет бригада каменщиков, которой я руковожу, выполнила каменные работы более чем на десяти многоквартирных домах» [7].

Китайские рабочие были вовлечены в культурно-массовую и спортивную жизнь забайкальского городка. В опубликованной в газете «За металл» от 3 октября статье «Утренник, посвящённый юбилею Китайской Народной Республики» говорилось: «В прошлое воскресенье в малом зале городского клуба собрались пионеры, здесь состоялся утренник, посвящённый 8-летию Китайской Народной Республики. К пионерам пришли гости – китайские товарищи. Открыв утренник, старшая пионервожатая Дома пионеров тов. К. С. Филиппова предоставила слово гостям. Заместитель управляющего трестом тов. Чэн Вэнь-тун рассказал ребятам, как живут и учатся дети в Китае... (рассказ о подвиге китайского мальчика, убитого японцами). Товарищ Чэн Вэнь-тун рассказал о дружбе китайских и советских ребят. Они переписываются. Часто обмениваются между собой посылками. Нередко китайские ребята посещают Советский Союз... Затем выступил тов. Вэй Дзян-мин, который поблагодарил пионеров за приглашение на утренник. После этого состоялся концерт художественной самодеятельности. Сначала выступили гости. Чжао Бао-тян исполнил отрывок из старой китайской оперы. Вэй Дзян-мин спел песню «Китайско-советская дружба» и показал акробатический этюд. После выступления гостей концерт продолжили учащиеся школ № 7 и 8» [5].

О своём досуге в 1957 году газете «За металл» от 10 августа китайцы рассказывали следующее: «Веселимся по-разному и проводим свой досуг так, как это хочется каждому, – отвечает тов. Ли. – Я, например, очень люблю баскетбол, и всё своё свободное время (особенно теперь – летом) отдаю этой игре. Тренируемся всей командой и повышаем спортивное мастерство в надежде, что если

придётся ещё раз побывать в г. Улан-Удэ и принять участие в дружеском матче с командой «Авангард», то не повторится неудачный наш дебют, как это было в конце мая 1957 года» [5].

Китайские рабочие были вовлечены в общественно-политическую жизнь в масштабах всей Бурятии. В марте 1959 года в сообщении о подготовке к празднованию юбилея указывалось: «Молодёжь намечает в июне 1959 года провести республиканскую молодёжную эстафету дружбы с вручением её китайским рабочим в городе Городок по маршрутам: а) Курумкан – Баргузин... – Городок; б) Сосновка – Хоринск... Улан-Удэ – Городок; в) Тарбагатай – Мухоршибиль... Кяхта... Городок... В нашем городе на строительстве вот уже четвёртый год хорошо трудится большой коллектив китайских рабочих... Имея в городе достаточное количество переводчиков китайского языка, коллективы предприятий, учреждений, школ могут установить связь с коллективами в КНР и вести с ними широкую переписку. Задача партийных, профсоюзных и комсомольских организаций города – широко организовать подготовку к славному юбилею китайского народа и включиться в работу по созданию отделения Общества советско-китайской дружбы в Городке» [Там же].

И в Усолье-Сибирском, и в Пермской области, десятки китайских рабочих женились на русских девушках. Для детей китайцев были организованы отдельные группы в яслях и детских садах. Относительно Закаменска по китайским документам известно, что китайским рабочим не запрещалось вступать в брак с местными женщинами, но их предупредили, что многие женщины были из числа бывших осуждённых, и рекомендовали проявлять осторожность при принятии решения о вступлении в брак.

На сегодняшний день не восстановлена историческая картина завершающего этапа пребывания китайских рабочих в Забайкалье. В отличие от истории китайцев в Иркутской и Пермской областях пока неизвестны точные сроки окончательного выезда китайских рабочих на родину из Бурятии. Последними крупными мероприятиями, в которых принимали участие китайские рабочие в СССР, состоялись в рамках празднования 13-й годовщины образования КНР, в сентябре-октябре 1962 года. Газетных публикаций о китайцах на Джидинском комбинате, датированных после 1960 года, нам найти не удалось.

В 1963 году, перед окончательным выездом из СССР, китайцы поставили памятники своим умершим и погибшим соплемен-

никам в Усолье-Сибирском и на Урале, а многие китайцы, женившиеся на русских девушках, остались жить в СССР. На территории Бурятии эти сюжеты истории ещё не изучены.

Список литературы

1. Ващук А. С., Крушанова Л. А. Мобилизационные формы пополнения трудовых ресурсов в СССР. 1945–1950 гг. // Россия и АТР. – 2006. – № 1. – С. 5–13.
2. Волохова А. А. О некоторых проблемах советско-китайских отношений // И не распалась связь времён. – М., 1993. – 391 с.
3. Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири XVII–XX: проблемы миграции и адаптации. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2008. – 327 с.
4. Друзяка А. В. Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858–2008 гг.). – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. – С. 72.
5. За металл. – 1957. – 17 авг., 3 окт., 10 авг.
6. Забайкалье – КНР. Приграничные и межрегиональные отношения. 1945–2012 / под ред. Н. В. Гордеева. – 2-е изд. – Чита: Экспресс-изд-во, 2015. – С. 78–79.
7. Закаменская Правда. – 1960. – 1 окт.
8. Каменских М. С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI в. – СПб.: Маматов, 2011. – 352 с.
9. Китайские рабочие в СССР: опыт антропологического осмысления: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 14–15 мая 2015 г.) / отв. ред. М. С. Каменских. – Пермь: Перм. гос. гум.-пед. ун-т, 2015.
10. Красноярский комсомолец. – 1959. – 10 июля.
11. Кузнецов М. В. Китайские рабочие в Усолье-Сибирском (1955–1963 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2010. – С. 298–303.
12. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. – М., 2009. – 510 с.
13. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – С. 223.
14. «От Яузы до Москвы-реки...». Воспоминания выпускников 1955 года. – М.: МГИМО-Университет, 2005. – С. 46.
15. Тарасов А. П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. – Чита: ЗаБГПУ, 2003. – С. 153–154.
16. Хомякова А. А. Китайцы в Усолье-Сибирском. К вопросу об изменении представлений о китайцах в русском обществе // Преподавание истории и культуры стран Азии в средней и высшей школе России: исторический опыт и современные проблемы. – Красноярск, 2008. – Вып. 3. – С. 194–198.
17. Чэн Хун, Дацышен В. Г. Сравнительный анализ пребывания китайских рабочих в Сибири и на Дальнем Востоке России в 1950-х и 1990-х гг. //

Современная научная мысль. Научный журнал НИИ истории, экономики и права. – 2018. – № 5. – С. 33–36.

18. Ян Шушен. Механизм социальной мобилизации китайских рабочих в 1950 годы // Китайские рабочие в СССР: опыт антропологического осмысления: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 14–15 мая 2015 г.) / отв. ред. М. С. Каменских. – Пермь: Перм. гос. гум.-пед. ун-т, 2015. – С. 104–105.

19. 戴建兵、达旗升. 中国工人在苏联档案资料选编. – 石家庄: 河北出版传媒集团, 2019. = Дай Цзянбин, Дацышен В. Г. Избранные архивные материалы о китайских рабочих в Советском Союзе. – Шицзячжуан: Хэбэйская издательская группа, 2019.

20. 段秀峰、李新锁. 清苑•1955: 赴苏援建. 北京: 新华出版社, 2011 年. = Дуань Сюэфэн, Ли Синьсо. Цинъюань 1955: на стройке Советского Союза. – Пекин: Синьхуа, 2011.

УДК 94(5)

ББК 63.39(0)53

Е. В. Дроботушенко,

г. Чита, Россия

Соглашение между Россией и Китаем о статусе и положении Хулунбуира от ноября 1915 года¹

В статье с опорой на источник, а именно на подписанное соглашение между Российской империей и Китайским республиканским правительством, характеризуются статус и положение особой области Хулунбуира, которая была подчинена непосредственно Центральному китайскому правительству. Автор отмечает, что на сегодняшний день, несмотря на наличие определённого количества исследований по проблемам административного устройства Северного Китая, до конца все аспекты статуса и состояния отдельных территориальных единиц региона не изучены. Вопросы о территориальном устройстве северных территорий Китая решались совместно российскими и китайскими властями.

Ключевые слова: *административное устройство, Северный Китай, Хулунбуир, российско-китайские отношения, соглашение*

¹ Работа выполнена в рамках реализации научного гранта № 266-ГР Совета по научной и инновационной деятельности Забайкальского государственного университета по теме «Нормативное регулирование конфессиональных отношений на приграничных территориях Забайкалья, Северного Китая и Монголии: история и современность (компаративный анализ)».

Agreement between Russia and China on the Status and Position of Hulunbuir from November 1915

The article, based on the source, namely the signed agreement between the Russian Empire and the Chinese Republican government, characterizes the status and position of the special region of Hulunbuir, which was subordinated directly to the Central Chinese government. The author notes that, to date, despite the presence of a certain number of studies on the administrative structure of Northern China, to the end all aspects of the status and status of individual territorial units of the region, have not been studied. Questions about the territorial structure of the Northern territories of China were resolved jointly by the Russian and Chinese authorities.

Keywords: *administrative structure, North China, Hulunbuir, Russian-Chinese relations, agreement*

История административно-территориального устройства Северного и Северо-восточного Китая на сегодняшний день в определённой степени нашла отражение в научной литературе. Причём первые работы по проблематике появились ещё в период Российской империи. Издавались они как в России, так и в Китае. Это справочные издания, а также публикации с попыткой научного анализа проблемы. Здесь можно назвать исследования таких авторов, как А. В. Сеницын, И. С. Бруннерт, В. В. Гегельстром и др. При этом отдельные труды переиздавались на английском языке, к примеру, в Нью-Йорке [1; 3; 17; 21] Из справочных изданий можно назвать «Отчёты по командировкам агентов Коммерческой части Китайской Восточной железной дороги» [13–15; 20].

Определённое количество публикаций относится к 1920-м годам. Изданы они в Харбине, либо на страницах периодических изданий, либо отдельными книгами в типографии Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) и иных издательствах города [2; 12; 18 и др.].

Административное устройство и его реформы на Севере и Северо-Востоке Китая анализировались и некоторыми современными авторами [7–9; 11]. Несмотря на наличие определённого количества публикаций по вопросам административной организации

и управления на территории Северного и Северо-Восточного Китая в начале XX века, они практически не содержат данных по предметному полю данной статьи.

О «Соглашении между Императорским Российским и Китайским республиканским правительством, касающемся положения Хулунбуира» в энциклопедической статье кратко говорит А. П. Тарасов, именуя его, по какой-то причине, «Русско-китайским соглашением о Хулунбуирском округе». Как минимум не соответствует название, а как максимум, в статье первой названного соглашения читаем: «Хулунбуир образует особую область...», в статье пятой читаем «...равно, как и все доходы этой области...» [4, л. 144–145; 16, с. 250–251, ст. I, V; 19].

Сказанное предопределило появление данного исследования, целью которого, с одной стороны, было акцентирование внимания на слабой изученности проблемы, с другой, характеристика положений рассматриваемого соглашения, а значит и характеристика некоторых особенностей существования области Хулунбуир в рассматриваемое время.

Итак, соглашение по Хулунбуиру было подписано 24.10/06.11.1915 г. С российской стороны его подписал действительный статский советник (Д.С.С.), с 1913 по 1916 год российский посланник в Пекине Василий Николаевич Крупенский. С китайской стороны договор подписал министр иностранных дел Лу Чженсян [4, л. 146; 16, с. 252].

Хулунбуир по договору – это особая область, которая подчиняется непосредственно Центральному китайскому правительству. В то же время, если возникает особая необходимость, к примеру, для ускорения решения вопроса, руководство Хулунбуирской областью могло обращаться непосредственно к властям Хэйлунцзянской провинции. Таким образом, несмотря на центральное подчинение Хулунбуирской области, она находилась в ведении властей Хэйлунцзяна [4, л. 145; 16, с. 250].

Начало XX века – это время административных реформ на Севере Китая. Военно-административная система управления была упразднена. Вводилось гражданское руководство. Однако Хулунбуир стал исключением. В нём сохранилась должность фудутуна (наместника). Она по статусу равнялась должности военного губернатора с исходящими из этого правами. Это было отражено и в соглашении по Хулунбуиру. Статья вторая соглашения

гласит, что фудутун Хулунбуира назначается на должность Указом Президента Китайской Республики [4, л. 145; 6, с. 10, 26; 16, с. 250].

Фудутун назначался из числа пяти ухерид (правителей хошунов, монг. – огурда, угурда, укурдай) Хулунбуира либо из местных чиновников не ниже III класса [4, л. 145; 10, с. 210; 16, с. 250].

В управлении фудутуна учреждалось два отдела, начальник первого назначался фудутуном, а начальник второго Министерством внутренних дел из чиновников Хулунбуира не ниже IV класса. Функционал отделом определялся фудутунами [4, л. 145; 16, с. 250].

Отношения между фудутуном Хулунбуира и центральными китайскими властями, выражаясь современным языком, строились по принципу субсидарности. Это значит, что центральные власти вмешивались в дела региона только в случаях, когда он сам с ними не справлялся. Об этом читаем в статье IV соглашения: «В обычное время все военные надобности Хулунбуира обслуживаются исключительно местной милицией... В случае возникновения в Хулунбуире беспорядков, подавление которых местная власть признаёт для себя непосильным, Центральное Правительство может отправлять туда отряды своих войск...» [4, л. 145; 16, с. 251].

Практически все финансовые поступления Хулунбуира оставались на его территории и должны были использоваться для его нужд. Исключения составляли традиционно важные для центральных властей статьи. Это поступления от солевых промыслов и морских таможен. Хулунбуир не имел выходов к морю, вероятно, речь идёт о сборах с речных таможен [Там же].

При подписании договора российская сторона учла свои интересы на Севере Китая и прописала, что, в случае строительства китайской стороной на территории Хулунбуира железной дороги, та должна была за капиталом, в первую очередь, обратиться к России [4, л. 146; 16, с. 252].

Исходя из сказанного выше, можно сделать несколько выводов. Во-первых, вопросы административно-территориального устройства Северного и Северо-Восточного Китая решались в рассматриваемое время совместно российским и китайским правительствами. Это было предопределено тем, что на названной территории располагалась Китайско-Восточная железная дорога и вся территория полосы её отчуждения являлась сферой интересов России.

Во-вторых, отдельные территориальные единицы Севера Китая имели особый статус. Это предопределено, помимо важности

территории для России ещё и тем, что в начале XX века в данном направлении, с одной стороны, проводилась колониальная экспансия китайских властей, с другой, она представляла интерес для России. Особый статус имел и Хулунбуир, являясь особой областью, на которой сохранилось фудутунство, т. е., по сути, военное наместничество.

Третьим замечанием станет мысль о неполной, на сегодняшний день, изученности истории административно-территориального устройства Севера Китая, что предполагает дальнейшую серьёзную работу с источниками, архивными делами и различного рода документами, регламентировавшими территориальное устройство названных земель.

Список литературы

1. Административное устройство Маньчжурии / сост. А. В. Спицын. – Харбин: Тип. газеты «Юань-Дунь-Бао», 1909. – 30 с.

2. Баранов И. Г. Административное устройство Северной Маньчжурии: с картой. Общество изучения Маньчжурского края // Вестник Маньчжурии. Сер. А. Историко-этнографическая секция. – 1926. – Вып. 15, № 11–12. – 22 с.

3. Бруннерт И. С., Гагельстром В. В. Современная политическая организация Китая / под ред. и при участии первого драгомана Российской императорской миссии в Пекине Н. Ф. Колесова. – Пекин: Тип. Успенского монастыря при Русской духовной миссии, 1910. – 532 с.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 559. – Оп. 1. – Д. 9.

5. Дацышен В. Г. Монголия в составе Цинской империи в начале XX века и Синьхайская революция // Россия и Монголия в начале XX века. Дипломатия, экономика, наука: статьи участников III Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск: Издательство БГУЭП; Улан-Батор, 2014. – Кн. 3, ч. 1. – С. 25–48.

6. Дацышен В. Г. Очерки истории Монголии в XIX – первой четверти XX в. – М.: Директ-Медиа; Берлин, 2014. – 232 с.

7. Ду Бинбин. Реформа административного аппарата империи Цин (1901–1911 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – М.: Российский университет дружбы народов, 2006. – 22 с.

8. Ду Бинбин. Преобразование правительственного аппарата империи Цин в 1901–1906 гг. как элемент подготовки конституционной реформы // Цивилизации и государства на Востоке: материалы Моск. конф., проведенной кафедрой всеобщей истории РУД (г. Москва, апрель 2006 г.). – М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. – Вып. 5. – С. 100–108.

9. Костина О. А. Административные реформы на Северо-Востоке Китая в начале XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2007. – 141 с.

10. Миягашева С. Б. Военно-административная организация баргутов в период династии Цин // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 8. – С. 208–214.

11. Намсараева С. Б. Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – М.: Институт востоковедения РАН, 2003. – 246 с.

12. Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога. – Харбин: Тип. Китайской Восточной железной дороги, 1922. – 692 с.

13. Северная Маньчжурия: с приложением карты всей Маньчжурии: отчет по командировке агентов Коммерческой Части Китайской Восточной жел. дор. П. Н. Меньшикова, П. Н. Смольникова и А. И. Чиркова в 1914 и 1915 гг. Гириная провинция. – Харбин: Тип. Китайской Восточной железной дороги, 1916. – Т. 1. – 652 с.

14. Северная Маньчжурия: с приложением карты всей Маньчжурии: Отчет по командировке агентов Коммерческой части Китайской Восточной железной дороги: П. Н. Меньшикова, П. Н. Смольникова и А. И. Чиркова в 1914 и 1915 гг. – Харбин: Тип. Китайской Восточной железной дороги, 1916. – Т. 2. Хэйлунцзянская провинция. – 646 с.

15. Северо-восточные сеймы Монголии / сост. А. Баранов. – Харбин: Типо-литография Штаба Заамурского Округа Пограничной стражи, 1907. – Вып. 16. Материалы по Маньчжурии и Монголии. – 139 с.

16. Соглашение между Императорским Российским и Китайским республиканским правительством, касающееся положение Хулунбуира // Сборник документов, относящихся к Китайской Восточной железной дороге. – Харбин: Тип. Китайской Восточной железной дороги, 1922. – С. 250–253.

17. Спицын А. Административное устройство Маньчжурии // Вестник Азии. – 1909. – № 2. – С. 26–54.

18. Справочник по с. Маньчжурии и КВЖД. – Харбин: Полиграф, 1927. – 609 с.

19. Тарасов А. П. Русско-китайское соглашение о Хулунбуирском округе // Энциклопедия Забайкалья. – URL: <http://www.encycl.chita.ru/encycl/person/?id=8551> (дата обращения: 05.08.2019). – Текст: электронный.

20. Хэйлунцзянская провинция Маньчжурии: краткий очерк географии, путей сообщения, населения, администрации и экономического положения / сост. по материалам Управления Российского Военного Комиссара Хэйлунцзянской провинции И. А. Доброловский. – Харбин: Изд. Управления Военного Комиссара Хэйлунцзянской провинции, 1906. – 196 с.

21. Brunnert H. S., Hagelstrom V. V. Present day political organization of China / rev. by N. Th. Kolessoff; Tr. from the Russian by A. Beltchenko and E. E. Moran. – New York: Paragon Book Gallery, 1911. – 572 p.

ББК 930 (5–012)

УДК 63.0 (55)

В. Д. Дугаров,
г. Улан-Удэ, Россия

**Региональные модели складывания «гармоничного
мира» государств Северо-Восточной Азии: история,
диалог и консультации**

Современная модель отечественного трансграничного регионализма определяется спецификой приграничного сотрудничества субъектов Российской Федерации с провинциями Китайской Народной Республики – государств «Большой Восточной Азии», расположенных вдоль Великого Шёлкового пути. Геостратегическая концепция «Один пояс – один путь» предусматривает формирование научно обоснованной стратегии развития стран «Большой Восточной Азии», ориентированной на их своевременное включение в наметившийся процесс геоэкономической революции региональных соседей. Постсоветская модель трансграничного регионализма связана, с одной стороны, культурно-исторической близостью стран-участниц, а с другой, наличием экономических и политических разногласий, требующих от соседних стран значительных усилий.

Ключевые слова: *Россия, Китай, приграничные отношения, «Один пояс – один путь»*

V. D. Dugarov,
Ulan-Ude, Russia

**Regional Models of the “Harmonious Peace” Folding of the
Northeast Asian States: History, Dialogue and Consultations**

The modern model of domestic cross-border regionalism is determined by the specifics of cross-border cooperation between the regions of the Russian Federation and the provinces of the People’s Republic of

China – the states of “Greater East Asia” which are located along the Great Silk Road. The geostrategic concept “One belt, one way” provides for the formation of a scientifically based development strategy for the countries of “Greater East Asia”, focused on their well-timed inclusion in the process of geoeconomic revolution of regional neighbors. The post-Soviet model of cross-border regionalism is connected, on the one hand, with the cultural and historical proximity of the participating countries, and on the other, with economic and political disagreements that require significant efforts from neighboring countries.

Keywords: *Russia, China, crossborder relation, “One belt – one way”*

Геополитические перемены в конце XX – начале XXI века, связанные с бурным развитием стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), актуализировали историко-политологические, экологические особенности взаимодействия сибирских регионов, особенно вхождение в состав Дальневосточного федерального округа (ДФО) Республики Бурятия и Забайкальского края, приграничных регионов России со странами «Большой Восточной Азии». Достаточно сложная история советско-китайских дипломатических отношений второй половины XX – до начала XXI века характеризуется тем, что в результате победоносных для Советского Союза и Китая итогов Второй мировой войны 1 октября 1949 года была образована Китайская Народная Республика. В октябре 1949 года Советский Союз первым признал молодую Китайскую Народную Республику [6, с. 632]. Так была заложена историческая база для многогранного советско-китайского сотрудничества во второй половине XX века, именуемая периодом интернациональной дружбы от «друга № 1» до «опасного маоистского пути Китая». Это было временем конфронтации во многих областях внешнеполитических отношений во второй половине XX века. Начало XXI века характеризуется руководителями двух стран добрососедскими взаимоотношениями, устремлёнными в новую эпоху и имеющими стратегический характер.

Как отметил Президент РФ В. В. Путин, 5 июня 2019 года в «Заявлении для прессы по итогам российско-китайских переговоров»: «Государственный визит председателя КНР Си Цзиньпина проходит в год важного юбилея – 70-летия установления дипломатических связей между двумя нашими странами. И мне приятно

отметить, что российско-китайские отношения вышли на беспрецедентно высокий уровень. Это действительно всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие» [7].

Внедрение в международные отношения трансграничного проекта «Экономический пояс Шёлкового пути» (ЭПП) и Морской Шёлковый путь XXI века (МШП-XXI), сконцентрированного в программе «**Один пояс – один путь**», выдвинутый председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году в Казахстане, становится наиболее востребованным положением во внешнеполитической стратегии стран АТР.

Актуален в современной историографии взаимоотношений трёх стран историко-культурологический, дипломатический анализ международных научных, культурных, спортивных и других связей, проводимый правящими коммунистическими партиями СССР, КНР получивший своё определение «народная дипломатия», развиваемый на принципах интернационального содружества. Политика «народной дипломатии» достигла своего особого развития в 50–60-е годы XX века и была утеряна в период конфронтации в регионе в 70–80-е годы XX века. Деятельность общественных организаций бывших стран социалистической ориентации, развивающихся стран, объединённых принципами сотрудничества и добрососедства, была возобновлена на официальном уровне в 2015–2017 годах работой конференции «Российского комитета солидарности и сотрудничества с народами Азии и Африки» [1; 2; 9]. Теоретический принцип «народной дипломатии», не востребованный в период «охлаждения» межгосударственных отношений в АТР, является малоисследованным в историографии взаимоотношений России Китая и характеризуется, вместе с тем, в достаточной степени сформировавшимся явлением в методологии, чтобы о нём можно было говорить как о вкладе народов России – Китая в теорию и практику международных отношений.

Восстановлению этих принципов послужит нуждающийся в квалифицированной теоретико-методологической проработке создаваемый Международный туристический проект «Великий чайный путь», который совместно реализуют Россия, Китай, Монголия и другие страны пояса «Одна сила – один путь». Китайско-российский Великий чайный путь возрождается в процессе строительства «Пояса и пути» [8].

Единению народов региона послужит основная цель проекта – содействие развитию туризма между тремя странами. В основу проекта положена идея исторического маршрута «Чайный путь», по которому сырьё для этого благородного напитка попадало из Азии в Европу. В настоящее время в реализации проекта на международном уровне уже участвуют Республика Бурятия, Забайкальский край (ныне в составе ДФО), Иркутская область, китайские провинции Фуцзянь, Цзянсу, Хунань, Хубэй, Хэнань, Хайнань, Хэбэй, Шаньси. В рамках реализации этого проекта и проводимой конференции существенное влияние необходимо уделить анализу формирования языковой палитры взаимоотношений между резидентами.

В рамках дискуссионных проблем исследования необходимо проанализировать актуальные вопросы трансграничья, демаркационной истории, документов о делимитации границ государств геостратегического треугольника «Россия – Монголия – Китай». МНР как «буферное» государство играла большую роль во взаимоотношениях СССР и КНР [3, с. 316, 324]. В 60-е годы XX века лидеры КПК, начав ревизию советско-китайских отношений, настаивают на признании русско-китайских договоров XVII–XIX веков, определявших границу неравноправными. Китайская сторона также настаивала на том, что в 1920-е годы. Советская Россия отказалась от всех неравноправных договоров, а поскольку договоры о границе с Россией рассматривались в КНР именно как неравноправные, то китайская делегация не раз заявляла, что вправе признать их ничтожность.

Со второй половины 50-х – начала 60-х годов стали появляться трудности во взаимоотношениях СССР и КНР. Начиная с XX съезда КПСС (1956) между двумя странами нарастали и идеологические расхождения. Позднее на их основе КПК обвинила КПСС в ревизионизме и реставрации капиталистических отношений. Китайским руководством было отрицательно воспринято осуждение культа личности Сталина. Личная неприязнь между Н. С. Хрущёвым и Мао Цзэдуном также сыграла свою негативную роль в ухудшении двусторонних отношений.

Международные межграницные взаимоотношения к концу 60-х годов XX века привели к тому, что конфликт между двумя странами перестал быть только внутренним делом «социалистического лагеря». Негативный эффект противостояния стал оказывать всё более сильное влияние на международную обстановку в реги-

оне. В эту конфронтацию самым тесным образом были «втянуты» МНРП и МНР, являвшиеся, по дискуссионному выражению американского монголоведа О. Латтимора, «сателлитами» Советского Союза. Монголоведные теории зарубежных учёных О. Латтимора, Р. Рупена, А. Сандерса, Ч. Боудэна, Л. Тиллета и других относительно проблем панмонголизма, трансграничья, высказанные ими в 60–80-е годы XX века, мало исследуемые в советской востоковедной историографии, прошли значительную трансформацию в конце XX – начале XXI века [4, с. 68].

Общим историко-методологическим положением является то, что эти международные в формате региональной политики в «Большой Восточной Азии» идеологические историко-политологические противоречия 60–70-х годов XX века необходимо существенно проанализировать и сформулировать, привести в соответствии с современными международными отношениями, дать без конъюнктурной направленности квалифицированные оценки и рекомендации в российской и китайской историографии [3, с. 340].

В условиях усиления межгосударственной конфронтации на советско-китайской границе не прекращался обмен нотами и устными заявлениями, в которых стороны постоянно обвиняли друг друга. Советская дипломатия выражала своё недовольство по поводу нарушения китайскими гражданами границы. С началом проведения культурной революции КПК в 60-е годы международные отношения СССР и КНР приобрели характер, редко встречавшийся до этого в практике международных отношений двух стран [1; 2; 9]. Провокации против СССР случались не только на границе. Пиком конфронтации стал 1969 год, связанный с военными столкновениями на острове Даманский (Чжэньбаодао – досл. «драгоценный остров») [7, с. 390]. Формально китайская сторона имела веские основания претендовать на Даманский и ряд других островов, т. к. они находились по китайскую сторону главного фарватера, который, согласно нормам международного права, принимается за линию границы на пограничных реках. Как показали дальнейшие переговоры, вопрос о принадлежности островов мог быть улажен дипломатическим путём.

В условиях советско-китайского противостояния действия КНР в отношении этих островов были направлены на обострение ситуации и могли рассматриваться как провокационные. Это свидетельствует о том, что инициатором кровопролития на острове

Даманский явилась китайская сторона. В начале марта 1969 года этот инцидент приобрёл характер прямых военных столкновений, закончившихся тем, что в ходе столкновений советские войска потеряли убитыми и умершими от ран 58 чел. (в том числе 4 офицера), ранеными 94 чел. (в том числе 9 офицеров). Безвозвратные потери китайской стороны до сих пор являются закрытой информацией и составляют по разным оценкам от 100 до 300 чел.

11 сентября 1969 года КНР посетил глава советского правительства А. Н. Косыгин, встретившийся с премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем. Результатом «встречи в аэропорту» стала договорённость о дальнейшем ведении переговоров о границе, начиная с 19 октября 1969 года, а также об осуществлении ряда мер с целью нормализации обстановки на границе. Были обсуждены вопросы об обмене послами (вместо временных поверенных в делах), об активизации торговых отношений и о нормализации межгосударственных отношений. Главы правительств пришли к согласию, что во время переговоров следует исключить всякую угрозу применения силы [6, с. 684].

Несмотря на эти договорённости, в конце 80-х годов китайское правительство продолжало считать Монголию своей потерянной территорией. Так, Дэн Сяопин в разговоре с бывшим президентом США Джорджем Бушем-старшим высказывался о потере «огромного куска на севере». На современном этапе, в условиях улучшения межгосударственных отношений РФ и КНР, не потеряли своей актуальности проблемные вопросы демаркации, урегулирования границ России и Китая на Дальнем Востоке, за изменение которых столетиями шли пограничные конфликты. Эти споры приобретают благоприятный характер решения проблемы в начале XXI века.

14 октября 2004 года Президент РФ В. В. Путин и председатель КНР Ху Цзиньтао подписали «Дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на её восточной части», согласно которому, территория спорных островов по реке Амур делилась поровну между сторонами. В августе 2012 года в процессе демаркации границ между Россией и КНР возникли разногласия по линии прохождения государственной границы на западном участке российско-китайской границы. Китайская сторона требует смещения линии государственной границы в глубь территории России. Тщательный исторический и дипломатический анализ

проблем трансграничья, демаркации, делимитации границ второй половины XX века в условиях активной наступательной политики КНР на внешнеполитической арене требует своего современного качественного исследования и наполнения.

Список литературы

1. Борисов О. Б. Внутренняя и внешняя политика Китая в 70-е годы: политический очерк. – М.: Политиздат, 1982. – 384 с.
2. Борисов О. Б., Колосков Б. Т. Советско-китайские отношения, 1945–1980. – 3-е изд., доп. – М.: Мысль, 1980. – 638 с.
3. Дугаров В. Д. Курс лекций по истории Монголии (эпоха древности – начало XXI в.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2016. – 368 с.
4. Дугаров В. Д. Российская историография истории Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2014. – 374 с.
5. Информационное агентство «Синьхуа». – 2019. – 6 июня. – URL: http://www.vtpps://news.rambler.ru/other/42301060/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 12.08.2019). – Текст: электронный.
6. История Китая: учебник / под ред. А. В. Меликсетова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2002. – 736 с.
7. На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооружённых конфликтах XX в. – М.: Граница, 2000. – Т. 3. – 528 с.
8. Российско-китайские переговоры. 5 июня 2019 года // Общероссийская общественная организация «Российский комитет солидарности и сотрудничества с народами Азии и Африки». – М., 2019. – URL: <http://www.rcscaa.org> (дата обращения: 18.08.2019). – Текст: электронный.
9. Тихвинский С. Л. История Китая и современность. – М.: Наука, 1974. 360с.

УДК 93
ББК 63.3(2)

*Г. П. Камнева,
г. Москва, Россия
С. А. Сотников,
г. Москва, Россия
А. А. Сотников,
г. Москва, Россия*

История освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX века

Сибирь – огромная территория азиатской части России, занимает примерно 70 % площади Российской Федерации. Эта территория – основа политического и экономического могущества нашего государства. Сибирь часто называют восьмым континентом, и господство на этом континенте стратегически важно для России. Восточная Сибирь к середине XIX века была местом ссылки, в том числе и для политзаключённых, среди которых были дворяне, декабристы и петрашевцы, участники восстаний в Польше и на других национальных окраинах России. Восточная Сибирь – центр горнодобывающей промышленности, золотых промыслов, крупнейший денежный ресурс государства. На востоке наша страна граничит с такими государствами, как Монголия и Китай. Но границы к 1840 году были не определены, размыты. Вместе с тем в этот период растёт напряжённость во взаимоотношениях со странами Западной Европы, которые уже успели оправиться от наполеоновских войн и были готовы приступить к новому переделу мира. А важнейшим препятствием этому переделу по-прежнему являлась Россия. Сибирь – это прямой выход к Тихоокеанскому побережью, острову Сахалин, полуострову Камчатка, где пересекаются интересы России с Америкой и Японией. Восточная Сибирь – это огромные территории, по поводу обладания которыми не было единого мнения в русских дипломатических кругах. Многие видные политики, в частности К. В. Нессельроде, считали, что закрепление границ испортит отношения России с Китаем. Не известно, как сложилась бы судьба этих территорий, если бы не появление сильных личностей, определивших дальнейший ход истории в этом регионе.

Ключевые слова: *Восточная Сибирь, история развития Приамурского края, отношения России и Китая, граница с Китаем и Монголией, дипломатические отношения с Китаем*

G. P. Kamneva,

Moscow, Russia

S. A. Sotnikov,

Moscow, Russia

A. A. Sotnikov,

Moscow, Russia

History of Development of Eastern Siberia and the Far East in the Second Half of the XIX Century

Siberia – a huge territory of the Asian part of Russia, occupies about 70% of the area of the Russian Federation. This territory is the basis of political and economic power of our state. Siberia is often called the eighth continent and domination on this continent is strategically important for Russia. By the middle of the XIX century Eastern Siberia was a place of exile, including for political prisoners, among whom were nobles, Decembrists and petrashevs, participants of uprisings in Poland and on other national outskirts of Russia. Eastern Siberia is the center of the mining industry, gold fields, the largest monetary resource of the state. In the East, our country borders with such States as Mongolia and China. But the borders by 1840 were not defined, blurred. At the same time, tension in relations with the countries of Western Europe, which had already recovered from the Napoleonic wars and were ready to start a new redistribution of the world, was growing during this period. And the most important obstacle to this redistribution was still Russia. Siberia is a direct access to the Pacific coast, Sakhalin island, Kamchatka Peninsula, where the interests of Russia intersect with America and Japan. Eastern Siberia is a vast territory, the possession of which was not a consensus in Russian diplomatic circles. Many prominent politicians, in particular K. V. Nesselrode, believed that the consolidation of the borders would spoil relations between Russia and China. And it is not known how the fate of these territories would have developed, if not for the emergence of strong personalities who determined the further course of history in this region.

Keywords: *Eastern Siberia, the history of the Amur region, relations between Russia and China, the border with China and Mongolia, diplomatic relations with China*

Изменение административно-территориального деления Восточной Сибири с образованием Приамурского генерал-губернаторства было осуществлено только в 1884 году.

Та же судьба постигла и ряд других проектов по обустройству Амурского края. Были отклонены предложения П. М. Коллинза о строительстве железной дороги и телеграфа, план создания на Дальнем Востоке чешской и немецкой колоний с предоставлением им экономической свободы, самоуправления и собственного суда, проект об введении бесполошлинной торговли на всём Дальнем Востоке вплоть до Иркутска.

Н. Н. Муравьев, как и М. С. Корсаков, постоянно сетовал на петербургские канцелярии. Большинство его проектов и предложений встречало неодобрение и сопротивление в министерствах [1].

В 1873 году, спустя почти два года после смерти Корсакова, Император Александр II осуществил своё первое путешествие по Восточной Сибири – это был, безусловно, успех и признание работы Муравьева и его последователей. В тот же год произошла Хивинская военная экспедиция под начальством фон Кауфмана. Экспедиция закончилась успехом, к России присоединилось Хивинское ханство, с Амударьинским отделом [5, с. 329].

В 1874 году была осуществлена топографическая съёмка и опись берегов Японского моря и Татарского пролива под начальством Л. А. Большева. Одним из важнейших достижений в 1870-е годы было заключение трактата между Россией и Японией в 1875 году. Его подписали князь Горчаков, со стороны России, и японский вице-адмирал Эномотто Таксаки. В первой же статье трактата говорилось о принадлежности Российской империи всего острова Сахалин. Пограничная черта между империями России и Японии проводилась через Лаперузов пролив.

Взамен этого, Россия уступала Японии группу Курильских островов. Пограничная черта между державами в этих водах должна была проходить через пролив между мысом Лопаткой, полуостровом Камчатка и островом Шумшу.

С 1875 года генерал-губернатором Западной Сибири был назначен генерал-адъютант Николай Геннадьевич Казнаков. Восточной Сибирью на тот момент ведал уже второй по счету губернатор после Корсакова, Николай Петрович Синельников, который пробыл на своей должности всего два года, после чего его место занял Платон Александрович Фредерикс [4].

Министерство путей и сообщений составило проект об устройстве непрерывного водяного пути через всю Сибирь от Урала до Кяхты, в этом же году была снаряжена экспедиция К. К. Сиденснера для исследования водораздела между Обью и Енисеем [3].

Результатом экспедиции было установление возможности соединения Обской и Енисейской систем посредством каналов, то есть путь от реки Обь должен идти по рекам Кейти, Озёрной, Ломоватой и Язевой, обходя верховья последней каналом, по Большому озеру в притоки Енисея, Малый Кас и Большой Кас при впадении последнего в Енисей. Начался спор о северном или южном направлении Сибирской железной дороги. В 1882 году уже насчитывалось до шести разных направлений этой дороги.

В 1875–1876 годах Аносовым производилось исследование для проведения железной дороги в Амурском крае. Дорога должна была проходить от порта Владивосток к селению Никольскому, оттуда к верховьям реки Даутихэ, левой вершины реки Уссури и далее вниз по долине этой реки до станицы Бусси. На реке Уссури развивалось судоходство, протяжённость водяного пути составляла 420 вёрст [5, с. 330].

Продолжали рассматривать вопросы о прочном устройстве Амурского казачьего войска. Местное начальство предложило переселить казаков в Южно-Уссурийский край, более выгодный для сельского хозяйства. На момент 1879 года было переселено 389 казачьих семейств, в числе 2615 чел. [2]. В Приморской области производились разведки золота по берегу Японского моря.

В 1876 году русские войска под начальством Скобелева завоевали Кокандское ханство, из которого образовалась Ферганская область. М. Д. Скобелев стал главой Ферганской области. Оказавшись талантливым управленцем, Скобелев быстро нашёл общий язык с местным населением. На посту главного управляющего военачальник продержался недолго, из-за борьбы с казнокрадством у Скобелева появились недоброжелатели в Петербурге, которые отстранили его от должности.

20 сентября 1879 года был заключён Ливадийский договор между Россией и Китаем. Пекинское правительство отвергало его условия. Оба государства стали готовиться к войне [6, с. 263]. В Охотское море была послана русская эскадра. К китайским границам были стянуты войска, но снова начались переговоры, и в начале 1881 года был заключён новый Петербургский трактат.

Беспошлинная торговля в пределах России для китайских подданных стала производиться лишь в 50-вёрстном от границы расстоянии. Со времени заключения Пекинского договора в 1860 году китайцы перенесли свою торговлю за пределы Кяхты. Торговля китайцев в Забайкальской области достигла значительных размеров, так как с китайцев не взималось торговых пошлин.

С 1879 года генерал-губернатором Восточной Сибири назначили Дмитрия Гавриловича Анучина, при котором был заключён контракт об устройстве речного пароходства между нашими портами в Тихом океане и японскими и китайскими портами. Рейсы в Тихом океане начались с 16 апреля 1882 года.

В 1880 году во Владивостоке было учреждено особое военное губернаторство. Звание губернатора соединяется с должностью главного командира портов Восточного океана.

24 февраля 1881 года был подписан очередной договор с Китаем, который состоял из 20 статей:

- Россия соглашалась на восстановление власти Китайского правительства в Илийском крае, временно занятом русскими войсками с 1871 года, при этом западная часть этого края оставалась у России.

- Китайское правительство обязалось уплатить России 9 млн р.

- Русским предоставлялось право беспошлинной торговли с подвластной Китаю Монголией [6, с. 265].

В том же году усиливается движение переселенцев «самоходов» из России в Сибирь. Оценить демографическую ситуацию в ряде губерний Восточной Сибири, заселённость обширных территорий жителями позволяет статистическая таблица [5, с. 389].

Демографическая ситуация в ряде губерний Восточной Сибири

<i>Губернии</i>	<i>Пространство (кв. мили)</i>	<i>Жители</i>	<i>На 1 кв. версту</i>
Иркутская губерния	14 542,8	383 578	0,54
Якутская губерния	71 358,2	242 001	0,07
Забайкальская область	113 258,2	488 000	0,89
Амурская область	8163,4	34 859	0,06
Приморская область	34 336,7	73 217	0,04

В 1882 году была проведена крестьянская реформа в Восточной Сибири на основе положения 19 февраля 1861 года. Основными её итогами были:

- Продление действия правил для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приамурской областях.
- Льготы для приобретения в собственность земли для русских.

После Н. Н. Муравьёва и М. С. Корсакова развитие Амурского края не продвигалось вперёд. За это время Европейские государства окрепли и обрели силу, Германия пошла на сближение с Китаем, начав с реорганизации китайской армии. Силы Китая стали расти, Тихоокеанское побережье стало уязвимым, возникла угроза со стороны наших врагов. Всё это предвидели Н. Н. Муравьёв и его сподвижник М. С. Корсаков. Уязвимость островов Тихоокеанского побережья ощущается и сейчас, спустя 150 лет после смерти М. С. Корсакова. По-прежнему Япония не оставляет своих претензий на Курильские острова.

В статье был рассмотрен один из малоизученных периодов в отечественной истории, связанный с освоением Восточной Сибири в середине XIX века. Для углубления в эту тему был выбран один из наименее известных персоналий, связанных с освоением выбранного региона, а именно М. С. Корсакова.

Для более точной оценки вклада Корсакова была дана характеристика состояния Восточной Сибири к концу 40-х годов XIX века. Этот регион часто называют русской сокровищницей, богатой всевозможными природными ресурсами, но одновременно с этим регион всегда являлся огромной тюрьмой для уголовников и политических заключённых из центральной России.

Масштабы изучаемого региона невероятно огромны, и управление всем Сибирским пространством для России осуществлялось крайне тяжело. Прежде всего, это отдалённость Центра от Восточной Сибири, вследствие чего контроль за административными правонарушениями сибирских чиновников практически был невозможен. В большинстве своём местное управление жило по своим законам, торгуя с соседними государствами, не информируя об этом высшее руководство. Всё это дополняла напряжённая политическая обстановка в мире, в частности, выдвигаемые претензии Англии и Франции на Амурские земли и Дальний Восток. Размытость границ делала Восточную Сибирь лёгкой добычей.

К концу 1870-х годов Россия укрепила свои позиции в Восточной Сибири и на побережье Тихого океана. Было организовано судоходство по реке Амур, что связало Центральную Россию

с Дальним Востоком, укреплена военная составляющая российского присутствия в землях Восточной Сибири. В связи с политикой, связанной с переселением крестьян в Амурский край, началось активное землеустройство края. Таким образом, увеличилось население данного региона России. Стала развиваться хозяйственная деятельность, была упорядочена торговля, поставлен вопрос о строительстве железной дороги в регионе.

Необходимо отметить, что Восточная Сибирь и сегодня, 150 лет спустя, остаётся проблемной территорией нашего государства:

1. По-прежнему это малонаселённые земли. Ставится вопрос о переселении семей на Дальний Восток. Край считается депрессивным в экологическом, демографическом плане, требует государственного вмешательства.

2. Претензии соседних государств на российские территории остаются.

3. Отдалённость от Центральной России сказывается на всех сферах жизни и деятельности Сибири и Дальнего Востока.

4. Наиболее острыми в последнее десятилетие являются экологические проблемы: лесные пожары, истощение природных ресурсов, истребление редких животных и т. д.

5. Остро встаёт проблема миграции населения соседних государств на земли Восточной Сибири и Дальнего Востока, убыль российского населения в этом крае.

Список литературы

1. Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. – М.: Синод. тип., 1891. – Кн. 1. – С. 245.

2. Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. – Л., 1925. – С. 157.

3. Белов М. И. История открытия и освоения морского пути. Т. 1. Арктическое мореплавание с древнейших времён до середины XIX в. – М.; Л., 1956. – С. 289.

4. Дальман Д. Сибирь. С XVI в. и до настоящего времени / пер. с нем. В. А. Брун-Цехового. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – С. 421.

5. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1031–1882. – Сургут, 1992. – 461 с.

6. Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2005. – 296 с.

*С. В. Карасёв,
г. Иркутск, Россия
О. И. Карасёва,
г. Иркутск, Россия*

История культурных отношений между Россией и Китаем как основа дипломатии

В статье рассматриваются вопросы влияния выходцев из России, как носителей национальной культуры, на создание образа русского человека и образа России в деле зарождения двусторонних отношений, где культурная составляющая всегда имела одну из ключевых сторон в вопросах этой сферы. Несмотря на сложность как становления так и первых этапов дипломатических отношений, именно русская эмиграция оставалась тем фундаментом, который дал возможность увидеть общие задачи и умело их реализовывать. Они смогли не просто выжить, а показали себя способными развиваться в условиях чужой культуры, но, не отвергая её, а умело предлагая своё видение решения вопросов, что и привело к уважению к ним среди местного населения.

Ключевые слова: *балет, дипломатические отношения, Китайская Народная Республика, Маньчжурия, Мао Цзэдун, опера, Россия, торговля, Чжан Цзолин*

*S. V. Karasev,
Irkutsk, Russia
O. I. Karaseva,
Irkutsk, Russia*

The History of Cultural Relations between Russia and China as the Basis of Diplomacy

The article deals with the influence of immigrants from Russia as carriers of national culture on the creation of the image of the Russian man and the image of Russia in the emergence of bilateral relations where the cultural component has always had one of the key parties in this area. Despite the complexity of the formation and the first stages of diplomatic relations, it was the Russian emigration that remained the

Foundation that made it possible to see the common tasks and skillfully implement them. They could not just survive. They proved to be able to develop in a foreign culture, but without rejecting it, but skillfully offering their vision of solving problems, which led to respect for them among the local population.

Keywords: *ballet, diplomatic relations, Manchuria, Mao Zedong, Opera, People's Republic of China, Russia, trade, Zhang Zolin*

Китай всегда рассматривался Советским Союзом как весьма важный экономический, политический и военный партнёр. Началом советско-китайских отношений на официальном уровне явились итоги визита в Москву генерала Чжан Цзолина в 1920 году, по результатам которых ему вручили ноту правительства РСФСР с предлагаемыми основными принципами установленных взаимоотношений.

Дипломатия, кроме прочего, предполагает умение договариваться на взаимовыгодных условиях, где-то уступая с перспективой будущих выгод, где-то настаивая на своих требованиях [2].

1949 год явился значимым в истории советско-китайских отношений. После того, как 1 октября 1949 года Мао Цзэдун объявил о создании Китайской Народной Республики, вечером 2 октября 1949 года Министерство иностранных дел СССР отправило телеграмму правительству Китая с предложением установить дипломатические отношения и обменяться послами, что и было сделано. Здесь необходимо отметить, что СССР был первым, кто признал образование Китайской Народной Республики.

Дипломатические отношения между двумя странами имели глубокие исторические корни. О русских в Китае знали давно. Нам хотелось бы кратко остановиться на роли выходцев из России, оказавшихся на территории Маньчжурии, в создании представления о России ещё задолго до 1949 года.

Кто были эти люди? Как к ним относиться и как их называть? Проживающие к 1942 году в Маньчжурии русские являли собой единство двух исторических слоёв. Основополагающий слой – это те русские, которые оказались в Маньчжурии ещё до Революции 1917 года.

Многие из них по различным (политическим, экономическим или иным) обстоятельствам уже не могли и, наверное, не хотели возвращаться в Россию. Другая составляющая – те, кто оказался

здесь как в период, так и после окончания в России Гражданской войны. Эти, на первый взгляд «разношерстные» представители российской эмиграции, численность которых была довольно невелика по отношению к местным коренным жителям, стали весьма ценным вкладом как в хозяйственном, так и интеллектуальном плане. Это и знания, и опыт, и желание не просто уехать, а желание трудиться для собственного благосостояния. Здесь нужно отметить, что определённая часть этих людей обладала капиталом, который не только могла, но и хотела вкладывать в экономику Маньчжоу-го.

Здесь русскими был создан целый ряд обществ. Так, в общество «Русский транспорт» входило порядка 900 чел. [1]. Целью общества было обеспечение нужд членов общества, их профессиональная защита и взаимодействие с властями. Союз владельцев вино-гастрономических и бакалейных предприятий только в Харбине насчитывал 64 члена [Там же]. Можно ещё упомянуть «Общество молочных предприятий», «Общество владельцев ресторанных предприятий», «Союз подрядчиков и поставщиков», «Объединение владельцев водочных заводов», «Союз Военных» и «Союз казаков».

Необходимо отметить ещё одну весьма важную составляющую жизни русской эмиграции в Маньчжоу-го. «Бюро» проводило большую благотворительную работу. Им создавались благотворительные больницы, приюты для престарелых, различные кружки и молодёжные организации. Всё это работало в тесной связи с потоком информации, которую японская сторона направляла на русскую эмиграцию, конечно, на русском языке. Среди них можно вспомнить такие издания, как «Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го», «Русско-японский спутник» [3, с. 100].

Русские авторы также печатали свои труды. Здесь присутствовала тематика воспоминаний о России, книги по специальной тематике. Так, в Дайрене с 1940 по 1943 год издавался журнал «Восточное обозрение» [5, с. 63], религиозные издания, такие как, например, «Хлеб небесный». Этот журнал издавался в Харбине с 1927 по 1944 гг. [Там же, с. 174]. Уходя из России они не могли не взять с собой и элементы своей культуры и искусства.

Выступления в 1935 году Харбинского симфонического общества, где принимали участие его дирижёры, концертмейстеры, музыканты и солисты – С. И. Швайковский, В. Д. Трахтенберг, П. С. Косицына, А. С. Дёмина, В. Равве – вызвали бурный интерес [1].

Что касается оперного искусства, то оно было представлено целым рядом постановок, первая – это опера «Жизнь за царя» И. М. Глинки. Далее, при содействии Общества изучения русского старого искусства были поставлены «Аскольдова могила», «Снегурочка», «Русалка» и др.

Оперетта была представлена постановками «Жрица огня», «Тайны гарема» и др. Режиссёром постановок в 1933 году был В. И. Томский, а в 1934 году – М. И. Маркин. Среди артистов были такие имена, как А. Л. Шеманский, Г. А. Ачаир-Добротворская, Г. С. Саяпин, А. И. Лисцова и др. В постановке «Кармен» впервые приняло участие Харбинское симфоническое общество, которое в дальнейшем стало фундаментом развития оперного искусства [Там же].

Русский балет появился в Китае в 1921 году. В этот год сюда приехали артисты Малого академического балета под руководством Эдуарда Ивановича Элирова. Тогда харбинцы увидели «Спящую красавицу», «Лебединое озеро» и другие известные балетные постановки. Выступив в Харбине, труппа отправилась в Шанхай и Японию, и многие артисты на родину уже не вернулись. Считается, что наиболее известными балетмейстерами в Харбине стали представители московской школы [6]. Только одна балетная студия А. Н. Андреевой с 1930 по 1942 год выпустила около 100 балерин [1].

Грандиозным событием стал приезд в 1909 году в Харбин В. Ф. Комиссаржевской. Город с восторгом встречал всемирно известную драматическую актрису, находившуюся в расцвете своего дарования. Большое число присутствующих здесь различных национальных обществ стало «островком», в котором сохранялась национальная культура. Так, армянское общество, в котором состояло порядка 350 чел., своей главной задачей видело оказание помощи больным, престарелым, безработным.

Еврейское общество, официально оформившееся к 1903 году заботилось о духовных, материальных потребностях евреев, развитии торговли и предпринимательства. То же можно сказать и о тюрко-татарском и других национальных общинах.

Имидж, который создали на территории Китая выходцы из России, не мог не стать частью фундамента дипломатических отношений, официально оформившихся в 1949 году, отношений,

которые сейчас вышли на новый уровень в политическом, экономическом, культурном вопросах.

Список литературы

1. Великая Маньчжурская империя: к десятилетнему юбилею. – Харбин: Гос. организация Кио-ва-кай и гл. бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжурской империи, 1942. – 514 с.
2. Дипломатический словарь / гл. ред. А. Я. Вышинский и С. А. Лозовский. – М.: Госполитиздат: Образцовая тип., 1948. – Т. 1. А-К. – 612 с.
3. Кузнецова Т. В. Русская книга в Китае (1917–1945 гг.). – Хабаровск, 2003. – 250 с.
4. Полански П. Русская печать в Китае, Корее и Японии. – М., 2002. – 63 с.
5. Пын Мин. Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза: пер. с кит. – М.: Ин. лит., 1957. – 150 с.
6. Хисамутдинов Амир Александрович. Русский балет в Китае. – URL: <https://www.evols.library.manoa.hawaii.edu/bitstream> (дата обращения: 06.08.2019). – Текст: электронный.
7. Karasev S. V., Kuznetsov S. I. The last emperor of China in the Soviet Union // Journal of Slavic Military Studies. – 2005. – Vol. 18, No. 2. – June. – Pp. 207–227.

УДК 378:341 (510:571)

ББК 448: X911.22(5Кит-2 Рос)

*Лун Чанхай,
г. Маньчжурия, Китай*

Китайско-российское всестороннее стратегическое сотрудничество и партнёрство

Осознание новой позиции глав двух государств Китая и России требует поддержки талантов. Колледжи и университеты двух стран должны активно адаптироваться к новому уровню развития отношений между Китаем и Россией, а также воспитывать таланты для всестороннего сотрудничества, для развития многовековой дружбы между двумя народами.

Ключевые слова: *отношения, Китай, Россия, колледжи, университеты*

*Long Changhai,
Manchuria, China*

Sino-Russian Comprehensive Strategic Cooperation Partnership in the New Era

This is the new position of the two heads of State on the relations between China and Russia. The realization of this new position requires the support of talents. Colleges and universities of the two countries should actively adapt to the new level of development of the relations between China and Russia, and train talents for all-round cooperation between China and Russia and for the purpose of promoting generations-old friendship among the two nations.

Keywords: *relations, China, Russia, colleges, universities*

服务“新时代中俄全面战略协作伙伴关系”的特色人才培养模式：经验与提升路径. 2019年6月5日，中国国家主席习近平与俄罗斯总统普京共同签署了《中华人民共和国和俄罗斯联邦关于发展新时代全面战略协作伙伴关系的联合声明》。这是两国元首对中俄两国关系的新定位。这一新定位的实现，需要人才支撑。中俄两国高等院校，应积极适应中俄两国关系新的发展水平，为中俄两国全方位合作、促进两国人民世代友好培养人才。

作为地处中国最大陆路口岸——满洲里——的内蒙古大学满洲里学院（以下简称“内大满院”），自成立以来便致力于为中俄两国的友好合作培养“俄语+专业”“专业+俄语”的应用型、复合型特色人才。内大满院先后与后贝加尔国立大学、莫斯科劳动关系学院、鄂木斯克国立大学、贝加尔国立大学等十多所俄罗斯高校建立了合作伙伴关系。经过多年的探索，内大满院在人才培养、学术交流、学生交流、教师交流和文化传播方面逐渐形成了自己的特色并逐渐发展壮大。

在人才培养方面，内大满院采取了灵活多样的形式，与俄罗斯高校开展合作。一是与俄罗斯高校开展学生语言实践项目。内大满院重视对俄语专业学生语言水平的提升，选派学院俄语专业的学生到俄罗斯开展为期一年的语言实践，提升学生俄语的听、说、读、写能力。具体采取学分互认制，将学生在俄罗斯高校进修的成绩予以认定，助力学生语言能力的提升。二是“2+3”专升本项目。该项目招生对象为学院高职二年级学生，具体做法是在学生完成2年专业和语言学习后，通过外方合作院校俄语语言等级一级考试，被录取为俄罗斯合作院校大二年级学生。顺利完成学业后，经我院与俄方高校的学分互认，获得高职毕业证书，同

时，还将获得俄罗斯国家本科学士学位毕业证书。三是国内本科与俄罗斯高校研究生衔接项目。学院为有意愿本科毕业后到俄罗斯高校攻读硕士学位的学生提供支持。内大满院的特色之一便是为全院非俄语专业的学生，开设了公共俄语课程。在非俄语专业的学生全部开设公共俄语的基础上，鼓励学生选修俄语第二学士学位，为学生大四出国进行语言进修提供途径。经过语言进修，学生毕业后可顺利进入俄罗斯高校攻读硕士学位。

内大满院十分注重同俄罗斯高校加强学术交流与合作。中国—俄罗斯21世纪中俄区域合作发展国际论坛、中俄毗邻地区合作发展论坛、中俄青年论坛、丝绸之路经济带建设与中俄地区合作国际研讨会等国际性论坛，在中俄两国具有较大影响力。为增进中俄两国学术界的相互理解，增进中俄之间的学术交流，学院大力鼓励教师在俄罗斯出版专著、发表论文。目前，学院教师已在莫斯科等地出版学术专著2部，在俄罗斯国家核心刊物(BAK)上发表论文24篇。此外，为增进中国学术界对俄罗斯的了解，学院启动了俄罗斯著作翻译项目，通过学院教授委员会遴选的俄罗斯学者的著作将被纳入翻译计划，由学院教师负责翻译，学院在著作出版经费方面将予以经费支持。为活跃校园学术气氛，提升学院的学术水平，内大满院还邀请俄罗斯著名学者为全院师生做学术讲座。

内大满院关注中俄两国大学之间的交流。学院每年邀请俄罗斯大学生参加学院一年一度的运动会和足球比赛；举办中俄大学生“跨国牵手 相聚边城”趣味运动、文化交流系列活动；中俄毗邻地区俄罗斯青年汉语大赛和“快乐汉语、友谊中外”中俄两国传统文化展示联欢晚会等。这些活动的举办，有力促进了中俄两国大学生的相互了解、增进了两国青年人的友谊。内大满院还选派学生到俄罗斯进行文化交流活动。学院选派学生到俄罗斯参加夏令营、俄语朗读比赛、国际大学生联欢节等形式多样的活动。通过这些活动，让中国的大学生真切感受到俄罗斯的风土人情，激发了他们学习俄语的热情和深入了解俄罗斯的愿望。为提升俄罗斯学生的汉语水平，学院自建院以来便进行留学生汉语教育，开设了汉语精读、汉语口语、汉语听力、汉语阅读、汉语写作、书法、中国音乐欣赏等专业课程，主要由中国语言文学系教师授课，培养外国留学生汉语的听、说、读、写能力。此外，学院还组织俄罗斯青少年夏令营活动，接收来自俄罗斯高校的专业进修生，俄罗斯中文专业、经济专业的学生到学院跟相应专业的本科生一起学习。

内大满院加大了教师交流力度。为提升学生的俄语水平，学院大量引进俄罗斯外教。聘用的外教大部分具有副博士学位或副

高以上职称。俄罗斯外教除承担规定的教学任务外，还定期为俄语系教师进行语言学理论培训，组织学生第二课堂活动及指导学生毕业论文。为提升学院整体的师资水平，学院大量选派教师到俄罗斯高校攻读副博士学位和进修。目前，已经有多位教师从俄罗斯获得了副博士学位，并已经回国任教。

为促进中俄两国文化的传播，内大满院与后贝加尔国立大学共建语言文化中心。2014年学院在后贝加尔国立大学建立了汉语文化中心，至今中心已运作近5年。中心始终坚持增进中俄友谊、促进两国人民的民心相通为目标。自成立以来，中心多次举办以庆祝中国传统节日为主题的节日类活动、国情知识竞赛等比赛类活动和中俄文化交流日等活动。2013年后贝加尔国立大学在内大满院设立俄罗斯语言文化中心，让中国学生更直观的感受俄罗斯文化。2019年5月，内大满院与后贝加尔国立大学签署了延长俄语文化中心工作的协议，协议有效期为5年。随着“一带一路”倡议与“欧亚经济联盟”的对接，中俄之间在教育领域的合作将具有更大的潜力，中俄两国高等教育也将盈迎来新的契机。在“新时代中俄全面战略协作伙伴关系”的指引下，内大满院将继续突出办学特色，按照“俄语+专业”“专业+俄语”的人才培养模式办好服务中俄合作的特色人才高等教育，为中俄两国全方位的合作关系培养人才。

在未来的工作中，学院将继续扩大与俄罗斯高校的合作范围，充分利用地缘优势，加强与俄罗斯毗邻地区高校的合作力度，大力提升与俄罗斯高校的合作办学水平，重视与俄罗斯的联邦大学和莫斯科、彼得堡等地高校的合作力度。在中俄合作过程中，存在着“正热经冷”“上热下冷”的问题。这一问题的解决，需要增强中俄两国人民之间相互了解和信任。加强中俄两国教育合作，是解决这一问题的有效路径之一。内大满院将肩负起这一历史使命，助力中俄两国合作关系的提升。

在现有人才培养合作模式基础上，探索新的人才培养模式。学院将加大“专业+俄语”人才培养模式的改革力度，提升学院非俄语专业学生学习俄语的兴趣、拓宽学生到俄罗斯高校攻读研究生学位的渠道，真正做到既懂专业、又懂俄语，实现应用型、复合型人才的培养目标。学院将继续鼓励本院教师到俄罗斯高校攻读副博士学位，以此提升学院教师的教学科研能力，增强学院的发展动力。中俄高等教育合作取得了一定的成绩，但也存在着办学效果和办学质量不达标等严重影响中俄高教合作的问题²。因此，在将来的办学过程中，内大满院需要探索对派出到俄罗斯交

2 郭强、赵风波：《“一带一路”战略下的中俄跨境高等教育》，《中国高等教育》2017年第7期第59页。

流学生学习成绩的评估机制，督促俄罗斯合作高校做好教学质量管控，切实保证学生培养质量。

在科研合作方面，“中俄高校间的科研合作日趋活跃，但远没有达到两国政府的政策预期，还存在着很大的提升空间”³。中国学者对中俄高校科研合作的评价是较为中肯的。内大满院将面对这一现实，在继续提升人才培养规格和质量的基础上，提高教师教学科研能力，继续与俄合作高校共同举办高层次学术会议，寻找与俄罗斯学者共同开展学术研究的突破口，以科研项目为支撑，促进中俄两国学者间实质性的科研合作，鼓励学员教师在俄罗斯出版、发表高水平的学术专著和论文。

内大满院将继续广泛开展中俄学生交流活动。开展校际学生交换，或以学分互认、获取中俄双方文凭、赴俄罗斯企业见习、实习等形式，多渠道开展学生长短期出国交流项目，让更多的学生在校期间或毕业后有机会到俄罗斯交流学习。

内大满院将继续加强学院教师队伍的能力水平，鼓励学院教师到俄罗斯进修或攻读博士学位，引进高质量的俄罗斯外教。学院将继续扩大留学生规模，加大留学生招生力度，丰富学校的留学生培养类型，实现生源、办学层次和校园文化的多元化、国际化。内大满院将继续推进学院在俄罗斯汉语中心的发展，派遣对外汉语专业的教师定期到汉语中心任教，提升汉语中心师资水平，定期举办以中华文化为主题的相关活动，丰富活动内容，深化活动主题，以满足各水平的汉语爱好者学习汉语的需求。

中俄高等教育方面的合作具有极为广阔的前景，中俄高等教育的合作也必将为“新时代中俄全面战略协作伙伴关系”提供强大的智力支撑！内大满院将牢牢把握时代脉搏，为中俄高教合作做出更大的贡献。

3 刘淑华、宋永华：《“一带一路”背景下的中俄高等教育合作：问题与对策》，《高等教育研究》2019年第4期第96页。

Административно-территориальное деление России и Китая в компаративном анализе

В статье даётся сравнительный анализ административно-территориального деления России и Китая на протяжении XX века, особенно на современном этапе. Сравниваются сходства и различия в системе территориального устройства двух стран.

Ключевые слова: *Россия, Китай, административно-территориальное деление, регионы, федеративное устройство, унитарное государство, РФ, КНР*

*V. F. Lupynis,
Chita, Russia*

Administrative Territorial Division Russia and China in the Komparativnyy

In article it is given comparative analysis administrative territorial division Russia and China on an extent of the XX century, especially at the present stage. Similarities and differences are compared in the territorial arrangement system two countries.

Keywords: *Russia, China, administrative territorial division, federal structure, unitary state, RF, PRC*

Россия и Китай являются соседями с XVII века. Между ними существует немало различий. Например, РФ является самой большой страной в мире, а КНР занимает первое место в мире по численности населения. Между странами на протяжении нескольких столетий были периоды конфликтов и сотрудничества. На современном этапе отношения между двумя странами можно охарактеризовать как тесное партнёрство и взаимодействие в различных сферах деятельности. В истории стран было немало событий, имевших место в обоих государствах, например, в политическом развитии. Китай и Россия на протяжении ряда веков были монархиями. В начале XX века в обоих государствах произошли революционные со-

бытия, которые привели к установлению республиканского строя. Сначала в России и через определённое время в Китае был установлен коммунистический строй, который в том или ином виде там сохранился до сегодняшнего дня.

Задача данной статьи – сравнить территориальное деление двух стран. Официально Российская Федерация является федеративным государством, что закреплено в её Конституции. Хотя очень распространено мнение о том, что Россия де-юре является Федерацией, а де-факто живёт как унитарная страна. Провозглашённая в 1949 году Китайская Народная Республика была изначально закреплена как унитарное государство с сильной централизацией власти. После революции и Гражданской войны в России было создано новое государство под названием Советский Союз, в основу создания которого был положен принцип федеративного государственного устройства. Когда коммунисты пришли к власти в Китае, они не пошли по пути федерализации и сохранили в стране унитарность.

Современное территориальное устройство стран заложено в их Основных законах. Согласно ст. 30 п. 1 Конституции Китайской Народной Республики, «страна делится на провинции, автономные районы и муниципальные образования, находящиеся в непосредственном подчинении центрального правительства». «Провинции – наиболее распространённый вид административных единиц провинциального уровня» [1]. Автономные районы – это «единицы провинциального уровня с обозначенным этническим меньшинством, по конституции обладающие большими правами. Например, автономный район возглавляет председатель (провинции – губернатор), который должен представлять титульную национальность района (тибетец, уйгур и т. д.)» [Там же]. В состав Китая входят города центрального подчинения – это «крупные города, наделённые теми же полномочиями, что и провинции» [Там же]. Однако со временем произошли административно-территориальные нововведения. Причина их заключалась в том, что Китай после долгих лет смог вернуть себе контроль над бывшей колонией Британской империи – Гонконгом (1997 г.), и бывшей колонией Португалии – Макао (1999 г.). Понимая особенность этих территорий, «в КНР были созданы Специальные административные районы (САР) соответственно Сянган и Аомэнь. Указанные САР имеют высокую степень автономии во внутренних делах, собственное законодательство, судебную систему, свои денежные единицы. Сянган и Аомэнь

являются самостоятельными таможенными территориями и членами ВТО. Вопросы их внешней политики и обороны отнесены к компетенции центрального правительства КНР» [6].

Трудно найти страну, которая бы имела в своём составе территории со статусом такого уровня. В сегодняшней России широко распространено мнение о том, что Чеченская Республика живёт по принципу «государство в государстве». Современное административно-территориальное деление Китая и России имеет множество отличий друг от друга характерно, что в прошлом имелось много общего. Дело в том, что на протяжении XX века территориальное устройство России потерпело существенные переделки и изменения, в то время как Китай сохранил в основном прежнюю унитарную модель деления на провинции. Однако под влиянием советского опыта нашей страны в КНР были созданы национальные автономные районы.

Если сопоставлять современное административное деление КНР и, например, Российской империи начала XX века, то там можно найти множество схожих черт. И там и здесь существует унитарная модель управления. Китай делится на провинции, а Россия – на губернии и области. В составе КНР сегодня имеются национальные автономии и территории со специальным статусом. Российская империя тоже имела в своём составе подобные образования, такие как, например, Великое княжество Финляндское, Хивинское ханство и Бухарский эмират. Что касается Финляндии, то «в ней традиционно применялись наиболее мягкие формы управления автономией, поскольку здесь ни “верхи”, ни “низы” после присоединения к России в 1809 году не проявляли открытых сепаратистских поползновений» [2, с. 186].

Отметим, что можно найти немало общего в сравнении административно-территориального деления современного Китая и РСФСР 1978 года. Согласно Конституции 1978 года Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика имела в своём составе Автономные ССР, края и области, города республиканского подчинения, автономные области и округа. Края и области по своему положению схожи с провинциями. Автономные национально-государственные образования – с китайскими автономными районами. И там и здесь закреплены города, находящиеся в центральном подчинении. В РСФСР – это Ленинград и Москва. В КНР – Пекин, Чунцин, Тяньцзинь и Шанхай.

После распада СССР в 1991 году образовалось 15 независимых государств, включая самое крупное из них Российскую Федерацию. Согласно принятой 12 декабря 1993 года Конституции РФ, ст. 1, «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». В ст. 5 сказано, что «Российская Федерация состоит из республик, краёв, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации» [4]. В то же время, в ст. 66 описывается разный статус субъектов Федерации: для республик отдельно, для краёв, областей, городов федерального значения, автономной области и автономных округов тоже отдельно. Это противоречит ст. 5 Конституции, которая открыто закрепляет равный статус субъектов Федерации.

Несмотря на то, что Россия является федеративным государством, её регионы имеют своё собственное законодательство и право на формирование своей системы власти. В Китае, который является унитарным государством, такими правами они не обладают, за исключением специальных административных районов, живущих по собственному законодательству и праву. Между территориальным устройством двух стран можно выделить множество сходных черт. Так, например, автономные районы КНР могут служить аналогом республик, входящих в состав РФ. Российские края и области можно соотнести с китайскими провинциями. Если сравнить города-регионы, которые в России именуются городами федерального значения, а в Китае городами центрального подчинения, то это ещё больше показывает схожесть в территориальном делении государств. Особой отличительной чертой в территориальном устройстве стран является тот факт, что в КНР и в РФ неравномерно заселены территории. В Китае, например, подавляющая часть населения страны расселена в восточной и южной части. В России свыше 75 % жителей сосредоточены к западу от Уральских гор в Европейской части страны. Такое неравномерное заселение территорий неизбежно сказывается на территориальном делении государств. Где плотность населения выше, там расположено большее количество регионов и разного уровня административно-территориальных единиц.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что административно-территориальное деление современной России и Китая имеет как сходства, так и различия. Различие главным образом

основывается на том, что обе страны имеют различную форму государственного устройства, это закрепляет разные политические права за регионами, входящими в состав этих государств. Сходство основывается на том, что в составе обоих государств находятся регионы разного статуса, т. е. отсутствует единообразие внутреннего деления стран. Например, в Польше, которая имеет в своём составе только 16 воеводств, отсутствуют другие административно-территориальные единицы регионального уровня. Это обусловлено экономическими и политическими причинами.

Список литературы

1. Административное деление КНР: уровни административного деления. – URL: <http://www.myanmar.takustrocnmir.ru> (дата обращения: 07.09.2019). – Текст: электронный.
2. Гуляков А. Д. Основные модели федерализма: сравнительный историко-государствоведческий анализ. – М.: А-проджект, 2016. – 247 с.
3. Конституция Китайской Народной Республики. – URL: <http://www.asia-business.ru> (дата обращения: 08.09.2019). – Текст: электронный.
4. Конституция Российской Федерации. – URL: <https://www.constitution.ru> (дата обращения: 07.09.2019). – Текст: электронный.
5. Особенности развития административно-территориального деления в современном Китае. – URL: <http://www.ivan-zuenko.livejournal.com> (дата обращения: 08.08.2019). – Текст: электронный.
6. Проект «РЦИТ». КНР. Административное деление. – URL: <http://www.rcit.su> (дата обращения: 08.09.2019). – Текст: электронный.

УДК 951.091

ББК 63.3(5-кит)-414

*А. А. Матвеев,
г. Иркутск, Россия*

Китайский рабочий союз и Секция восточных народов при Сибирском бюро ЦК РКП(б) как идеологические проводники политики Коминтерна в 1920 году на территории города Иркутска

В статье рассматриваются организации, проводившие интернациональную работу с китайскими гражданами на территории Иркутска. Такую работу проводил Китайский рабочий союз, политический отдел 5 Отдельной армии и Секция восточных народов

Сибирского областного бюро ЦК РКП(б), деятельность этих организаций создала благоприятную почву для создания в Иркутске в январе 1921 года Дальневосточного секретариата Коминтерна.

Ключевые слова: *Коминтерн, Китайский рабочий союз, 5-я Армия, Секция восточных народов*

*A. A. Matveev,
Irkutsk, Russia*

Chinese Labor Union and the Section of Eastern Peoples of Siberian Bureau of the Russian Communist Party as Ideological Tools of Comintern Policy in 1920 in Irkutsk

This publication reviews organizations which carry out international activity with Chinese people on the Irkutsk territory. This activity was carry out by Chinese labor union, The political section of the 5th Army and The section of Eastern Peoples of Siberian Bureau of the Russian Communist Party. Due to efforts of these organizations The Far East Secretariat of Comintern was founded in Irkutsk in January of 1921.

Keywords: *Comintern, Chinese labor union, the 5th Army, the section of Eastern Peoples*

Гражданская война в России в начале XX века стала предтечей появления первого в мире социалистического государства, роль которого на международной арене, как координирующего центра революционного движения, с первых дней своего создания была велика. Ещё не закончились боевые действия Гражданской войны в России, как 2 марта 1919 года по инициативе В. И. Ленина и партии ЦК РКП(б) был основан III Коммунистический интернационал (Коминтерн) в Москве, там же проходили конгрессы этой организации.

Роль Коминтерна заключалась в объединении и координации коммунистических и левых социал-демократических партии мира. В организационной структуре при Коминтерне был создан Исполнительный комитет Коммунистического интернационала (ИККИ), бюро и секретариат ИККИ, которые выполняли и руководили его работой. Зарубежные коммунистические партии имели своё представительство и делились по секциям по территориально-географическому и национальному признаку.

Однако Коминтерн был не единственной организацией, которая несла революционные идеи среди гражданских и военных лиц иностранных государств на территории бывшей Российской империи. К примеру, на территории Восточной Сибири к таким организациям мы можем отнести агитационно-пропагандистские отделы ЦК РКП(б) в структуре Сибирского областного бюро, которое после занятия Сибири частями 5-й Отдельной армии создавало и налаживало работу государственных учреждений. Подобные отделы существовали при Губернских комитетах ЦК РКП(б) на всей территории РСФСР. Так, в отделе национальных меньшинств Иркутского Губернского комитета функционировали следующие секции: бурятская, татарская, монгольская, еврейская, мусульманская, эстонская, латышская, польская, китайская, корейская, венгерская, чехословацкая [3, с. 412].

С приходом частей 5-й Отдельной армии активно велась агитационно-пропагандистская работа среди военнопленных немецких, австрийских и других солдат. Особое положение занимали выходцы из Юго-Восточной и Центральной Азии, которые проживали и работали на территории бывшей Иркутской губернии ещё до начала Гражданской войны. Их ряды пополнялись китайскими военнопленными солдатами с территории соседней Монголии. После разгрома китайского экспедиционного корпуса генерала Сюй Шучжэна, находившегося в Урге, отрядами белогвардейского генерала барона Р. Ф. Унгерна-Штернберга остатки корпуса и гражданские лица перешли границу РСФСР. Согласно приказу временно исполняющего обязанности начальника штаба 5-й Отдельной армии и начальника штаба Восточно-Сибирского военного округа И. В. Смородинова, всех перешедших границу военнослужащих, как с оружием, так и без оружия, а также всех работоспособных не военных китайцев интернировали и направляли в Иркутск в концентрационный лагерь. В концентрационном лагере всех прибывающих интернированных китайцев по регистрации Особым отделом (ЧК) объединяли в отдельные группы для использования на трудовых заданиях [1, л. 1].

На территории Иркутской губернии в 1920 году только две организации сумели наладить успешную интернациональную работу с выходцами из Китая, Кореи и Монголии. В частности, это ранее уже упомянутые политический отдел 5-й Отдельной армии и Секция восточных народов при Сибирском областном бюро ЦК РКП(б).

Работу Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) курировал полномочный представитель Коминтерна. В Иркутске таким официальным представителем был Ф. И. Гапон, который работал заместителем уполномоченного НКВД РСФСР Сибири и на Дальнем Востоке (Сибирская миссия иностранных дел) [3, с. 416].

Секция восточных народов являлась основным центром по работе с китайскими, монгольскими и корейскими революционерами. Она имела четыре отдела: общий, организационно-инструкторский, агитационно-издательский, отдел связи и информации. Общий отдел отвечал за всю административно-хозяйственную работу секции [5, л. 2]. Организационно-инструкторский отдел отвечал за упрочнение и идеологическое выпрямление коммунистических ячеек Сибири и Дальнего Востока, а также за постоянную тесную связь с революционными ячейками в Китае, Корее, Японии и Монголии. Отдел занимался созданием партийных и военно-инструкторских школ, организацией партийных ячеек, а при необходимости – рабочих союзов среди народов Востока [Там же, л. 3]. Агитационно-издательский отдел проводил за агитационно-пропагандистскую работу среди населения восточных народов Сибири и Дальнего Востока, конференции, митинги, лекции. Занимался налаживанием издательского дела на национальных языках и переводом коммунистической литературы [Там же, л. 3]. Отдел связи и информации отвечал за связь с иностранными революционными группировками, организовал обмен информацией между группировками [Там же, л. 4].

Китайским отделом руководил опытный революционер, китаист М. М. Абрамсон, он же был уполномоченным Сибмиссии по делам Китайского рабочего союза. Создание Китайского рабочего союза относится к 23 мая 1920 года. Это фактически первая организация на территории г. Иркутска, представлявшая интересы китайских рабочих и мелких торговцев. С призывом к организации рабочего союза на территории г. Иркутска обратился китайский коммунист Лю-Яо, присланный для этих целей из Москвы [6, л. 9]. Исполнительный комитет союза насчитывал четырнадцать человек и объединял представителей китайских железнодорожных рабочих станции Иркутск (Чжан-Пын-Тю), китайской артели, работающей на заготовке дров (У-И-Лин), китайского союза поваров (Сю-Ю-Сюнь, Лиж-Юй-Тин). Председателем Исполнительного комитета Китайского рабочего союза был избран Чжан-Чжин-Хай [Там же, л. 12]. Он же состоял на службе в китайском подотделе Секции

Восточных народов. На первых порах работа союза не была поставлена должным образом, по мнению Лю Яо, для усиления роли союза необходимо было организовать в г. Иркутске военно-инструкторскую школу или китайской роты, учащиеся которой, находясь на положении красноармейцев, могли бы получить самое необходимое образование и навыки для ведения революционной работы среди китайцев [Там же, л. 4].

Впоследствии такая школа была создана с прибытием в Иркутск начальника интернационального отделения политического отдела 5-й Отдельной армии, его возглавлял чех-коммунист Ярослав Гашек. В Иркутске в интернациональном полку была организована школа для китайских бойцов на 200 человек. Один час учёбы отводился на политзанятия, два часа – на изучение грамоты, один – на политико-просветительные темы [4, с. 53].

В последующем из Москвы в Иркутск был переведён Всероссийский штаб формирования китайских отрядов интернационалистов. При штабе состояла китайская часть из 342 человек под командованием Чжан Хай-чена. В августе 1920 года в Иркутск, по распоряжению В. К. Блюхера, был переведён китайско-корейский полк Народно-революционной армии Дальневосточной республики, насчитывавший 700 бойцов. Полк расположился на станции Иннокентьевской и влился в Интернациональный полк 5-й армии, среди бойцов которой было 65% китайцев. Специальная инструкторская школа готовила командный состав китайских частей. В ней обучалось 163 китайца и корейца [Там же, с. 130].

С первых дней создания китайского подотдела Секции восточных народов основная проблема состояла в наборе и подготовке кадров как из числа китайцев, так из числа граждан РСФСР. Главная задача секции заключалась в идеологической подготовке и возвращении революционных идей среди китайских граждан. Они, как и граждане РСФСР, проходили всеобщую военную подготовку трудящихся (Всеобуч). Наиболее способные дополнительно направлялись на политические курсы, а затем в партийную школу с обязательной программой обучения.

При Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) была организована 57-я коммунистическая ячейка, члены и кандидаты которой после прохождения специальной подготовки становились агитаторами и направлялись для работы в Китай. Согласно именному списку для членских взносов на 30 августа 1920 года в секции насчитыва-

лось 19 чел. [2, л. 66]. Значительное количество членов китайского отдела Секвостнара не состояло в РКП(б), низкая дисциплина была и среди членов секции, и среди сочувствующих. Такое положение дел в условиях продолжавшейся Гражданской войны в России и всеобщей разрухи народного хозяйства было характерно не только для китайского отдела, но и партии в целом. Для исправления положения регулярно проводилась неделя укрепления партийной дисциплины. Усиливалась агитация среди китайского и корейского батальонов Интернациональной дивизии, устраивались митинги. В связи с малочисленностью подготовленных агитаторов гражданские массы зачастую оставались без внимания [Там же, л. 26].

Таким образом, в 1920 году сложилась система взаимодействия между учреждениям и работавшими с выходцами из Китая. Она подразумевала объединение всех китайских граждан по национальному признаку в Китайский рабочий союз, в дальнейшем создание коммунистической ячейки и проведение на его базе агитационно-пропагандистской работы. Политическим отделом 5 Отдельной Армии создавались партийные школы и агитационно-инструкторские курсы для младшего командирского состава, всем этим руководила и координировала Секция восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б).

Список литературы

1. ГАНИО. – Ф. 300. – Оп. 1. – Д. 940.
2. ГАНИО. – Ф. 300. – Оп. 1. – Д. 102.
3. Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., авт. предисл. и примеч. Ю. П. Колмаков. – Иркутск: Отгиск, 2003. – 848 с.
4. Попов Н. А. Они с нами сражались за власть Советов: китайские добровольцы на фронтах Гражданской войны в России (1918–1922). – Л.: Лениздат, 1959. – 195 с.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 495. (Исполком Коминтерна). – Оп. 154. – Д. 12.
6. РГАСПИ. – Ф. 495. (Исполком Коминтерна). – Оп. 154. – Д. 17.

*А. В. Постников,
г. Москва, Россия*

**Географические и картографические работы
иезуитов в Приамурье и Центральной Азии на службе
маньчжурских императоров в XVIII веке и их влияние
на европейскую науку**

Для изучения и картографирования обширных территорий, присоединённых к Цинской империи по Нерчинскому договору 1698 года, а затем – в результате грандиозного похода 1759–1761 годов в Центральную Азию, в эти районы были направлены квалифицированные иезуиты, использовавшие в своих съёмках самые современные для того времени астрономо-геодезические методы и приёмы составления карт с применением единого масштаба, проекции и сетки географических координат. Материалы этих работ были широко использованы сначала французскими географами и картографами, а затем в России, куда они попадали главным образом через Русскую православную миссию в Пекине.

Ключевые слова: *иезуиты-миссионеры – Регис, Ярту, Фриделли, Феликс да Роша, Хозе да Эспинья, Матео Рипа; Приамурье, Тибет, Бутан, Кашгар, Джунгария, Казахстан, Зайсан, Балхаш, Иссык-Куль, Тянь-Шань, Памир*

*A. V. Postnikov,
Moskva, Russia*

**Geographical and Cartographic Works of the Jesuits
in the Service of Manchu Emperors in the Amur Region
and Central Asia in the 18th Century and their Influence
on European Science**

To study and map the territories annexed to the Qing Empire by the Treaty of Nerchina of 1698 and then as a result of the grandiose campaign of 1759–1761 to Central Asia, skilled Jesuits were sent to these areas, using the most modern astronomical-geodetic methods and methods of mapping with a single scale, projection and grid of geographical coordinates. The materials of these works were widely used first by

French geographers and cartographers, and then in Russia, where they came mainly through the Russian Orthodox Mission in Beijing.

Keywords: *Jesuits-missionaries -Regis, Jartu, Friedelli, Felix da Rocha, Jose da Espinha, Matteo Ripa; Amur Region, Tibet, Bhutan, Kashgar, Jungaria, Kazakhstan, Zaysan, Balhash, Issyk-Kul, Tian-Shan, Pamir*

В начале XVIII века маньчжуры занялись картографическим изучением присоединённой по Нерчинскому договору территории. Император Сюань Е (Канси) вообще уделял большое внимание картографированию и описанию Цинской империи. В 1687 году начала работать специальная комиссия, которой было поручено составить Да Цин итун чжи (Полное географическое описание империи Цин) [1]. 22 июля 1710 года португальские иезуиты Регис, Ярту и Фриделли (Regis, Jartoux, Fridelli) были направлены Сюань Е для картографирования новых поселений, основанных по его приказу на Амуре. Работы проводились ими по всему Амуру, за исключением устьевой части, где цинские власти съёмки не разрешили. Астрономо-геодезическую основу созданных ими карт составило 641 определение широты (астрономически) и долготы (счислением). Съёмки и составление карт были завершены в 1718 году. Несколько позднее Канси приказал двум ламам с Тибета, обученным иезуитами в Пекине, провести съёмки Тибета и других стран, которые маньчжуры считали своими вассалами. Эти работы были использованы иезуитом Маттео Рипа (Matteo Ripa, 1682–1746) при составлении изданной в Пекине (1719 г.) с гравюры на меди карты Китая и окружающих земель, основанной на съёмках иезуитов 1708–1716 годов, иногда называемой Картой Канси⁴. Исключительно редкий экземпляр этой громадной карты в трёх свитках хранится как картографический материал в Британской библиотеке.

На исследованной нами карте Канси имеются, помимо надписей на маньчжурском и китайском языках, отдельные пояснения и названия на итальянском, выполненные, по-видимому, самим Маттео Рипа. Карта на севере простирается до параллели 55° с. ш. и охватывает всё Приамурье и Приморье вплоть до верхних левых притоков Амура. На ней впервые показаны в европейской картографической

⁴ BLML, K.116.15, 15a, 15b: A Map of China and surraunding Lands based on the Jesuit surveys of 1708–16, sometimes known as the K'ang Hsi Map. Engraved on copper by Matteo Ripa at Peking, 1719, 3 rolls.

традиции с использованием сетки меридианов и параллелей разветвлённые речные системы Амура и его притоков (Аргуни, Сунгари, Уссури и др.), в основных чертах правильно отображены главные изгибы и острова. Как таковая граница с русским государством на карте не изображена, но в устье второго притока Шилки выше Аргуни нанесён пограничный знак с пояснительной надписью «Маттео Рипа – Пирамида». В 1947 году в Пекине Вальтером Фуксом было осуществлено факсимильное издание этого атласа⁵. В целом атлас 1721 года очень близок в части показа Приамурья к карте Матео Рипа 1719 года. Оба этих картографических произведения свидетельствуют о том, что к 1730-м годам маньчжуря изучили в общих чертах Приамурье и начали заселение долины нижнего течения Амура.

В начале XVIII века оригинальные карты съёмки иезуитов 1708–1716 годов удалось скопировать англичанам. Копия хранится в настоящее время в Британской библиотеке под названием «Полная география всей Китайской империи с добавлением Татарских районов под властью Китайского монарха», составленная полностью по оригинальным картам, использовавшимся при императорском дворе в Пекине, снятым европейскими миссионерами во время экспедиции, предпринятой по приказу бывшего императора в течение лет от 1712 до 1716 года, приведённая в настоящий вид А.Е. вон Браам Хоквистом, эсквайром⁶. Эта карта и другие материалы съёмки иезуитов, попавшие в Европу, были использованы в фундаментальном труде французского иезуита-историка Жан-Батиста Дю Гальда (Jean-Baptiste Du Halde, 1674–1743). Общая история Китая (1736) с изданным в 1737 году атласом Китая, составленным Жан Батистом д'Анвиллем (1697–1782) (Jean Baptiste Bourguignon d'Anville, 1697–1782)⁷, который был одним из выдающихся географов и картографов XVIII столетия. Ниже приведены копии семи карт из Атласа д'Анвилля, любезно предоставленные нам Австрийской национальной библиотекой с правом публикации (рис. 1–8).

⁵ Fuchs W. Der Jesuiten Atlas der Kanghsi zeit. – Peking, 1947.

⁶ Northern Library of the British Library, 118.d.30.CXVI/6: China. Complete Geography of the whole Empire of China, with addition of the Tartar Regions under the Dominion of the Chinese Monarch, the Whole Copied from the Original Charts used at the Imperial Court of Peking, Surveyed by the European Missionairs on their Expedition for surbeying the whole Country, Executed by Express Commands of the former Emperor, During the Years 1712 to 1716 fit in the present order by A: E: van Braam Houchgeest Esq.

⁷ Anville, Jean-Baptiste Bourguignon d' Nouvel Atlas de la Chine, de la Tartarie chinoise, etdu Thibet, (etc.). (La Haye: Henri Scheurleer, 1737).

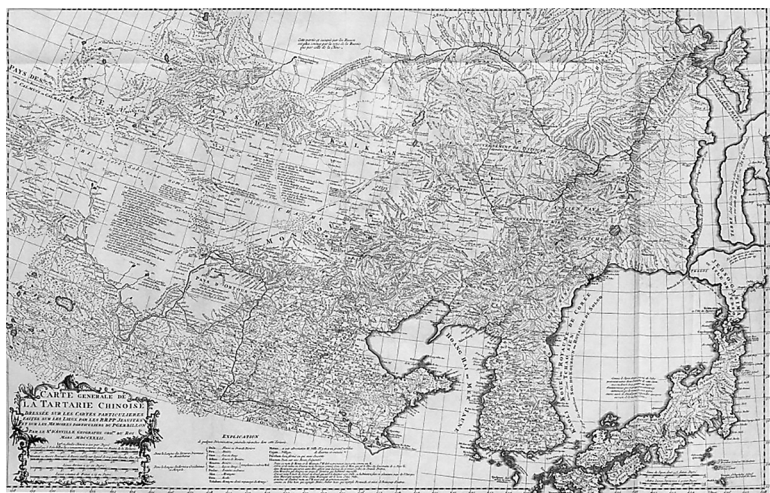

Рис. 1. Общая карта Китайской Тартарии

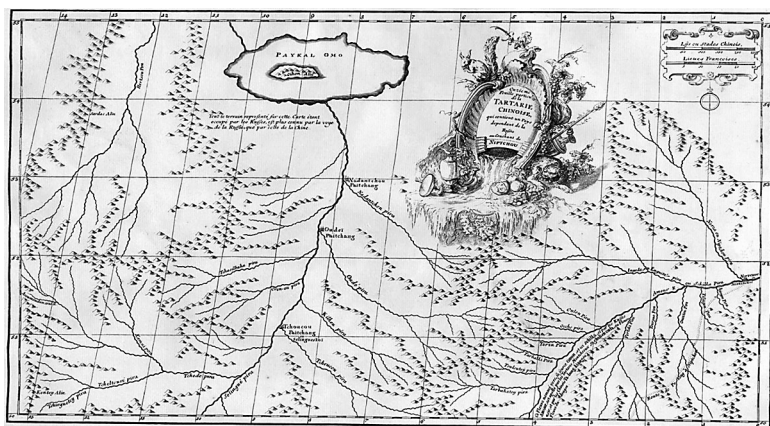

Рис. 2. Карта верхнего течения Амура

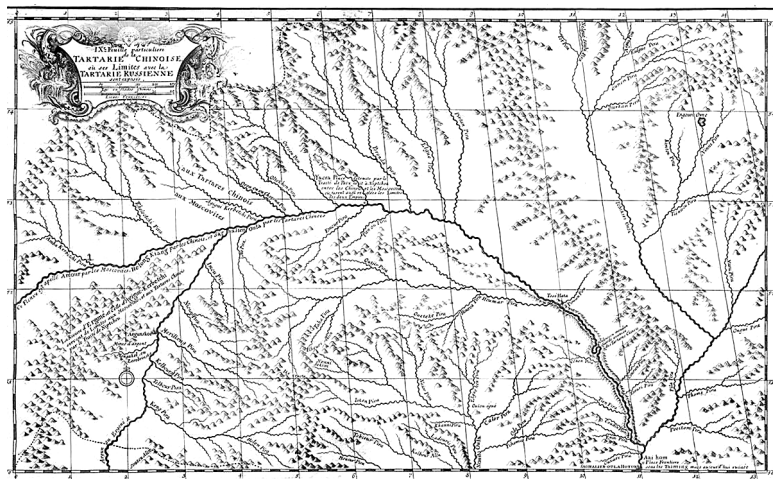

Рис. 3. Карта среднего течения Амура

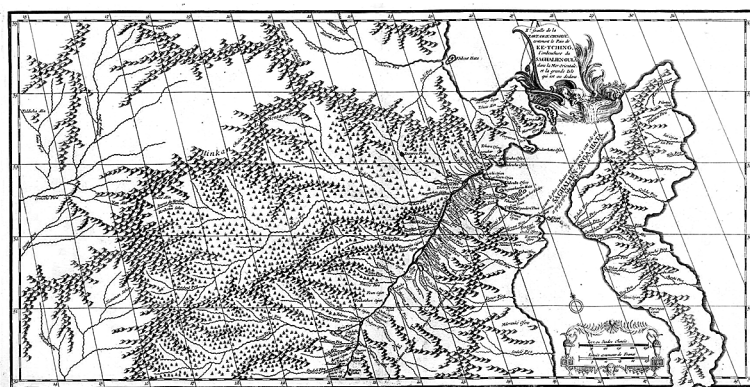

Рис. 4. Карта нижнего течения Амура

Рис. 5. Карта Китая, Китайской Тартарии и Тибета

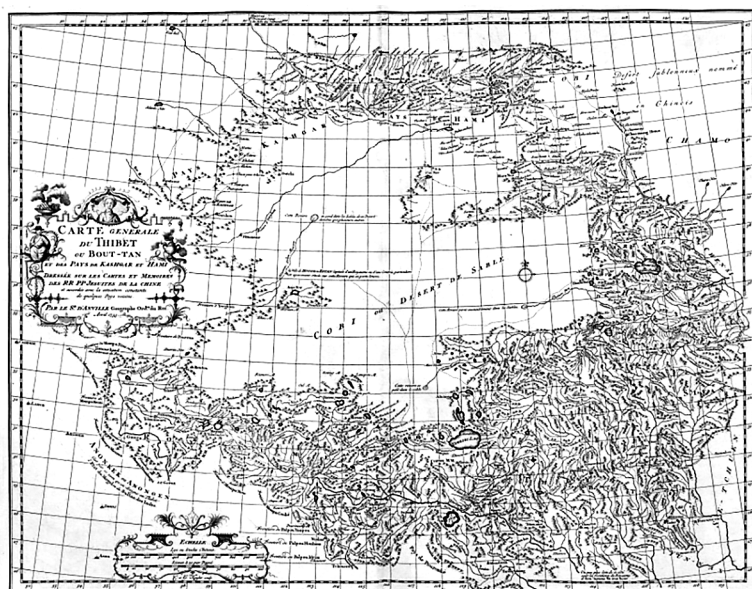

Рис. 6. Карта Тибета и Бутана

Рис. 7. Карта Центрального Тибета в районе Лхасы

Рис. 8. Карта Западного Тибета в районе Тсампу

Весной 1755 года началось вторжение Цинской империи в Джунгарию, а в 1757 г. Цины совершили новый поход в Казахстан, в результате которого Джунгарское ханство (Зюнгорские владения, как оно называлось в ту пору у русских) пало под натиском маньчжурских войск. Цинский Китай утвердил свою власть до озера Балхаш, где кочевали киргизы, принадлежавшие к Большой Орде. Влияние китайцев распространилось и на запад от Балхаша, на киргизов Средней Орды, признававших ранее подданство России. Наиболее влиятельный султан этой орды, впоследствии принявший ханский титул, Аблай-Хан признал себя подданным богдыхана, от которого получил грамоту на достоинство китайского князя, хотя ранее он присягал также России [3, л. 76 об. – 77].

В 1759 году Цинская империя вторглась в Коканд (правитель Ирдана или Эрдини бек). В 1759–1760 годах китайские войска совершили рейды на территории памирских владений, после чего отошли обратно на территорию Восточного Туркестана.

Уже в 1756 году маньчжурский император Цяньлун направил в Джунгарию специальную комиссию для выполнения детального и точного описания присоединённых территорий; в описание требовалось помещать географические, статистические и этнографические сведения⁸. Особенно значительная роль отводилась географическому изучению, определению координат и картографированию территорий завоеванных стран, до того совершенно не ведомых маньчжурам. Выполнение этой ответственной задачи Цяньлун поручил португальским иезуитам Феликсу де Роша (Felix da Rocha, 1713–1781) и Хозе де Эспинья (José de Espinha, 1722–1788), ответственность задания подчёркивалась пожалованием иезуитов высокими званиями мандаринов третьего и четвёртого классов соответственно. Феликс де Роша шёл по Джунгарии северным путём, завершив свой маршрут на реке Или. Хозе де Эспинья путешествовал южнее и подошёл к реке Или с запада. По ходу маршрута ими выполнялись астрономические определения широты отдельных пунктов, долгота которых определялась

⁸ Baddeley John F. Russia, Mongolia, China, Being some Record of the relations between them from the XVII th Century to the Death of the Tzar Alexei Mikhailovich A. D. 1602–1676, rendered mainly in the form of Narratives dictated or Written by the Envoys sent by the Russian Tzars or their Voevodas in Siberia to the Kalmuk and Mongol Khans and Princes; and to the Emperors of China with Introductions, Historical and Geographical. Also A series of Maps showing the progress of Geographical knowledge in regard the XVI th, XVII th and early XVIII th Centuries, the texts taken more especially from Manuscripts in the Moscow Foreign Office Archives... 2 vol. – London: Macmillan and Co., 1919. – Vol. 1. – P. CXC.

из счисления. В 1759–1760 годах те же иезуиты занимались астрономическими определениями и съёмками в южных районах завоеванной территории и в прилегающих к ним районах вплоть до Ташкента. Среди городов, координаты которых ими определены, указывают: Куча, Ак-Су, Уш (Ош), Кашгар, Яркенд, Керия, Андижан, Маргелан и Ташкент⁹. Результаты этих работ нашли отражение в Карте Азии и Европы, иногда известной как «Атлас Цяньлуна 1760–1761 годов» (1775), а также в больших географических трудах, опубликованных в Пекине при Цяньлуне, особенно в «Большой географии империи Цянь», часто переиздававшейся с дополнениями, и в «Описании Западных стран» (1777 г.) в 48 книгах. Заметим, что этот очень редкий труд под названием «Записка о Западных странах», рассказывающий о Восточном Туркестане, мусульманских областях и о различных от Китая западных территориях с описанием главных национальностей. Он с картами в тексте хранится в настоящее время в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге [2]. Карты в этом труде так же, как и другие картографические издания второй половины XVIII – начала XIX века, опубликованные в Китае и выполненные в европейской картографической традиции, основаны на работах де Роша и де Эспинья.

Карты де Роше и де Эспинья в целом дают более достоверное отображение общих географических особенностей Казахстана и Центральной Азии, чем предшествующие им как зарубежные, так и русские произведения. Вполне узнаваемы на них очертания Балхаша, Зайсана, Алаколя, Иссык-Куля, в целом правильно отображено общее направление течения рек Или, Чёрный Иртыш и т. д. (рис. 9, 10).

⁹ Baddeley John F. Russia, Mongolia, China, Being some Record of the relations between them from the XVII th Century to the Death of the Tzar Alexei Mikhailovich A. D. 1602–1676, rendered mainly in the form of Narratives dictated or Written by the Envoys sent by the Russian Tsars or their Voevodas in Siberia to the Kalmuk and Mongol Khans and Princes; and to the Emperors of China with Introductions, Historical and Geographical. Also A series of Maps showing the progress of Geographical knowledge in regard the XVI th, XVII th and early XVIII th Centuries, the texts taken more especially from Manuscripts in the Moscow Foreign Office Archives... 2 vol. – London: Macmillan and Co., 1919. – Vol. 1. – C. CLXIX, CXС.

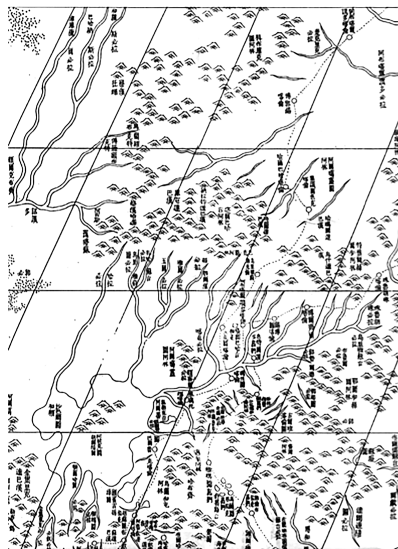

Рис. 9. Копия маньчжурской карты района Балхаша, Зайсана и Алаколя по съёмкам иезуитов, 1759 г.

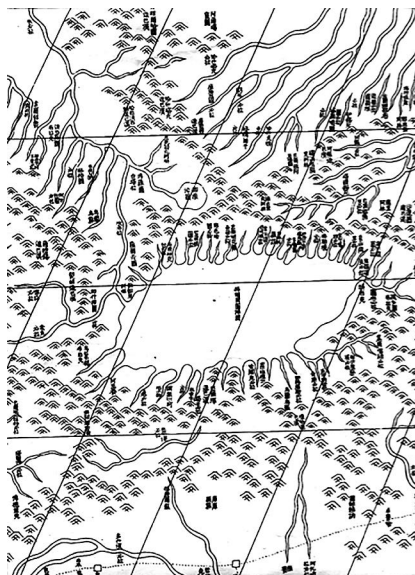

Рис. 10. Копия маньчжурской карты района оз. Иссык-Куль по съёмкам иезуитов, 1759 г.

Карты и описания по съёмкам Роша-Эспиньи, сразу по завершении работ португальских иезуитов, благодаря стараниям Русской православной миссии в Пекине, попали в Россию, но впоследствии довольно значительная их часть была переправлена за рубеж французским востоковедом немецкого происхождения Юлиусом Клапротом, одним из доказательств чему являются обнаруженные нами в Отделе карт и планов Национальной библиотеки в Париже и в Департаменте восточных рукописей и книг Британской библиотеки (Лондон) карты с многочисленными рукописными переводами на русский язык с маньчжурского и китайского языков географических названий и пояснительными надписи, выполненными почерком конца XVIII – начала XIX века¹⁰.

Среди карт коллекции Ю. Клапрота, хранящихся в Департаменте восточных рукописей и печатных книг Британской библиотеки (Лондон), наиболее интересны в этом плане «Карта Омской провинции в Северной Татарии»¹¹ и два листа карты провинции¹². В печатном виде Ю. Клапрот «утвердил» такое изображение Казахстана и Центральной Азии на своей «Карте части Внутренней Азии...», составленной по большей части по картам, созданным по приказу императора Цунь-луна отцами Галлерстейном, Феликсом де Роша и Эспинья, изданной в 1819 году [5].

Следует подчеркнуть, что в связи с рекогносцировочным характером съёмок иезуитов, основные оро-гидрографические очертания на составленных ими (и производных от них) картах очень схематичны. Например, Тянь-Шань, представляющий собой громадную горную систему из целого ряда хребтов и высокогорных всхолмленных сыртов, изображён на картах де Роше и Эспинья как единый горный хребет (рис. 11).

В этот период значительные обобщающие картографические работы по Центральной Азии проводил принятый в 1803 году на российскую службу немецкий учёный из Веймара, доктор философии Иоган Генрих Лоренц (Лаврентий Иванович) Панснер

¹⁰ См.: Bibliothèque nationale. Département des cartes et plans: Rés [Ge D25949, Ge D25948: Asia Centrale, 1759–1772]. Подробнее об этом см.: Постников А. В. Новые данные о российских картографических материалах XVIII – начала XIX в. во Франции // Архив истории науки и техники / отв. ред. С. С. Илизаров. – М.: Наука, 2007. – Вып. 3. – С. 390–423.

¹¹ Департамент восточных рукописей и печатных книг. Брит. 6-ка, 11.706. Plut. CLXXXIX.H (1909). Cartes de la Chine, Cochin Chine, Tartarie, etc., л. 5 (Омская провинция в Северной Татарии).

¹² Там же. – Л. 37, 38 (Или).

(Johann Heinrich Lorenz Pansner) (умер в 1819 г.). Сразу по приезде в Россию Лаврентий Иванович Панснер решил посвятить себя географии и картографии Центральной Азии.

Рис. 11. Изображение Тянь-Шаня на картах де Роше и Эспинья

К сожалению, очень мало известно о деятельности Лоренца Панснера в России, но он, очевидно, играл заметную роль в петербургском научном сообществе, о чём, в частности свидетельствует тот факт, что именно на его квартире в Михайловском (Инженерном) замке 19/7 января 1817 года состоялось открытие Русского минералогического общества¹³. Самым ярким итогом деятельности Л. Панснера в России явились его картографические труды, в первом из которых в 1816 году были обобщены географические и картографические труды чиновников алтайских горных заводов в виде подробной «Карты Колывано-Воскресенской горной округи», составленной из новейших частных карт Барнаульского горного архива по масштабу общей

¹³ The History of the Russian Mineralogical Societ. – URL: http://www.mineral.ras.ru/hist_e.html (дата обращения: 12.08.2019). – Текст: электронный.

подробной карты России (20 вёрст в дюйме), под руководством состоящего при Депо карт надворного советника Л. Панснера [6].

Под руководством Лоренца Панснера была создана также широко распространенная печатная «Карта части Средней Азии», содержащая земли «киргиз-кайсаков, каракалпаков, тухменцев и бухарцев» (сочинена при Депо карт, 1816 г., масштаб 50 вёрст в дюйме) (рис. 12) [7].

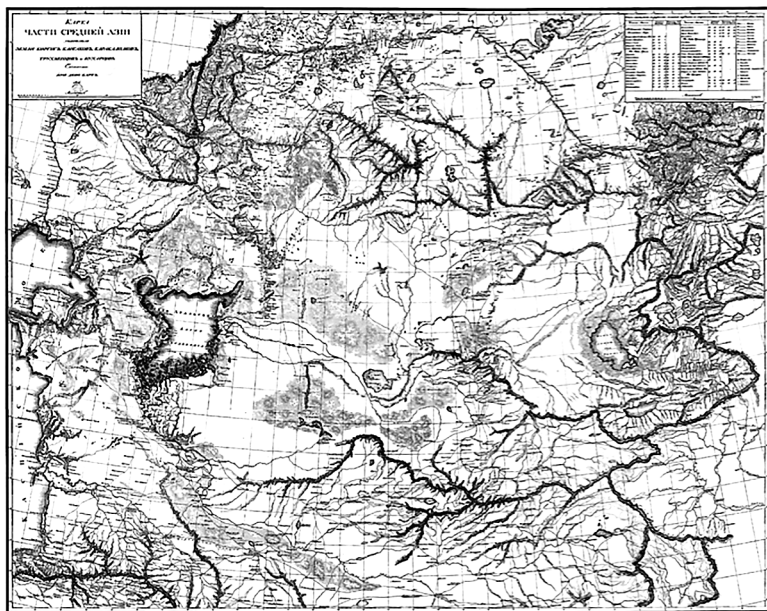

Рис. 12. «Карта части Средней Азии», составленная под руководством Л. Панснера

Карта Панснера включает десять листов большого формата, имеет градусную сетку с делениями через 1 градус. Географическое содержание её противоречиво. Наряду с новыми материалами (например, отражавшими результаты иезуитских съёмок в Центральной Азии, 1759–1761 гг.) в ней нашли место и устаревшие, в частности, книжные сведения, заимствованные из средневековых источников. Создатели карты, хорошо понимая, что составляют первое в своём роде произведение, интересное также для зарубежных читателей, поместили в нём помимо русских латинские названия населённых пунктов и рек.

На юге страны на карте Панснера нанесена мощная, разветвлённая речная сеть (река Теджен, или Охус и река Тус с Серудом, впадающая в глубоко врезаемый залив Каспия), показаны города с названиями, заимствованными у географов античности: Сага Лацавен (Мерхеле), Неза, Заверх, Антиохия, Маргиана или Марви. Недоумение вызывает изображение меридиональных горных хребтов в пустыне Каракум, между Аму-Дарьей и Каспийским морем, что, несомненно, заимствовано с карт Птолемея.

Видную роль в выявлении и анализе карт иезуитов играл известный русский синолог, российский консул в Кульдже Иван Ильич Захаров (1814–1885 гг.). Будучи в течение двух лет в составе русской духовной миссии в Пекине И. И. Захаров имел возможность пользоваться источниками, не доступными для других европейцев, в том числе – материалами астрономических определений, произведённых в Центральной Азии в 1750-х годах иезуитами де Роша и де Эспинья и их картами. В частности, именно И. И. Захаров вывез из Пекина хранящиеся в настоящее время в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге Карты всего Китая и отдельных провинций [3], изданные в 1842 году по картам иезуитов.

Список литературы

1. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. – М.: Наука, 1980. – 234 с.
2. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. Дорн. – № 757.
3. ОР РНБ. – Кит. н. с. – № 93.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. ВУА. – № 1358, ч. 2. Материалы по Западной Сибири – Исторический очерк распространения русского владычества в Западной Сибири.
5. РГВИА. – Ф. 447. – Оп. 1. – № 250. Carte D, une partie d L, Interieur de L, Asie; Premiere partie... Dressee en grande partie les cartes levees d, apres le orderes de l, Empereur Khian-Loung Par Les Peres Hallerstein, Felix-da-Rocha et Espinha. Traduit du Chinois Par Jules Klaproth, 1819.
6. РГВИА. – Ф. ВУА. – № 21017.
7. РГВИА. – Ф. ВУА. – № 20646, 20647 (л. 7); Карт. отдел РНБ (шифр: К I-Росс/544); Карт. отдел БАН (шифр 1931/216); РГИА. – Ф. 1424. – Оп. 1. – № 44; ЦГА Каз. ССР. – Ф. 689. – Оп. 1. – № 3.

УДК 94(=512.31)

ББК 63.3 (=642)

*Т. Е. Санжиева,
г. Улан-Удэ, Россия*

Жители Китая – шэнхэнские буряты

Статья посвящена эмиграции бурят во Внутреннюю Монголию в годы Гражданской войны и возвращению их в Россию в конце XX – начале XXI века. Инициатором поиска мест концентрированного проживания бурят стал лидер национального движения начала XX века М. Н. Богданов. После подписания договора о предоставлении мест для расселения в местности Шэнхэн Хулун-Буйрского аймака сюда стали прибывать буряты, в основном агинские. Мигранты смогли устроиться, создать своё административное управление, стали китайскими подданными, но при этом сохранили свой хозяйственно-бытовой уклад и язык. В конце XX – начале XXI века с изменением политической ситуации началось движение в обратную сторону – в Россию. Бывшие кочевники-скотоводы, шэнхэнские буряты, стали селиться в основном в городах, в частности в г. Улан-Удэ, сейчас возникла новая тенденция – переезд в г. Москву и Санкт-Петербург.

Ключевые слова: *миграция, буряты, Гражданская война, Шэнхэн, Китай, ремиграция*

*T. E. Sanzhieva,
Ulan-Ude, Russia*

Residents of China – Shenaheng Buryats

The article is devoted to the emigration of the Buryats to Inner Mongolia during the years of the Civil War and their return to Russia in the late XX – early XXI centuries. The leader of the national movement of the beginning of the XX century became the initiator of the search for places of concentrated residence of the Buryats M. N. Bogdanov. After the signing of the agreement on the provision of places for resettlement in the Shenhen Khan district of the Hulun-Buir aimag, Buryats began to arrive here, mainly Aginians. Migrants were able to settle down, create their own administrative department, and became Chinese citizens, but at the same time retaining their household structure and language. At the

end of XX – beginning of XXI centuries. with the change in the political situation, a movement began in the opposite direction – to Russia. Former nomad cattle breeders, Shenhen Khan Buryats, began to settle mainly in cities, in particular in the city of Ulan-Ude, now a new trend has arisen – moving to Moscow and St. Petersburg.

Keywords: *migration, Buryats, civil war, Shenanen, China, remigration*

Военные катаклизмы всегда являлись основной причиной миграций населения, которое бежало в поисках мира и спокойствия. Военное противостояние нового большевистского и старого царского режимов не было исключением. Буряты, жившие в приграничном районе России и Маньчжурии, спасаясь, бежали в Китай. До XX века все приграничные буряты в случае бескормицы уходили со скотом в пределы Маньчжурии и Монголии, с наступлением нового сезона возвращались домой. С началом Первой мировой войны они стали там оседать. Но эти перекочёвки осуществлялись семьями или небольшими группами. Массовая миграция бурят произошла в годы Гражданской войны.

В статье использованы материалы экспедиции 2004 года, организованной Национально-государственным институтом Бурятского государственного университета, в местах расселения бурят – Зун-Шэнэхэн и Барун-Шэнэхэн, где были записаны воспоминания пожилых людей об этом историческом событии. Некоторые материалы предоставил Музей Шэнэхэн Барун-хомона Эвенкийского хошуна Внутренней Монголии Китая. Часть из них была опубликована. В статье приведены материалы Л. В. Кураса и Д. Л. Доржиева, которые в 1990-е годы смогли поработать в ФСБ Республики Бурятия, когда архив был на некоторое время открыт.

В годы Гражданской войны походный атаман Г. М. Семёнов, установивший свою власть в Забайкалье, потребовал от лидеров национального движения принять на общенациональном съезде решение о переводе всего бурятского населения в казачье сословие для пополнения численности своей армии. Чтобы избежать этого, один из лидеров – М. Н. Богданов – стал искать пути выхода из создавшегося положения в миграции. О том, что именно он стал инициатором переселения, свидетельствует следующее. Будучи «помощником волостного писаря в Цуголе (1915 г.), Богданов написал докладную записку об основах поземельного устройства агинских

и цугольских бурят, обосновав положение, согласно которому агинские степи в условиях кочевого скотоводческого хозяйства должны считаться перенаселёнными, и поэтому кочёвки цугольцев и агинцев в Монголию были неизбежны. Эта мысль и привела его впоследствии к выводу о необходимости и целесообразности выселения части бурятского населения в Халху или в Баргу» [1, с. 37].

В конце 1917 года М. Н. Богданов, Намдык Дылыков (цугольский волостной старшина), Базарайн Намдык, Раднын Абида, Жамсаранэ Аюш и Роман Мангутов поехали в Хулун-Буйр (Маньчжурия) в поисках земель, пригодных для заселения бурятами. Они заключили договор с амбанем Хулун-Буйра об отводе бурятам земель по долинам Шэнэхэн-гол, Эмин-гол и Хулгайта-гол на 90 лет. Договор подписал, как официальный представитель, цугольский волостной старшина Н. Д. Дылыков [6, с. 145].

По воспоминаниям Ц. Абида (житель г. Хайлар, 1917 г. р.): весной 1918 года во второй раз приехали Намдык Базаров и Аюша Жамсаранов для уточнения территории. На новых землях Намдык-нойон положил плащ на землю, закопал золотое кольцо и помолился молоком и сахаром, после этого они вернулись в Россию. М. Н. Богданов во Внутренней Монголии больше не появлялся. Вернувшись домой, Н. Базаров стал призывать бурят переселиться в Баргу. Летом 1918 года туда прибыли первые 700 переселенцев [5, с. 39]. Буряты и эвенки расселились совместно со скотоводами Баргинского хошуна в местности Мекен, Хайлар, Сээлч, Шорбог [7, с. 30].

Уход бурят в сторону Шэнэхэна продолжался сначала открыто, затем тайно вплоть до конца 1920-х годов. По словам Намжилэ Намсарая (житель Барун-Хомона, 1926 г. р.), атаман Семёнов и его офицеры уговаривали бурят уехать отсюда, поскольку идут красные. Они же активно привлекали бурятскую молодёжь в ряды своей армии. За службу Г. М. Семёнов платил золотом.

По словам информантов, буряты решили, что Россия становится местом, от которой отвернулся Бог, поэтому надо искать другие земли. Поводом для бегства бурят стали также хозяйственная неразбериха и незавершённость земельной реформы. По воспоминаниям Намсарая: зимой-весной 1920 года в Баргу стали прибывать буряты, в основном агинские, баргузинские, селенгинские и хоринские. Они шли несколькими потоками: часть из них пришла вместе с армией атамана Г. М. Семёнова, а часть – с богатыми русскими

семьями, в которых они были батраками. В Маньчжурии оказались и западные буряты, но их появление здесь связано с уходом армии Г. М. Семёнова. Известны имена Балаганского Максима (умер в Шэнэхэне в 1956 г.), Балаганского Цырен-Доржо (вернулся домой), в Китае оказалась женщина по имени Доба.

Увеличившееся бурятское население стало административно организовываться: в 1921 году у моста «Алтан Эмээл» через р. Керулен представители переселившихся бурят и эвенков провели перепись, в результате чего получили разрешение переселиться в Хулун-Буйр [7, с. 30]. 28 августа 1921 года администрация вынесла решение об образовании в Хулун-Буйре бурятского хошуна из четырёх хомонов. Главой хошуна был назначен Раднын Абида. В 1928 году в районе Шэнэхэна было уже 8 хомонов, в них проживали 3000 чел. (700 хозяйств). Администрацию бурят возглавлял Мижид-дарга [4]. По воспоминаниям Ц. Абида, буряты находили поддержку со стороны и администрации, и монголов, занимавшихся скотоводством.

Большую роль в миграции бурят в Маньчжурию сыграл Уржин Гармаев, генерал армии Маньчжоу-го, выходец агинских степей, агитировавший бурят к переселению во Внутреннюю Монголию. Во многом благодаря этому в конце 1920-х-начале – 30-х годов буряты стали мигрировать не в Монголию как раньше, а в Китай. Они под предлогом поиска пастбищ подходили близко к границе. По приблизительным подсчётам на 1929 год, за границу откочевало 1450 хозяйств [3, с. 71]. Несмотря на принятые Бурят-Монгольским ОК ВКП(б) мерам по предотвращению эмиграции бурят, в феврале 1929 года состоялся массовый переход бурят Агинского аймака (27 хозяйств) и Борзинского района Читинского округа (18 хозяйств) в Китай. Было угнано 18 тыс. овец, 300 голов крупного рогатого скота, 2 тыс. лошадей и 650 верблюдов [5, с. 41].

Потоки мигрантов шли в ту страну, чья граница была ближе: Монголия или Китай. Миграционные настроения распространялись только в приграничных районах. По секретным сводкам информстатподотдела Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) и секретной докладной записки первого секретаря обкома М. Н. Ербанова в Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 апреля и 8 августа 1929 года, в январе-феврале в Агинском аймаке шла интенсивная подготовка к эмиграции. По некоторым данным к ней готовились 78 хозяйств (408 чел.). В ночь с 9 на 10 февраля эта группа совершила массовый

переход через границу. Пограничный дозор попытался их остановить: были убиты два крестьянина-скотовода и один захвачен пограничниками раненным, остальные ушли. За границей оказались 45 крестьянских хозяйств: 3 тыс. голов крупного рогатого скота, 2 тыс. голов лошадей, 1800 овец и 650 верблюдов [2, с. 87]. Это событие произошло накануне взятия курса на коллективизацию сельского хозяйства в Бурят-Монголии.

В годы коллективизации 1930–1934 годов СССР покинули тысячи бурят, в основном зажиточных, увозя с собой значительные материальные ценности, были угнаны десятки тысяч голов скота. Более точные данные не известны. Следует отметить, что мигрировали главным образом те, у кого были родственники в Китае. О миграциях свидетельствуют материалы обкома партии, в которых первый секретарь М. Н. Ербанов ставит вопрос о прекращении миграции и сетует, что беглецы увозят с собой большие материальные ценности.

Следующая страница истории бурят в Китае связана с японцами, когда с 1931 по 1945 год Северо-Восточный Китай, в том числе Шэнхэнь, был оккупирован японцами. На этой территории было создано марионеточное государство Маньчжоу-го, которое возглавил Фу-и. По воспоминаниям Ц. Абида, японская политика была направлена против китайцев и действовала под лозунгом «Давить китайцев, поднимать монголов». Но как только монгол или бурят становился образованным и получал должность, то японцы убивали его. Японцы обложили население высоким налогом: с каждого 10 голов скота забирали одну голову. У населения исчезли крупа, хлеб. Японцы обещали выделить эти продукты, но не выполнили его.

С появлением японцев изменилось административное устройство – возникло управление Хинганской областью. Восемь сомонов Шэнхэня составили военную администрацию Хулун-Буйра. В 1933 году была открыта первая школа в Шэнхэне, в которой дети изучали японский, монгольский и бурятский языки. В начальной школе изучался только японский язык [7, с. 33].

Культурная революция в Китае коснулась и шэнхэнских бурят. Многие руководители были репрессированы. Обвинение для всех было одно – участие в панмонгольском движении. Все репрессированные лишались своих имён и получали общее имя «Шутхэр» (чёрт). Арестованные отбывали наказание в местах проживания, в построенных для этого небольших тюрьмах. «Дарги и крестьяне сидели отдельно», – вспоминал Ц. Абида. Впоследствии Дэн

Сяопин, сам пострадавший в годы культурной революции, реабилитировал осуждённых, вернул им имя, должность и имущество.

В январе 1949 года был образован Хулунбуйрский аймак. В сентябре 1949 года населению было объявлено о реализации политического курса Компартии Китая, основанного на двусторонней выгоде между бедняками и богатыми, развитии сельского хозяйства [Там же, с. 37]. Уровень благосостояния бурятского населения постепенно стал расти. После 1949 года к числу богатых в Барун-хомоне относились 60,4% семей, доход которых составлял 4116 юаней. В 1999 году уже 75% семей считались богатыми [4].

В 1956 году Шэнэхэн-хомон разделился на Шэнэхэн Зун-хомон и Шэнэхэн Баруун-хомон. 23 октября 1957 года шэнэхэнские буряты стали китайскими подданными.

Переселившись в район Шэнэхэна, буряты сохранили традиционный национальный хозяйственный и бытовой уклад. Они занимались скотоводством. В 1930 году у них было 17029 овец и коз, 10481 единица крупного рогатого скота [Там же].

По данным на 1 июля 2004 года, в Зун-хомоне проживало 2324 чел., Шэнэхэн Баруун-хомоне – 5900 чел. Всего – 8224 чел. Эти данные приблизительные, поскольку всё монголоязычное население китайские власти относят к одной этнической группе – монголы (по паспорту), и учёт бурятского населения не ведётся. В указанный улусах кроме бурят живут китайцы, дагуры, монголы. Баруун-хомон главным образом населяют буряты. В 2000 году Зун-хомон и Мунгэн-шулун-хомон объединились в один населённый пункт – Зун-хомон. Не подвергнуто учёту население городов Нантунг, Хайлар и др. Население разделено на бригады. Так, Зун-хомон состоит из 8 бригад, Баруун-хомон – из 4 бригад. Бригады составляют люди, обладающие земельным наделом [5, с. 44].

Буряты живут в трёх поселениях – Шэнэхэн Баруун, Шэнэхэнг Зуун, Мунгэн Шулуун – сомонах Эвенкийского хошуна Хулунбуйрского аймака АРВМ КНР. Начиная с 1990-х годов, с открытием границы шунэхэнские буряты стали приезжать в Россию. Если в 1990-е годы они приезжали в гости к родственникам в пос. Агинское и г. Улан-Удэ, то с 2000-х годов стали обустраиваться в России. Со слов председателя Шэнэхэнского землячества Санжа-Ешин Дашицырена, на 2019 год большинство бурят живут в г. Улан-Удэ: более 100 семей, т. е. около 500 чел. В г. Иркутске поселилась одна семья. Кроме того, в Кяхтинском, Заиграевском, Селенгинском,

Мухоршибирском, Хоринском и Баргузинском районах проживают по 3–4 семьи. Первоначально они работали у местных фермеров, жили на гуртах, теперь сами стали фермерами и разводят скот (кроме Баргузинского района, где семья работает у местного фермера).

Если первые поселенцы говорили только на бурятском и китайском языках, то теперь они неплохо овладели русским языком. Например, Дашицырен, живущий в Улан-Удэ более 20 лет, свободно без акцента говорит на русском языке. Появилось поколение, родившееся в Улан-Удэ: по подсчётам самих шэнэхэнцев, в 2018 году в Улан-Удэ было около 60 детей дошкольного возраста. В вузах Улан-Удэ учатся 7 чел., все они приехали из Внутренней Монголии. Дети, родившиеся в России, т. е. владеющие русским языком, уже едут учиться в г. Москву, Санкт-Петербург и т. д. В Москве проживают около 20 шэнэхэнцев, в основном молодёжь.

Шэнэхэнские буряты, проживая локальной этнической группой на новой земле, не утратили свой хозяйственно-бытовой уклад, сохранили этническую идентичность. Отметим, что они подверглись проникновению языка, некоторых элементов культуры этнического большинства жителей. Молодёжь предпочитает говорить на китайском языке, что очень беспокоит старшее поколение.

В 1990-е и начале 2000-х годов шэнэхэнские буряты стали возвращаться в Россию, но не на свою родину, а в г. Улан-Удэ. Они не меняют гражданство. Учатся, живут, открывают бизнес в основном в г. Улан-Удэ. В последние годы возникает новая тенденция: обжившись и начав хорошо говорить на русском языке, стали осваивать мегаполисы России.

Список литературы

1. Бороноева Д. Ц. Очерки истории и культуры бурят Внутренней Монголии КНР. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2000. – 138 с.
2. Доржиев Д. Л. Социально-политический протест и вооружённые выступления крестьянства в Бурятии на рубеже 1920–1930-х гг. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1996. – 180 с.
3. Курас Л. В. Очерки истории органов государственной безопасности Республики Бурятия. – Улан-Удэ; Иркутск, 1998. – 201 с.
4. Музей Шэнэхэн Барун-хомона Эвенкийского хошуна Внутренней Монголии Китая. – URL: <https://www.ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.08.2019). – Текст: электронный.
5. Санжиева Т. Е. Формирование хозяйственно-культурного комплекса локальной бурятской этнической общины в Китае // Локальные особенности бурятской этнической общины Внутренней Монголии Китайской

Народной Республики: материалы I Научной экспедиции НГИ, 2004 г. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2005. – С. 38–46.

6. Санжиева Т. Е. Забайкальский период деятельности М. Н. Богданова: поиски и решения // Приграничный регион в историческом развитии: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году единения рос. нации и 80-летию высш. пед. образования в Забайкалье: в 3 ч. Ч. 2 /отв. ред. Е. В. Дроботушенко. – Чита: ЗабГУ, 2018. – С. 142–146.

7. Современный исторический обзор бурят Шэнэхэна / Ц. Абида, З. Болод, Б. Димчиг, С. Лхамасурэн // Локальные особенности бурятской этнической общины Внутренней Монголии Китайской Народной Республики: материалы I Научной экспедиции НГИ, 2004 г. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2005. – С. 23–38.

УДК 94(47+57:315):341.76):341.76

ББК ТЗ.3 (2)

Л. В. Эмирзиади,

г. Чита, Россия

История развития дипломатических отношений России – Китай и установления восточных границ России в конце XVII – начале XVIII века

Статья посвящена давним историческим событиям, имевшим место в конце XVII начале XVIII века. Показана история становления и развития дипломатических отношений между Россией и Китаем и установлением восточных границ. Центральное место в статье занимает история первых посольств государства российско-го в Срединное государство (Китай) и подписание первых мирного, территориального и торговых договоров с нашим восточным соседом. Среди этих договоров Буринский трактат и Кяхтинский договор (1727 г.), которым в 2017 году исполняется 290 лет. Они занимают особое место, так как определили государственную границу, торговые и хозяйственные взаимоотношения с нашим восточным соседом.

Ключевые слова: *Китай, Россия, царское посольство, переговоры, заключение договора, Нерчинский договор, Буринский трактат, Кяхтинский договор, государственная граница, торговые отношения*

**The History of the Development of Diplomatic Relations
between Russia and China and the Establishment
of Russia's Eastern Borders at the end of XVII – Beginning
of XVIII Century**

The article is devoted to long-standing historical events that occurred in the late XVII early XVIII century, and introduces the history of formation and development of diplomatic relations between Russia and China and the establishment of eastern borders. The centerpiece of the article covers the history of the first Russian state embassies in the Middle Kingdom (China) and the signing of the first peace, territorial and trade agreements with our eastern neighbor. Among these treaties Bura treaty and Kyakhta treaty (1727), which turns 290 years old in 2017, occupy a special place as they defined the state border, trade and economic relations with our eastern neighbor.

Keywords: *China, Russia, the tsarist embassy, negotiations, conclusion of the contract, the treaty of Nerchinsk, Bura treaty, Kyakhta treaty, state border, trade relations*

В 2017 году исполняется 290 лет с момента подписания двух очень важных документов – Буринского трактата и Кяхтинского договора (1727 г.), устанавливающих и утверждающих государственную границу, торговые и хозяйственные взаимоотношения России с её восточным соседом – Китаем. События столь отдалённые и сегодня являются знаковыми. Речь идёт о важной исторической вехе в развитии как дипломатических, так и территориальных, и экономических взаимоотношений между Россией и Китаем. Эта страница истории России тесно связана с Забайкальским краем, так как царские посольства того времени проходили через приграничные территории Восточного Забайкалья.

Хорошо известно, что конец XVII – начало XVIII века ознаменованы бурным освоением и изучением Даурских земель вплоть до китайских рубежей со стороны государства российского. С китайской стороны, пришедшая к власти маньчжурская династия Цин (1644–1911 гг.), решила укрепить свои северо-восточные территории и продвинуться дальше, расширив свои владения. Эти процессы

совпали по времени, и именно в этом месте столкнулись интересы двух соседствующих народов. Вполне очевидно, что к тому времени назрела историческая необходимость упорядочить взаимоотношения на сопредельных территориях. Представляется уместным перечислить некоторые наиболее значимые этапы истории, вспомнить исторические события и восстановить их хронологию.

Прежде всего, необходимо упомянуть первых полуофициальных русских посланников, боярских сыновей, братьев Игнатия и Василия Миловановых с 6 казаками и их товарищами, которые были направлены ещё в далёком 1670 году из Нерчинска тогдашним воеводой Даниилом Аршинским в Пекин к богдыхану, чтобы установить с Китаем торговые связи, заключить торговый договор. Они прошли из Нерчинского острога через Маньчжурию до Пекина (у русских в то время Пежин, Тайчжин, Бэйпин) по Аргуни и Хайлару до Нонни (Нуана) за 17 дней, а от Нонни до Пекина за 13 дней. Они оказались первопроходцами. До них этот путь был совершенно неизведан. В Пекине смельчаки были приняты весьма милостиво китайским богдыханом. По этому случаю богдыхан распорядился выпустить на свободу нескольких узников, «а в честь русского царя приглашал их три дня сряду к своему столу, в свою столовую палату». После угощения богдыхан одарил их подарками: каждому шапку, халат шёлковый, пояс с ножом, коня со сбруей и 50 кумачей [1].

В целом посланцы прожили в Китае пять недель и три дня. 28 июня 1670 года выехали из Пекина и благополучно добрались до Нерчинского острога в сопровождении служилых людей богдыхана, которые привезли воеводе Д. Д. Аршинскому подарки и письмо для великого государя российского. Послание богдыхана толмачи перевели на русский язык, сделали с него «список», и во второй половине августа 1670 года оно было отправлено в Москву. Повезли его те же Игнатий Милованов и его товарищи. Посланцы ехали ровно год. 29 августа 1671 года их встретили в Москве. Однако царь-государь Алексей Михайлович остался недоволен действиями своего воеводы и потребовал от него объяснения. В опалу попали Игнатий Милованов и его товарищи: «Как вы без нашего позволения могли туда ехать и ты, Игнатий, как мог называться нашим посланником?» И. Милованов настолько был растерян, что не смог что-либо вразумительное объяснить. Царь его больше не принял, но в обратный путь отпустил с Богом. Так закончилось первое, но далеко не последнее путешествие в Пекин [2].

С 1675 по 1678 год последовало уже совершенно официальное посольство Милеску (Николае Спэтарул) в русском подданстве Николая Гавриловича Спафария (1636–1708), выдающегося молдавского писателя, философа, дипломата и путешественника XVII века. Русское подданство он принял в 1671 году, в 1675 году уже возглавил русское посольство в Китай. Посольство было отправлено по повелению царя Алексея Михайловича и по договорённости русского царя с китайским богдыханом, писавшим царю о том, что следовало бы установить мирные торговые отношения двух народов. К слову сказать, Николай Милеску Спафарий знал восемь языков, был главным переводчиком в Посольском приказе в Москве и сам обучал переводу. Очевидно, это была достойнейшая кандидатура для выполнения столь непростой миссии. Царь выразил ему вотум доверия и вручил царский «наказ», в котором был определён весь круг вопросов для решения и выполнения описаний. Самым важным было, конечно, заключение торгового договора с Китаем. Кроме того, ему было предписано добиться откупа русских, захваченных в плен войсками китайского богдыхана Кан Си; решить вопрос о присылке в Москву китайских послов; разведать самый короткий путь в Китай; узнать расстояние между городами как в Сибири, так и в Китае; описать людей, их обычаи и под чьим они подчинением; разведать морской путь из Китая в Астрахань; добиться разрешения закупать в Китае серебро... «и от Тобольска по дороге до порубежного китайского города изобразить все землицы, города и путь на чертеже» [1].

Посольство Спафария состояло из 150 разного звания людей и выступило из Москвы на 20 подводах 3(4) марта 1675 года. В октябре 1676 года они вышли к Байкалу, а затем направились в Даурский край. 19 декабря посольство выступило из Нерчинского острога, а 30 декабря 120 телег и 50 верховых лошадей перешли по льду Аргуни и вступили в пределы Серединного царства, как в то время называли Китай.

К сожалению, царский посол в Китай не смог выполнить основного поручения – заключить торговый договор, и 1 сентября 1677 года выехал из Пекина. Посольство Спафария возвратилось в Москву 5 января 1678 года. Несмотря на кажущуюся неудачу, на самом деле это посещение Китая имело колоссальное значение. Во-первых, был получен бесценный опыт ведения переговоров и подготовлена почва для новых дипломатических миссий.

Во-вторых, Россия многое узнала о Китае и китайской торговле, благодаря тому, что по возвращении в Москву Николай Гаврилович опубликовал свои дневники путешествий и несколько книг. Одну из этих книг он назвал «Китайской книгой», являющейся, по сути, подробным дневником событий, происходящих при посольстве в Китае. Учёные называют этот труд энциклопедией Китая и одним из самых лучших географических трудов в Европе того времени.

Далее следует назвать посольство Фёдора Алексеевича Головина (1650–1706), видного государственного деятеля, первого российского министра, которого очень ценил Пётр Первый, называя его своим другом, образованного человека, знавшего несколько языков, великого и полномочного посла с миссией заключения мирного договора с Китаем. Посольская миссия (1686–1689) была направлена в Даурские земли в связи с резким обострением ситуации на восточных рубежах российской империи. На посла были возложены не только дипломатические, но и административные полномочия, выданы соответствующие инструкции и царская верительная грамота, датированная 20 января 1686 года. Зимой, 26 января 1686 года посольство Ф. А. Головина выступило из Москвы в сопровождении 506 стрельцов и обоза в 270 подвод с грузом. По дороге в Сибирь Головин набрал ещё 1400 казаков. Всем сибирским воеводам предписывалось оказывать всяческую помощь великому послу, едущему на китайскую границу.

В то время, как посольство Ф. А. Головина продвигалось в Даурскую землю, ситуация на границе становилась всё более сложной. Многотысячное войско цинского богдыхана Кан Си подступило к Албазину и держало его в осаде. Несмотря на то, что послу из Пекина сообщали, что осада снята, на самом деле войска находились совсем рядом под Албазином. Русским не были известны истинные намерения Кан Си, но вся обстановка говорила о том, что богдыхан готовится к войне, а не к мирным переговорам. Первоначально встреча с китайскими послами предполагалась в Селенгинске, куда и прибыл Ф. А. Головин 25 октября 1687 года. Однако вместо послов к Селенгинску подошли войска монгольского правителя Очирой-Сайн-хана и его брата Кутухты, вооружённые не только своим степным оружием, но и пушками и огнестрельным лёгким оружием, которым их снабдил Кан Си. Ф. А. Головин собрал своё войско, 500 стрельцов и 1400 казаков, служилых людей и отразил нападение. И это было не единственное нападение. Так, по до-

роге уже в Нерчинский острог Ф. А. Головину пришлось вступить в бой с табунутскими тайшами, которые были разбиты, а потерпев поражение, приняли российское подданство [2].

Всё это время продолжались нескончаемые переговоры о месте встречи. Лишь в конце лета уже 1688 года местом съезда послов был, наконец, назначен Нерчинский острог. К тому времени Ф. А. Головин получил наказ из Москвы: во что бы то ни стало встретиться с китайскими послами и установить границу по Амуру. На рассмотрение правителю Кан Си было представлено три образца договора [Там же].

Только почти через год, 9 августа 1689 года, Ф. А. Головин прибыл в Нерчинский острог. Цинские послы прибыли сюда чуть раньше, ещё 20 июля того же года. В полуверсте от Нерчинского острога на открытом месте 12 и 14 августа 1689 года собирались съезды послов. На этом месте были установлены 2 шатра, один возле другого, в них встречались послы. Русский шатёр отличался богатством убранства: он весь был застлан коврами. На столе стояли роскошные часы и золотая чернильница. У стола были два кресла для послов и скамья для дьяка. Цинский шатёр был из простого полотна. В нём перед столом стояла широкая скамья, покрытая войлоком. Охрана с той и с другой стороны была установлена по 500 чел. На этих двух посольских съездах послы не пришли к единому мнению о границе. Цинские послы, пришедшие с десятитысячным войском, по сути дела диктовали свои условия и претендовали на всю Даурию. Русские послы, находившиеся практически в осаде, проявили мужество и стойкость. Они стояли на своём – провести границу по Амуру и Аргуни.

Заключение мирного договора оказалось делом не простым. Переговоры проходили с 12 по 27 августа постоянно на грани открытых военных действий, посольские шатры со всех сторон были окружены войсками, готовыми в любой момент вступить в бой. Трижды собирались съезды послов той и другой стороны. С китайской стороны было 8 сановников во главе с государственным советником Сонготу, в том числе иезуиты-переводчики: Жербильон и Перейра. Российской стороне пришлось пойти на некоторые уступки, русские уступили казачий острог – крепость Албазин. Согласно договору Албазин был разрушен, а Аргунский острог с правого берега Аргуни был перенесён на левый, и граница была установлена по реке. Кстати, албазинских казаков можно считать

первыми русскими эмигрантами в Китай, так как многие из них приняли предложение императора Кан Си перейти к нему на службу в качестве стражи. Таким образом, албазинские казаки оказались в Пекине и исправно несли службу цинскому императору. Тем не менее, они проживали замкнутой общиной, сохраняя верность православию и русским обычаям. Потомки албазинцев по сей день проживают в Пекине.

Несмотря на огромные трудности, заключение первого мирного договора России с Китаем всё же состоялось, и именно на условиях российской стороны. 27 августа 1689 года в тех же шатрах проходила официальная церемония подписания договора между Россией и Китаем, который вошёл в историю под названием Нерчинский трактат (тракт). Договор состоял всего из 6 статей [4]. Первый договор явился большой победой российской дипломатии, Ф. А. Головин был награждён похвальной грамотой и золотой медалью, а с 1699 года стал руководителем русской внешней политики.

Для того чтобы закрепить достигнутые договорённости в марте 1692 года в Срединную империю было направлено новое российское посольство, руководителем которого царским указом был назначен Избранд (Эбергард) Идес Эверт в русском подданстве Елизарий. Секретарём в этом посольстве был назначен Адам Бранд, в обязанности которого вменялось ведение подробнейших записей всего, что происходило во время движения посольства и всего, что встречалось по пути следования. Эти дневниковые записи впоследствии были изданы отдельной книгой. Всё посольство состояло из 21 человека, из которых только 9 человек были русскими. С посольством шёл целый караван торговых людей разных наций.

Царским наказом Избранду предписывалось: «Объявить, что российские государи согласны на утверждение Нерчинского договора и просят богдыхана высказать своё откровенное суждение...» [2]. Следовало также сообщить, что российские государи разрешают китайским купцам провозить в Москву по тысяче и более пудов серебра. Дозволяют им также привозить корни, товары и драгоценные камни, велят китайцам приезжать в Россию со всякими товарами для торговли.

Принято считать, что посольство Избранда Идеса (Елизария) особого успеха не имело. Но это как посмотреть. С точки зрения дипломатической, вероятно, да. Послу сообщили, что Нерчинский договор принят богдыханом Кан Си и что после заключения договора

китайцы построили Нунский городок (Цицикар), который во время пребывания там Избранда был укреплён земляным валом и на нём «поставлены пушки и устроен в оном гостинный двор» именно для заезжих купцов [2]. Никаких переговоров не было, но это и не входило в компетенцию данного посольства. Если посмотреть с точки зрения привезённой информации, то записи этих путешественников до сих пор являются значительным вкладом в исследование Даурских земель со всеми богатствами их недр, флоры и фауны, а также необычным народонаселением. По возвращении из посольства в 1696 году Избранд Идес издал книгу о своём путешествии, которая в начале XVIII века переиздавалась на голландском (1704 г.), английском, немецком и французском языках (1727 г.) под заглавием «Путешествие из Москвы в Китай Эбергарда Избранда Идеса, посланника Московского государства». Правда на русский язык этот труд был переведён и издан лишь в 1789 году. Известно, что дневниками Избранда в своё время пользовался Д. Дефо при написании второй части Робинзона Крузо.

В России становилось всё более очевидным, что Нерчинский договор, заключённый Ф. В. Головиным в 1689 году, не мог считаться окончательным, так как не давал возможности произвести строгое разграничение земель между двумя великими державами – Россией и Срединной империей. Российское правительство решило не останавливаться на достигнутом. Для государства российского было важно не только детальное определение границы, но и порядок несения караульной службы, и определение мест пограничной охраны. Иными словами, России нужен был новый договор.

Заключение его было поручено российскому дипломату – графу Иллирийскому Савве Лукичу Владиславовичу-Рагузинскому (1669–1738). В 1725 году посольство С. Л. Рагузинского отправилось в Пекин, где с большими почестями было встречено китайским императором Юнгжэном. На первых порах переговоры продвигались туго, добиться взаимопонимания оказалось очень сложно, иногда даже из-за проблем с языком. Хотя на тот момент китайские дипломаты уже вполне сносно говорили и понимали по-русски, да и русское посольство имело своих переводчиков, прибывших из Москвы, а также при необходимости пользовалось услугами толмачей из числа местных русских казаков и крещёных инородцев. Китайские сановники пытались предъявлять различные претензии к России. А китайская сторона претендовала на всю южную часть

Восточной и Западной Сибири, стремилась установить границу по линии Красноярск – Аргунь [5].

Дипломаты ни той, ни другой стороны не хотели уступать ни пяди земли. В конце концов, С. Л. Владиславович-Рагузинский заявил, что ему как дипломату положено не распри разбирать, а прекратить их отныне и навечно. Он заявил: «Каждое государство владеет тем, что у него есть» [3]. Однако тогда в Пекине договориться окончательно всё же не удалось, эти договорённости были только предварительными. Лишь почти два года спустя, 20 (31) августа 1727 года, на приграничной реке Буре, притоке Аргуни, в 22 км от пограничной с Монголией русской торговой слободы Кяхта был, наконец, заключён «Буринский трактат об определении границ между Россией и Китаем». Договор был подписан на двух языках, также имелся список на латинском языке. Под этим договором поставили свои подписи от Российской империи – чрезвычайный посланник и полномочный министр, действительный статский советник граф Иллирийский Савва Владиславович (так в тексте договора), от Срединной империи – советник и генерал, государственный правитель, ханский зять Цыренван. На подлиннике договора написано следующее: «Сей договор от обеих сторон закреплён руками и разменялись при речке Буре, лета господня 1727-го, августа месяца, 20-го дня» [4].

Однако на этом дело не закончилось. После определения границы необходимо было определить хозяйственные взаимоотношения двух сторон по различным вопросам. Поэтому 21 октября того же 1727 года заключается ещё один очень важный для России договор. Это был «Кяхтинский трактат с условиями политических и экономических взаимоотношений между Россией и Китаем», состоящий из 7 статей. Оба договора были ратифицированы в 1728 году, Буринский вошёл составной частью в Кяхтинский, в виде одной статьи № 3, называемой территориальной. Кяхтинский договор с российской стороны был также подписан С. Л. Владиславовичем-Рагузинским, а с китайской стороны он был подписан уполномоченными правительства Цинской империи Чабиной, Тегутом и Тулишеном. После подписания представителями двух сторон договор был отправлен в Пекин для утверждения. Окончательный обмен текстами состоялся 14 июня 1728 года на реке Кяхта и оставался правовой основой взаимоотношений России и Империи Цин до середины XIX века.

Согласно договору, Россия могла вести торговлю в Пекине путём отправки раз в три года купеческого каравана численностью не более 200 чел. Русским купцам было разрешено построить в китайской столице торговые склады, дома для своего проживания и церковь. Были также учреждены два торговых пункта с российской стороны – Кяхта и Цурухайтуй. Кяхта строилась по рисунку С. Л. Владиславовича-Рагузинского в кратчайшие сроки и вскоре стала крупным центром, где велась беспошлинная («меновая») приграничная торговля между двумя странами, объём которой постоянно увеличивался. Цурухайтуй, однако, не сыграл большой роли в развитии российско-китайской торговли в силу своей отдалённости и труднодоступности. В соответствии с договором было юридически оформлено присутствие Русской духовной миссии в Пекине, первоначально состоящей из 10 чел., члены которой активно изучали китайский и маньчжурский языки. Она же выполняла функции неофициального дипломатического представительства России в Китае вплоть до установления прямых дипломатических миссий. Согласно договору, разрешение различных споров должны вестись с китайской стороны «китайским трибуналом», а с российской – сенатом. Договор определил порядок приёма и сопровождения посольств и юрисдикцию в отношении нарушителей границы – перебежчиков. Для переезда из одного государства в другое была введена система особых разрешений и паспортов.

И всё-таки исторически более значимым явился Буринский трактат. Именно этот договор разграничивал земли – и в этом его сущность: с северной стороны линии границы пролегали земли «Российской империи», с полуденной (южной стороны) – «Срединной империи». По линии границы были определены маяки, которые привязывались к наиболее характерным объектам (сопкам, хребтам, рекам), а степные просторы делились пополам.

Специальная комиссия, представленная комиссарами обеих сторон, контролировала проведение топографической съёмки местности вдоль пограничной линии, занималась размежеванием и маркировкой границы, а также устройством маяков и первых караулов и даже перемещением поселений и кочевий в соответствии с принятыми договорённостями. По окончании этих работ (1727–1728 гг.) и к моменту ратификации договора уже был составлен довольно обширный реестр: «Описание караулов и маяков на границе с китайскими владениями, утверждёнными Буринским трактатом», в кото-

ром подробно описывалось местоположение и первое обустройство охраны, с указанием, кому отданы под охрану те или иные местности [3]. Таким образом, была окончательно утверждена граница, существующая и по сей день, установлены пункты пограничной охраны, сформированы погранотряды и караулы.

До сих пор китайские учёные, изучая этот период своей истории, недоумевают по поводу именно такого разграничения земель, считая его неправильным, и открыто сетуют на свои упущенные исторические возможности и экономическую выгоду. Не сложно представить и то, как выглядела бы карта мира, если бы наши предки, участники перечисленных событий, не проявили столько настойчивости, мужества и дипломатии в стремлении приумножить территорию и защитить интересы государства российского.

Список литературы

1. Балабанов В. Ф. Исследователи Восточного Забайкалья: материалы к «Энциклопедии Забайкалья». – Чита: ЗабГПУ, 2000. – Вып. 5. – 210 с.
2. Балабанов В. Ф. История земли Даурской. – Чита: Изд-во газеты «Эффект», 2003. – 400 с.
3. Балабанов В. Ф. Строкой и памятью отмечено... – Чита: Экспресс-изд-во, 2007. – 316 с.
4. Русско-китайские договорные акты (1689–1916). – № 5. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/china.htm> (дата обращения: 12.08.2019). – Текст: электронный.
5. Энциклопедия Забайкалья / отв. редактор Н. Е. Дроботушенко. – Новосибирск: Наука, 2004. – Т. 2. – 419 с.

УДК 27 (510)
ББК Э372 (5 Кит)

*Е. А. Юйшина,
г. Чита, Россия
М. А. Юйшин,
г. Чита, Россия*

Православный Харбин

В статье рассказывается о строительстве Восточно-Китайской железной дороги и города Харбина на территории Северо-Восточной части Китая. Показано начало строительства храмов в Харбине: церковь Иверской Божией Матери, церковь Святой Софии, церковь Николая Чудотворца, Благовещенская церковь.

Ключевые слова: *Харбин, православие, храмы*

*Е. А. Yuyshina,
Chita, Russia
M. A. Yuyshin,
Chita, Russia*

Russian Orthodox Harbin

The article describes the construction of the East China railway and the city of Harbin in the North-Eastern part of China. It shows the beginning of the construction of churches in Harbin: the Church of our lady of Iver, the Church of St. Sophia, the Church of St. Nicholas, the Church of the Annunciation.

Keywords: *Harbin, Orthodox, churches*

Мне часто кажется, что это – сон,
Что я проснусь, и будет всё, как прежде –
Церквей харбинских перезвон,
Мой город в чистой снеговой одежде,
Нет, пусть не снег – пусть пыльная весна,
Черёмух цвет и ветер дни и ночи...
И жизнь полна, и цель её ясна
И зорек ум, и карандаш отточен.

...Всё дальше уходящие года...
Чужой закат над ними пламенеет.
Я видела красавцы-города,
Но ты, мой пыльный город, всех милее...

Е. Недельская

За период со дня основания города и до 1940-х годов в Харбине было построено множество православных церквей: Николаевская в Затоне, Иверская, Благовещенская, Свято-Николаевская тюремная, Ильинская, Петропавловская, Борисовская, Иоанно-Предтеченская, Алексеевская, Преображенская, старообрядческая Петропавловская, Дмитриевская, Иверская в Госпитальном городке, Николаевская в Старом Харбине, Иоанно-Богословская, Свято-Алексеевская в Модягоу, Свято-Николаевский собор, церковь Женского монастыря, Свято-Покровская, первая и вторая Софийские, Успенская – всего более 20. На сегодняшний день сохранилось лишь пять из них, в том числе и действующая [2].

Церковь Иверской Божией Матери была большой прямоугольной пятиглавой церковью с колокольной, построенной из красного кирпича. Располагалась на Офицерской улице района Пристань. Принадлежала Заамурскому округу Отдельного корпуса пограничной стражи. Создавалась по проекту архитектора К. Х. Денисова. Строительство Церкви было завершено 27 мая 1907 года, а освящена она была 3 числа следующего месяца.

Полуразрушенная Иверская церковь сохранилась до наших дней, однако по назначению она уже не используется. От росписей на стенах и сводах, выполненных под руководством художника-ополченца Михайлова, уже ничего не осталось, утрачены все пять куполов и некоторые элементы декора. Церковь известна тем, что у её стен был похоронен генерал Каппель, а также тем, что на мраморных досках, закреплённых на её стенах, были высечены имена всех Георгиевских кавалеров, воинов Заамурского округа, погибших на полях сражений в Русско-японскую, а позднее в Первую мировую и Гражданскую войны, поэтому в народе церковь часто называли Военной.

Примечательно, что в истории Харбина существовала ещё одна церковь с таким же названием, она была воздвигнута в Госпитальном городке в 1908 году.

Ильинская церковь возведена в 1922 году в период русской эмиграции в районе механических мастерских.

Петропавловская церковь была построена в 1924 году в Сунгарийском городке. По причине того, что она не была каменной, церковь быстро обветшала и перестраивалась в 1943 году по проекту архитектора М. М. Осколкова.

Алексеевская церковь создана в 1942 году в Новом городе на Кривой улице.

Преображенская церковь находилась в Корпусном городке.

Свято-Николаевский собор считается первой русской церковью в Харбине. Построен в русском стиле во имя святителя Николая Чудотворца на соборной площади по проекту, выполненному в Санкт-Петербурге И. В. Подлевским под руководством местного инженера Алексея Климентьевича Левтеева. Изначально собор задумывался как главная архитектурная достопримечательность Харбина и в течение последующих многих лет являлся своеобразным символом города. Роспись стен Свято-Николаевского собора выполнял приглашённый из России художник Д. И. Глущенко. Собор строили артели русских плотников, столяров и резчиков, однако им помогали и китайские мастера. Основное строительство было окончено в 1899 году, а освящён храм был 5 декабря 1900 года. Среди особых святынь храма можно отметить изображение Пресвятой Троицы в главном алтаре и Сошествия Святого духа над хорами, большой образ Святого Николая Чудотворца, икону Албазинской Божией Матери, а также образ Иверской Божией Матери. План собора был выполнен в форме равноконечного греческого креста и представлял собой восьмигранное ядро, обрамлённое галереями и выступами апсиды, звонницы с главным входом под ней и двух дополнительных крылец. На вершине восьмиугольной традиционной палаточной крыши располагался небольшой купол в форме луковиц, соединённый с крышей при помощи барабанной опоры. Важной отличительной чертой храма была пирамидальность его конструкции, подчёркнутая нарастанием форм отдельных его частей к центру и завершающаяся высоким стройным шатром, увенчанным главкой с крестом. Свято-Николаевский собор был снесён после 1966 года и восстановлен в наши дни в новой парковой зоне, расположенной в районе Ашихэ, что в 20 км от Харбина.

Церковь Святой Софии. Первая церковь с таким названием была построена в Харбине около 1905 года и являлась домовою цер-

ковью 4-й Восточно-Сибирской дивизии. Когда дивизия передислоцировалась в другое место, церковь тоже перенесли, при этом расширив её и превратив в приходской храм.

Решение о строительстве новой Софийской церкви было принято в связи с тем, что прежний храм уже не вмещал в себя всех прихожан, число которых значительно увеличилось после нового притока эмигрантов в Харбин. Закладка храма с традиционным освящением состоялась осенью 1923 года. Архитектором принято считать М. М. Осколкова. Примечательно, что прототипами для софийской церкви в Харбине послужили церковь Святой Троицы в Благовещенске и церковь Богоявления Господня (Гутуевская церковь) в Санкт-Петербурге. Все три церкви абсолютно идентичны друг другу в архитектурном плане – имеют одинаковый внешний вид и схожие элементы внутренней отделки. Церковь, вмещавшая в себя 2000 чел., имеет очень оригинальный план в виде латинского креста. Восьмигранное пространство церкви хорошо освещается 16 окнами, расчленяющими световой барабан, увенчанный луковичной формы куполом, диаметр которого составляет 10 метров. Общая высота Софийской церкви до верха купола имеет почти 49 метров, а вместе с крестом – немногим более 53 метров. В настоящее же время в ней устроен музей истории архитектуры Харбина, чьим главным и наиболее ценным экспонатом является сама Софийская церковь.

Успенская церковь на Новом кладбище. Каменная церковь, построена в русском стиле в 1908 году на Новом кладбище. Сохранилась до наших дней.

Церковь Николая Чудотворца построена в русском стиле в честь Святителя и Чудотворца Николая. Называлась также затонской церковью, так как располагалась в заречном районе, называемом Частным Затонем. Находилась на противоположном берегу р. Сунгари, напротив района Пристань. Приход Николаевской церкви был основан 28 января 1923 года, а само здание заложено в 1924 году. Для возведения храма неоднократно собирались пожертвования. Церковь была освящена епископом Мефодием 7 октября 1928 года.

20 икон для церкви были выполнены самым известным в Харбине иконописцем, художником Николаем Степановичем Задорожным, автором икон и росписей многих харбинских храмов, а также токийского собора и храмов в Шанхае. В большинстве хар-

бинских церквей иконы представляли собой копии с работ известных русских художников. Но Н. С. Задорожный создал для Свято-Николаевской церкви иконы собственной композиции, открыв тем самым новую страницу в этой области живописи в Харбинской епархии. Сам иконостас был выполнен И. Ф. Ардатовым. Над росписями стен храма трудились и другие художники, например, брат Н. С. Задорожного – Пётр Степанович Задорожный. Работа над иконостасом была завершена в феврале 1932 года.

По своим размерам храм был небольшим, одноглавым, с пристроенной с западной стороны двухъярусной шатровой колокольной. Верхний ярус колокольни, квадратный в плане, со всех сторон был прорезан двумя проёмами для звонов. Восьмигранный барабан над храмом, увенчанным слегка приплюснутой главкой, имел на всех гранях оконные проёмы. У основания шатра колокольни на каждой из граней яруса звонов сделаны кокошники килевидной формы. Такие же кокошники имеются и над средними окнами северного южного фасадов основного объёма храма.

К сожалению, размещение церкви в низинном месте оказалось ошибочным. Она ежегодно подвергалась затоплению. В настоящее время храма уже нет.

Свято-Покровская церковь. Церковь была возведена на территории Старого кладбища, на котором похоронены первостроители и защитники города. В настоящее время это центр Нового города, один из главных и центральных районов Харбина. Закладка храма состоялась 1 июня 1930 года. Председателем строительного комитета был протоирей Николай Труфанов. Проект церкви был составлен архитектором Ю. П. Ждановым. Храм возводился на средства украинского прихода, а также благодаря пожертвованиям верующих. Церковь была освящена 15 декабря 1930 года.

По своей стилистике церковь относится к типу византийских храмов. Она лаконична и проста как по композиции, так и по декоративному убранству.

В настоящее время является единственной православной церковью в Харбине. Открывается нерегулярно в связи с малым количеством прихожан.

Свято-Алексеевская церковь была создана архитектором Б. М. Тустановским в русском архитектурном стиле и располагалась в посёлке Модягоу. Третья по размерам церковь Харбина вмещала для тысячи прихожан.

Вначале Алексеевская церковь была деревянной и располагалась в Гунжулине. Разбиралась и перевозилась сначала в Корпусный городок, затем в посёлок Алексеевка. В 1912 году была перенесена в третий раз в посёлок Модягоу. Население посёлка пополнялось эмигрантами, и со временем церковь уже не могла обеспечивать потребностей всех верующих в отправлении культа. Поэтому было принято решение возвести новый каменный храм.

Закладка церкви состоялась в октябре 1930 года. Планировщиком храма был Ю. В. Смирнов (по другим сведениям, Е. А. Уласовец). Строительные работы начались в мае 1931 года. Храм возводился на пожертвования верующих. Освящён 6 октября 1935 года.

Основная планировочно-композиционная схема храма представляет собой нанизанные на продольную ось колокольню, трапезную, храмовый объём и аспиду. Над среднокрестием поставлен кубический объём второго света, со всех сторон прорезанный сгруппированными по три оконными проёмами. В подкарнизной части объёма по всему периметру выполнен ажурный аркатурный пояс. Высота главного объёма вместе с куполом составляет около 30 метров, а колокольни – около 34 метров. В церкви имелось три алтаря. Иконы в правом приделе писались знаменитым на Дальнем Востоке иконописцем диаконом Петром Задорожным. Резные работы иконостаса выполнял мастер Кашин.

Благовещенская церковь поражает по своей грандиозности. Находилась в районе Пристань. Строительство первой деревянной церкви было начато в 1903 году. Храм возводился группой русских плотников, приехавших на КВЖД в поисках работы. Церковь художественной ценности не представляла, а конструкция её стен не отвечала требованиям долговечности. Поэтому в 1907 году был заложен новый каменный храм. Ещё во время строительства он пострадал от пожара в 1918 году. В 1919 году церковь была освящена. В 1929 году на собрании прихода церкви было принято решение приступить к строительству нового, более обширного и прочного здания. Проект третьей по счёту Благовещенской церкви был выполнен инженерами Н. В. Никифоровым, П. Ф. Федоровским и Б. М. Тустановским. Закладка храма состоялась 14 сентября 1941 года.

Храм был построен в византийском стиле. Его облик отличался не только оригинальностью, но и новизной. Одной из главных осо-

бенностей конструкции церкви был огромный купол, диаметр которого составлял почти 10 метров. Крест церкви также отличался своими размерами, он был высотой около 4 метров и весил более 300 кг. Его изготовлением занимался И. Ф. Ардатов. Росписями стен и сводов занимался художник-иконописец Пётр Задорожный. Кроме него росписи выполняли и другие художники: П. В. Николин-Тепляков, Н. Я. Лотов, В. М. Лобачев, Е. В. Галченков и др. Иконостас был выполнен по проекту архитектора Е. А. Уласовца. При создании храма архитекторы особое внимание уделили его внутреннему пространству, сделав его просторным, наполненным светом, льющимся через 24 проёма в главном куполе. Подобного храма в Харбине ещё не было.

К сожалению, Благовещенская церковь не сохранилась. После закрытия храма в нём устроили цирк, а затем снесли, поставив на его месте обычный дом.

Список литературы

1. Крадин Н. Харбин – русская Атлантида. – Хабаровск: Хабаровская краевая типография: Тихоокеанский государственный университет, 2010. – 352 с.
2. Таскина Е. Неизвестный Харбин. – М.: Прометей, 1994. – 192 с.

УДК 94 (5) (315)
ББК ТЗ (5 кит)5

*М. А. Юйшин,
г. Чита, Россия*

Русско-китайский договор 1896 года и начало строительства КВЖД

Начало 90-х годов прошлого века было сложным, переломным периодом в истории русского Дальнего Востока и Маньчжурии. Именно в это время здесь происходили крупные военные и политические события, оказавшие огромное влияние на всю дальнейшую судьбу этого региона. Решался вопрос о строительстве Китайской Восточной железной дороги.

Ключевые слова: *КВЖД, Транссиб, Ли Хунчжан, С. Ю. Витте, Маньчжурия*

Russian-Chinese Treaty of 1896 and the Beginning of the Construction of the CER

The beginning of the 90 of the last century was a difficult, crucial period in the history of the Russian Far East and Manchuria. It was at this time there were major military and political events that had a huge impact on the future of the region. The decision on the construction of the Chinese Eastern railway.

Keywords: *Chinese Eastern railway, Transsib, Li Hongzhang, Witte, Manchuria*

Начало 90-х годов прошлого века было сложным, переломным периодом в истории русского Дальнего Востока и Маньчжурии. Именно в это время здесь происходили крупные военные и политические события, оказавшие огромное влияние на всю дальнейшую судьбу этого региона.

Решение вопроса было ускорено развернувшимися в это время военными событиями на Дальнем Востоке. В 1894–1895 годах вспыхнула Японо-китайская война, закончившаяся тяжёлым поражением цинского Китая и коренным образом изменившая всю политическую ситуацию на Дальнем Востоке. Агрессивные планы Японии в тот период угрожали, прежде всего, слабому Китаю. Военное усиление Японии на Дальнем Востоке происходило в условиях, когда дальневосточные области России оставались слабозаселёнными, их военная безопасность не была обеспечена, а Сибирская железная дорога находилась ещё в процессе строительства. События Японо-китайской войны показали чрезвычайную слабость России на Дальнем Востоке и оторванность Приамурья и Приморья от центральных районов страны. С Россией, своим соседом, Китай в течение двух с половиной веков сохранял дружественные и добрососедские отношения: поддерживалась возрастающая год от года выгодная для Китая торговля, в которой он (в отличие от своей торговли с другими иностранными державами) неизменно имел значительное активное сальдо. В 1894–1896 годах, например, превышение китайского экспорта над импортом было семи- и девятикратным. Россия выступила, как мы видели выше, и против тяжёлых для Китая условий Симоносекского мирного договора.

Китайское правительство обратилось за финансовой помощью к России и получило заём в 400 млн фр. золотом (100 млн зол. р.) из 4% годовых. Заём гарантировался правительством России. Это был новый дружественный акт русской стороны в адрес Китая. Вслед за этим в 1896 году группой французских банков и русским Международным коммерческим банком был учреждён Русско-Китайский банк (с 1910 г. реорганизован в Русско-Азиатский). Его главной задачей было содействие развитию экономических связей между Россией и Китаем. Особый вклад китайского правительства составлял 7,4 млн р.

Трудное дело постройки Сибирской железной дороги благодаря огромному труду русского народа быстро продвигалось вперёд. До 1894 года предполагалось, что соединительное звено пройдёт в пределах Амурской области – от Сретенска по берегу Шилки на станицу Покровскую и далее вдоль левого (северного) берега Амура до Хабаровска, где встретится с Уссурийской железной дорогой.

Произведённые в 1895 году в Маньчжурии предварительные изыскания определили, то при выборе маньчжурского направления длина главного пути составит 192 версты, т. е. Сибирская железная дорога как транзитная магистраль сократится на 514 вёрст, чем значительно ускорится и удешевится провоз по ней транзитных грузов. Кроме того, «маньчжурский вариант» предоставлял другие преимущества и позволял России добиваться решения военных, экономических и политических задач, стоявших перед ней в тот период [2].

Условия, на которых должна была сооружаться маньчжурская дорога, в договоре 1896 года не оговаривались. Они подлежали дальнейшему обсуждению. Императорский указ о согласованном с Ли Хунжаном контракте на строительство дороги был дан 16 августа 1896 года. Он был подписан Сюй Цзинчэном в Петербурге 27 августа/8сентября 1896 года. Обмен ратифицированными грамотами состоялся в Пекине 20 сентября.

Помимо основного экономического преимущества – спрямление и сокращение общей протяжённости линии, проведение дальневосточного участка Сибирского пути через Маньчжурию – соглашение предусматривало для России достижение следующих важных экономических целей:

– устранить сплошной рельсовый путь между Европейской частью России и Дальним Востоком. Связать их между собой, по-

лучив, таким образом, возможность осуществлять скорейшую перевозку отечественных товаров и продукции из Европейской части России на Дальний Восток и в обратном направлении; расширить рынок сбыта русских промышленных товаров;

- сократить расходы по постройке за счёт: а) сооружения более короткой дороги; б) большей дешевизны основных материалов в Маньчжурии; в) дешевизны рабочих рук;

- обеспечить скорейшую самоокупаемость дороги. КВЖД, проходившая через Маньчжурию, должна была сразу же получить местные грузы и пассажиров, на что никак не могла рассчитывать Амурская железная дорога;

- расширить торговый обмен с Китаем и увеличить вывоз в Китай русских товаров, что должно было способствовать улучшению хронического дефицитного торгового баланса России с этой страной, усилить влияние российского капитала на прилегающие к дороге провинции Северо-Восточного и Северного Китая;

- открыть дополнительные возможности для проникновения в Маньчжурию русского капитала;

- способствовать развитию переселенческого дела, фабрично-заводской промышленности и сельского хозяйства, прежде всего на русском Дальнем Востоке, а также в соседней Маньчжурии;

- не создавать конкуренции такому важному водному пути, как Амур, и перевозкам Амурского русского пароходства. По «маньчжурскому варианту», будущая железнодорожная магистраль проходила бы более чем в 600 км южнее Амура;

- значительно улучшить снабжение зернопродуктами русского Приамурского края и Приморья; прохождение дороги по Центральной Маньчжурии, производящей, как было хорошо известно, хлеб в избытке, что предоставляло хорошие возможности для экспорта этого продукта на Дальний Восток;

- обеспечить, таким образом, благодаря всем этим перечисленным факторам высокую прибыльность дороги, окупив в течение концессионного срока все расходы по её постройке, увеличить в связи с этим общую доходность Сибирской железной дороги;

- произвести сооружение Амурской железной дороги (эта дорога была построена в 1915 г.). Владивосток оказывается связанным с Европейской частью России двумя железнодорожными путями – КВЖД и Амурской железной дорогой – и одним прямым железно-

дорожным и железнодорожно-водным сообщением, что давало существенное преимущество.

С постройкой КВЖД было связано и стремление царского правительства найти для России на Дальнем Востоке выход к незамерзающему порту на китайской или корейской территории, укрепить свои позиции в отношениях с Китаем.

Такой важнейший для России транзитный железнодорожный путь должен был пройти по территории другого государства, т. е. был в значительной мере подвержен воздействию любого политического осложнения на Дальнем Востоке. Российские капиталы вкладывались, прежде всего, в развитие чужой территории, в то время как задача экономического и хозяйственного развития русского Дальнего Востока игнорировалась царским правительством или, во всяком случае, реализация этой задачи значительно замедлялась.

Освещение в китайской печати – прежде всего в официальной «Синьвэнь бао» – предложения России о проведении железной дороги через китайскую территорию было в целом вполне благоприятным. Так что секретом для китайской общественности намерение России строить железную дорогу через Маньчжурию никогда не было. Заинтересованность китайской стороны в этом проекте была чрезвычайно сильна. С ним цинское правительство напрямую связывало планы быстрее заселения и хозяйственного освоения Маньчжурии, всё явственнее становившейся объектом притязаний Японии, т. е., по существу, планы её защиты.

Царская Россия рассматривала Китай как слабого и к тому же непоследовательного союзника, однако сближение с ним могло способствовать решению, пожалуй, важнейшей из внешнеполитических задач России того периода – быстрее сомкнуть Великий Сибирский путь от Челябинска до Владивостока.

Договор о союзе и о постройке КВЖД был подписан и предусматривал немедленную взаимную поддержку и военное взаимодействие вооружённых сил обеих сторон при всяком военном нападении Японии как на русскую территорию в Восточной Азии, так и на территорию Китая или Кореи.

Союзный договор выполнил своё предназначение: он предохранил Китай от нападения Японии. Китайское правительство тоже до конца выполнило контракт на постройку дороги. Договор 1896 года о союзе двух стран не был неравноправным по своему характеру. Он не давал никаких особых привилегий царской России

и не наносил ущерба суверенным правам Китая. Однако с первых же дней Советской власти договор 1896 года был аннулирован Советским правительством в числе других секретных договоров и соглашений, заключённых царизмом с различными странами Востока, в том числе и с Китаем.

Список литературы

1. Мелихов Г. В. Маньчжурия далёкая и близкая. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 317 с.
2. Печерица В. Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 276 с.

Раздел 2. Актуальные проблемы китайской лингвистики и методики преподавания китайского языка

УДК 81
ББК 74

*Д. И. Бардакова,
г. Чита, Россия*

Особенности комикса как креолизованного текста и его роль в обучении китайскому языку

В статье рассматривается комикс как один из типов аутентичного креолизованного текста, представлены основные особенности таких текстов. Анализируется роль комикса при изучении иностранного языка, в частности, китайского.

Ключевые слова: *текст, креолизованный текст, комикс, вербальные и невербальные средства, иностранный язык, китайский язык*

*D. I. Bardakova,
Chita, Russia*

Features of the Comic Book as a Creolized Text and its Role in Teaching Chinese

The article considers the comic book as one of the types of authentic creolized text, presents the main features of such texts. The role of comics in the study of a foreign language, in particular, Chinese, is analyzed.

Keywords: *text, creolized text, comic, verbal and nonverbal means, foreign language, Chinese language*

Современная филология ориентирована на всестороннее исследование языка, его связей с другими семиотическими системами. Говоря о таком понятии лингвистики, как «текст», М. Б. Ворошилова отмечает: «Современный мир, ориентированный на многоканальный способ представления информации, требует новых методов и подходов к изучению одного из своих центральных феноменов –

текста» [3, с. 6]. Текст на сегодняшний день – один из важных компонентов обучения иностранным языкам.

В современной лингвистике существуют разные определения текста, В. П. Белянин считает, что текст – это «основная единица коммуникации, способ хранения и передачи информации, форма существования культуры, продукт определённой исторической эпохи, отражение психической жизни индивида» [1, с. 6].

В качестве одного из видов креолизованного текста, имеющего важное значение при обучении иностранному языку, выступает комикс.

Отмечается, что коммуникативная функция текста реализуется в полной мере при взаимодействии вербальных и невербальных языковых средств. Креолизованный текст в данном случае и является текстом, сочетающим в себе вербальные и иконические знаки. «Креолизованные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [6, с. 180]. В роли креолизованных текстов выступают, к примеру, реклама, афиши, листовки, плакаты, художественные тексты с иллюстрациями, некоторые научно-технические, газетно-публицистические, инструктирующие тексты и др. Для данной статьи наибольший интерес представляют аутентичные комиксы на китайском языке.

Особенностью комикса является то, что он относится к типу текстов с полной креолизацией, то есть к таким текстам, в которых наличие изображения играет важную роль, наблюдается прочная взаимосвязь между вербальной и невербальной частями. Изобразительная часть влияет на понимание комикса и является обязательным компонентом, в отличие, например, от текстов с частичной креолизацией, в которых изображение не влияет на понимание текста.

Комиксы обладают так называемой «графической нормой», поскольку в них присутствуют различные паралингвистические средства. Графическая норма – это «пример исторически сложившейся практики зрительного воплощения того или иного типа текста» [4, с. 18]. Графическая норма отвечает за объединение вербальных и невербальных элементов комикса, которые, в свою очередь, влияют на коммуникативную и прагматическую норму комикса. К правилам графической нормы можно отнести использование

изображений, фотографий, рисунков, надписей, использование определённого порядка расположения иконических средств, а также использование других паралингвистических средств, например, шрифта. Неязыковые средства в комиксе являются важной его частью и влияют на понимание текста, выполняют когнитивную и семантическую функции, несут в себе экспрессивную информацию, привлекая внимание адресата. Таким образом, комикс – это паралингвистически активный текст, в котором полное понимание информации зависит от вербальной части.

Особенностью комикса как креолизованного текста является то, что в комиксе присутствует жизненно-мировоззренческий конфликт, который отражает какую-либо модель поведения, причём эта модель не всегда чётко выражена с помощью языковых средств, но она прослеживается с помощью невербальных знаков.

Комикс – это динамичное произведение, что обусловлено его типологией. Комиксы для взрослых динамичны по причине того, что они предназначены для отдыха и расслабления, то есть для не слишком сонного, но и не слишком напряжённого времяпровождения.

Изображения в комиксе в совокупности представляют целостную конструкцию, образуя контекст произведения, несмотря на то, что каждое отдельное изображение – это самодостаточный компонент с информационной и эстетической точки зрения, смысл произведения определяется лишь общим контекстом.

Лаконичность и яркость комикса отвечают за привлечение внимания читателя. Это может достигаться с помощью использования нескольких ярких цветов, кадров или привлекающего внимания текста.

Экспрессивность – ещё одна особенность комикса, она связана с яркостью и лаконичностью. «Экспрессивность персонажей вытекает из практической невозможности рисунком отобразить какую-либо человеческую эмоцию так, чтобы эта эмоция была наглядна/понятна» [5, с. 7].

К особенностям комикса относится также его раскадрованность, она даёт возможность читателю увидеть полное описание героев одним кадром.

Одна из основных когнитивных особенностей комикса как креолизованного текста заключается в том, что посредством вербальных компонентов, представленных в большем объёме, в сочетании с репликами героев происходит более глубокое восприятие

действительности. «Комикс – это структура, в основе своей глубоко мифологическая. Он имеет внешнюю сторону – первичное значение, и внутреннюю (глубокую) сторону – вторичное (глубокое) значение с точки зрения смысла» [5, с. 8]. Учитывая вышеперечисленные особенности комикса, можно говорить о его пользе в изучении иностранного языка, в частности, китайского.

Комикс обладает большой воздействующей силой на адресата и выступает в качестве посредника интеркультурной коммуникации. Поскольку комикс – это яркое и лаконичное произведение, обладающие чёткой направленностью на адресата, экспрессивностью, то он помогает погрузиться в эмоциональный контекст и создаёт оптимальные условия для понимания текста.

Взаимодействие вербальных и невербальных средств в комиксе увеличивает смысловую нагрузку текста, облегчает восприятие и оценку информации, воздействует на эстетическую и эмоциональную сферу адресата. Это способствует пониманию, запоминанию и воспроизведению текста и, следовательно, изучению языка.

По мнению А. А. Бернацкой, «проблема креолизации представляется многоликой, многоаспектной, пересекается со многими другими проблемами современного теоретического языкознания, имеет выход в практику обучения родному и иностранному языку...» [2, с. 109].

Информация, представленная в комиксе, заставляет читающего просматривать вербальную часть, выявлять мелкие детали для того, чтобы сравнивать, сопоставлять и самостоятельно раскрывать информацию. Таким образом, комикс побуждает к размышлению, повышает мотивацию к изучению языка и ставит учащегося в деятельностную позицию, то есть выступает как средство управления учебно-познавательной деятельностью.

Одно из основных достоинств использования комикса для изучения китайского языка заключается в том, что он представляет собой очень сжатую, но при этом эмоционально насыщенную информацию. Такая информация лучше воспринимается и понимается, поскольку затрагивает чувства читающего.

Являясь аутентичным текстом, комикс содержит огромное количество лексики, культурных реалий, языковых особенностей китайского языка, различных обращений, восклицаний, клише, особенно ярко представлена разговорная речь. Комиксы помогают исследовать культуру изучаемого языка, являются ценным матери-

алом с точки зрения коммуникативно-познавательной и социокультурной ценности.

Проанализировав особенности комиксов как креолизованных текстов и рассмотрев их роль в обучении языку, можно отметить, что комикс располагает большим потенциалом, в том числе и дидактическим, для изучения иностранного языка. Комикс способствует развитию коммуникативной и социокультурной компетенции, превращает изучение языка в увлекательный и интересный процесс.

Список литературы

1. Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 120 с.
2. Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: специализированный вестник. – 2000. – Вып. 3. – С. 104–106.
3. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. – Екатеринбург, 2013. – 193 с.
4. Клюканов И. Э. Структура и функции параграфемных элементов текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Калинин, 1983. – 150 с.
5. Нефедова Л. А. Когнитивные особенности комикса как креолизованного текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2010. – № 1. – С. 4–9.
6. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия / Н. А. Бизменова и [др.]. – М.: Наука, 1990. – 240 с.

УДК 94 (517)

ББК 74.409

***И. Ю. Ванина,**
г. Иркутск, Россия
Ю. В. Кузьмин,
г. Иркутск, Россия*

Традиции изучения китайского и маньчжурского языков в Иркутске

В статье представлены материалы об изучении китайского и маньчжурского языков в Иркутске в 30–60-х годах XIX века. Основное внимание уделено научному вкладу в изучении Китая и китайского и маньчжурского языков переводчиков Е. И. Сычевского,

Я. П. Шишмарева, Д. С. Честного. Даны краткие биографические данные переводчиков и их вклад в развитие российско-китайских отношений.

Ключевые слова: *иркутское китаеведение, Е. И. Сычевский, Я. П. Шишмарев, Д. С. Честной, китайский и маньчжурский языки, переводчики, Н. Н. Муравьев-Амурский, дипломатическая канцелярия, Иркутск*

*Y. Vanina,
Irkutsk, Russia
Y. V. Kuzmin,
Irkutsk, Russia*

Traditions of Studying Chinese and Manchurian languages in Irkutsk

The article presents materials on the study of Chinese and Manchurian languages in Irkutsk in 30–60 years of the XIX century. The main attention is paid to the scientific contribution to the study of China and Chinese and Manchurian languages translators E. I. Sychevsky, Y. P. Shishmareva, D. S. Honest. Brief biographical data of translators and their contribution to the development of Russian-Chinese relations are given.

Keywords: *Irkutsk Sinology, E. I. Sychevskay, J. P. Shishmarev, D. S. Fair, the Chinese and Manchurian languages, translators, N. N. Muravyov-Amursky, diplomatic office, Irkutsk*

Иркутск имеет глубокие традиции изучения восточных языков в Восточной Сибири и России. Город является крупным экономическим, научным и культурным центром Сибири. Благоприятное расположение Иркутска на перекрёстке торговых и транспортных путей способствовало превращению его в связующее звено с восточными странами: Китаем, Монголией, Японией, Кореей. В своё время здесь находился административный центр Восточной Сибири и Дальнего Востока, дипломатическая канцелярия иркутского генерал-губернатора, штаб военного округа, крупные музеи и библиотеки страны, школы восточных языков [9; 12].

Иркутск находился у истоков изучения в России монгольского, маньчжурского и китайского языков [1; 3; 12; 13]. В городе сложилась своя школа изучения монгольского языка, начало которой ис-

ходит к русско-мунгальской (русско-монгольской) школе 1725 года. Ученик этой школы И. К. Рассохин стал первым преподавателем китайского и маньчжурского языка в России, составителем первых учебников и научных трактатов по истории и географии Цинской империи [13].

Илларион Калинович Рассохин (Рассохин) (1707–1761) – первый русский китаевед, стоял у истоков изучения в России Китая, китайского и маньчжурского языков, выпускник Русско-монгольской школы в Иркутске. Родился и детские годы провёл в Забайкалье, в с. Хилок, Селенгинского уезда. В 1725 году в числе первых учеников был принят в Русско-монгольскую школу при Вознесенском монастыре. В 1728 году настоятель монастыря, архимандрит А. Платковский, был назначен главой Второй Духовной миссии в Китай, который взял с собой наиболее способных учеников школы, среди них был и И. Рассохин. С 1729 по 1741 год он находился в Пекине, где глубоко изучил китайский и маньчжурский языки, окончил китайское училище. В 1735 году по просьбе китайских властей был зачислен в Лифаньюань, в его монгольский приказ. Одновременно впервые организовал и преподавал русский язык при Дворцовой канцелярии. Перевёл ряд крупных китайских трактатов и хроник на русский язык, в том числе «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска». В 1741 году вернулся в Россию и был направлен в Академию наук «для переводов и для обучения китайскому и маньчжурскому языкам». Составил ряд учебников и грамматик, которые остались в рукописях. Школа Рассохина просуществовала 10 лет, её ученики включались в состав духовных миссий в Пекин. Последние годы испытывал тяжёлые материальные трудности, был вынужден продавать китайские книги. Некоторые работы изданы после его смерти, большинство рукописей не изданы до сих пор [1; 3; 13].

В XIX веке изучением монгольского языка в Иркутске успешно занимались А. В. Игумнов, А. И. Бобровников, архиепископ Нил (Н. Ф. Исакович), А. М. Орлов, Я. П. Родионов, И. А. Подгорбунский и др. Некоторые из них, наряду с монгольским языком, владели и маньчжурским. Например, протоиерей А. М. Орлов является создателем одной из ранних грамматик – «Грамматики маньчжурского языка», которая была издана в 1873 году в Петербурге [9, с. 38]. А. М. Орлов – преподаватель монгольского языка в Иркутской духовной семинарии, а затем в Иркутском уездном училище с 1839

по 1880-е годы. Это был широко образованный человек, он знал греческий, латинский, еврейский, немецкий, монгольский языки. А. М. Орлов составил и «Граматику разговорного бурят-монгольского языка», перевёл на монгольский язык некоторые священные христианские сочинения. В «Грамматике маньчжурского языка» автор пытался истолковать грамматические правила маньчжурского языка с точки зрения монгольской грамматики, что привело к некоторым ошибочным аналогиям. По оценке современных востоковедов, «автор, не зная достаточно хорошо маньчжурский язык, при написании своей работы использовал маньчжурские книги с монгольским подстрочником. Справедливо считая монгольский язык довольно близким к монгольскому, он пытался истолковать грамматические явления маньчжурского языка, с точки зрения известной ему монгольской грамматики» [6, с. 329]. Однако, при оценке подобных трудов, по нашему мнению, основное внимание нужно обращать на оригинальность вклада исследователей провинциальной России, которые первыми в стране создавали грамматики и словари, исходя из практических нужд миссионерской деятельности Русской православной церкви и потребностей практического перевода дипломатических структур Российской империи, а также подготовки новых специалистов-переводчиков и учителей – преподавателей монгольского и маньчжурского языков, востребованных в пограничных организациях Кяхты, Нерчинска, Иркутска. Поэтому позитивная роль учебников, словарей монгольского и маньчжурского языков несомненна, а также они использовались и в Петербурге и Москве как дополнительные учебные пособия.

В 20–30-е годы Иркутск являлся признанным в России центром по изучению монгольского языка. А. В. Игумнов, А. И. Бобровников, А. М. Орлов имели рукописные или опубликованные русско-монгольские словари и учебные словари, многолетний опыт преподавания языка и практических переводов. Именно в Иркутск в 1829–1830 годах были направлены из Казанского университета студенты О. М. Ковалевский и А. В. Попов к А. В. Игумнову, который занимался с ними монгольским языком. Они получили доступ к рукописному 4-томному монголо-русскому словарю А. В. Игумнова, что в дальнейшем позволило профессору О. М. Ковалевскому (1801–1878) составить знаменитый русско-монголо-французский словарь. Школа монгольская языка в Иркутске имела глубокие традиции и российское признание [9, с. 27–30]. Длительное

время О. М. Ковалевский и А. В. Попов изучали монгольский язык в Забайкалье, Ковалевский дважды выезжал в Монголию и в 1830 году съездил вместе с Духовной миссией в Пекин [14, с. 4]. В составе миссии были будущие известные знатоки китайского языка: Е. И. Сычевский, Аввакум (Честной), с которыми в дальнейшем О. М. Ковалевский сохранил прочные научные связи и переписку. Взаимное общение будущих монголоведов и китаистов имело позитивное значение для обеих сторон.

Большое влияние на формирование иркутской школы монголоведения и китаеведения оказали известные российские учёные, которые длительное время жили в Восточной Сибири и в Иркутске: основатель научного монголоведения, профессор О. М. Ковалевский, который учился монгольскому языку у А. В. Игумнова и бурятских лам, а также английских миссионеров; Н. Я. Бичурин (о. Иакинф) – один из основателей научного китаеведения, который работал в Иркутске (Вознесенский монастырь) и Забайкалье (Кяхте); первый бурятский учёный-энциклопедист Доржи Банзаров, который владел не только монгольским, но и маньчжурским языком, а также основными европейскими языками. В 1830 году училище китайского языка в Кяхте – единственного учебного заведения подобного рода в России – возглавил К. Г. Крымский, вернувшийся из Пекина студент Духовной миссии. По данным профессора В. Г. Дацышена, использовался интеллектуальный потенциал первого профессора китайского языка в России, заведующего кафедрой китайского языка Казанского университета (1837–1844) архимандрита Даниила (Дмитрий Петрович Сивиллов) (1798–1871), который служил в Восточной Сибири около 15 лет, с 1844 года был настоятелем Посольского Спасо-Преображенского монастыря, с 1850 по 1859 год – настоятелем Троицкого Селенгинского монастыря [1–3]. Архимандрит Даниил в 1855 году передал свою библиотеку китайских, маньчжурских и монгольских книг и рукописей Кяхтинскому училищу китайского языка [2, с. 289]. Даниил составил несколько словарей китайского языка, «Китайскую хрестоматию», «Конспект для преподавания китайского языка» [1, с. 37]. В Сибири продолжал свою миссионерскую деятельность среди местных бурят, занимался переводами текстов древнекитайской философии. Его всегда интересовало конфуцианство, даосизм, китайский буддизм. По сведениям московского китаеведа А. Н. Хохлова, Даниил перевёл на русский язык трактат «Дао-дэ-цзин», рукопись

которого хранится в библиотеке Азиатского департамента Архива внешней политики Российской империи. Его приезд в Восточную Сибирь и служение в местных монастырях объясняется общей усталостью и нездоровьем, которое хотел поправить на берегах Байкала. Общение с местными востоковедами, переводчиками китайского языка продолжалось и имело позитивное влияние на иркутскую и сибирскую школу перевода и изучения китайской цивилизации.

Китаист К. С. Яхонтов называет целый ряд иркутских переводчиков китайского, маньчжурского и монгольского языков, среди них: А. С. Агафонов, Ф. И. Бакшеев, А. И. Парышев, А. В. Новоселов, А. П. Фролов, Я. П. Шишмарев и др. [15, с. 3]. По данным исследователя, в Иркутске в библиотеках и музеях накоплено значительное число книг и рукописей на китайском, маньчжурском и монгольском языках. К. С. Яхонтов выявил и составил достаточно полный каталог книг и рукописей на этих восточных языках и издал в Петербурге книгу «Китайские и маньчжурские книги в Иркутске» (1994 г.) [15]. Научное изучение данной литературы заслуживает специального источниковедческого и историографического анализа и выявления оригинальных трудов.

После Революции 1917 года часть библиотек некоторых организаций и училищ, частных лиц: местных предпринимателей, купеческих домов, религиозных училищ были национализированы и переданы в Научную библиотеку Иркутского государственного университета, созданного в 1918 году, или Публичную библиотеку города Иркутска. Переводчиков с китайского языка в современном Иркутске достаточное количество, но очень немногие интересуются старой литературой на китайском языке.

В середине XIX века начинается активная внешнеполитическая деятельность губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского по решению «амурского вопроса». Военно-дипломатические экспедиции, амурские сплавы потребовали знатоков китайского, маньчжурского и монгольского языков. К участию в дипломатических переговорах с китайскими властями Н. Н. Муравьев привлекал переводчиков Я. П. Шишмарева, Е. И. Сычевского, Д. С. Честного (архимандрит Аввакум). Переводчик К. Г. Крымский в 1854 году был привлечён переводчиком Азиатского департамента МИД Российской империи [2, с. 288].

Дипломатическая и научно-исследовательская деятельность Я. П. Шишмарева (1833–1915) достаточно хорошо изу-

чена в современной российской историческое литературе [5; 8; 9; 11]. Исследованиями Е. М. Даревской, Н. Е. Единарховой, А. И. Андреева, Ю. В. Кузьмина, А. В. Старцева, А. А. Сизовой подробно изучен творческий путь генерального консула России в Монголии Я. П. Шишмарева (1861–1911), его вклад в развитие российско-монгольских отношений и изучение Монголии, монгольского общества: истории, экономики, торговых отношений и культуры. К сожалению, менее известна его роль как участника амурских сплавов, переводчика и участника российско-китайских переговоров, под руководством генерал-губернатора Н. Н. Муравьёва. Архивные документы подтверждают активное участие переводчика маньчжурского языка Я. П. Шишмарева в русско-китайских переговорах и заключении Айгуньского договора по пограничному разграничению по реке Амур. Бесценный опыт сложных дипломатических переговоров, полученный Я. П. Шишмаревым, несомненно, помог в его дальнейшей самостоятельной службе в Монголии. Как известно, Я. П. Шишмарев происходил из семьи забайкальских казаков и служилых людей, нёсших государеву службу переводчиков (толмачей) и дипкурьеров, начиная с XVII века, подписания Кяхтинского договора и деятельности разграничительной комиссии С. А. Колычева («селенгинский толмач Григорий Шишмарев») [4, с. 72–73].

Я. П. Шишмарев родился в Троицкосавске, в пограничном городе с Монголией. С детства изучал разговорный бурятский и монгольский языки. В 1849 году окончил Троицкосавскую войсковую русско-монгольскую школу, три года обучался в училище китайского языка, изучая маньчжурский и китайский языки. В 1855 г. поступил на службу в канцелярию кяхтинского градоначальника, продолжая обучение в училище. С 1855 года служил переводчиком по дипломатической части у губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва, принимал участие в Амурских экспедициях, в переговорах при заключении Айгуньского договора 1858 года, награждён орденом Св. Анны 3-й степени. В 1859–1860 годах по поручению губернатора приезжал в Пекин к графу Н. П. Игнатьеву, участвовал в подготовке Пекинского договора 1860 года. За успешное решение «амурского вопроса» награждён орденом Св. Владимира 4-й степени, пожизненной пенсией в 500 р. в год.

В 1861 году он участвует в открытии Генерального консульства России в Монголии. Сначала как секретарь и переводчик кон-

сула К. Н. Боборыкина, затем управляющий консульством, и. о. консула, консул, генеральный консул. В общей сложности прослужил в Монголии в качестве генерального консула 50 лет, что является редким случаем в российской дипломатии. За время службы проявил себя как профессиональный дипломат, пользовался высоким авторитетом в русской диаспоре Монголии, у монгольских и маньчжурских властей. Занимался вопросами развития русско-монгольской торговли и защиты интересов российских купцов и граждан. В 1864 году создал при консульстве школу переводчиков, которая готовила кадры со знанием монгольского, маньчжурского и китайского языков. Проявлял серьёзный интерес к изучению истории, экономики, культуры Монголии, был блестящим знатоком страны, осуществил несколько экспедиций по Монголии, содействовал российским экспедициям в Центральную Азию, опубликовал несколько статей в российских журналах, которые не утратили своего научного значения. Решал сложные практические вопросы: строительство консульства, православной церкви, отвод земель под строительство домов русских купцов и жителей, решение спорных вопросов торговли, судебные тяжбы. В начале XX века несколько раз пытался выйти в отставку, в связи с обучением своих детей в Петербурге, но прослужил в Урге до 1911 года. С 1911 по 1915 год консультировал МИД России по сложным проблемам русско-монгольских отношений, активно участвовал в русско-монгольских переговорах 1912, 1913–1915 годов [12, с. 230].

Исследователь биографии и научной деятельности Е. И. Сычевского (1810–1859?) Н. В. Ким считает, что он внёс существенный вклад в успех деятельности XI Духовной миссии в Пекине и развитие российско-китайских отношений [7]. По данным учёного из Бурятии, Епифан Иванович Сычевский бурятского происхождения, прекрасно владел монгольским, китайским и маньчжурским языками, с 1830 по 1840 год находился в Китае в составе Пекинской Духовной миссии, затем работал чиновником в Восточной Сибири: Троицкосавске и Иркутске. Епифан Сычевский родился в семье бурята-казака, обучался в Иркутской губернской гимназии, но, не завершив обучения, поступил на службу в Троицкосавское пограничное правление, через два года был прикомандирован в Иркутское губернское правление для ведения переписки с иностранными представителями, в 1828 году произведён в чин канцеляриста.

Десять лет находился в Китае, что позволило Е. Сычевскому успешно овладеть китайским и маньчжурским языками, изучить историю, географию, политическую систему и законы Китая. Участники миссии отмечали усердие, скромность, настойчивость Е. Сычевского, он успешно перевёл с китайского языка на русский свод китайских законов. По оценке историков, отношения среди членов миссии не заладились, особенно с руководителем миссии, но отмечались «благомыслие и терпеливость» Е. Сычевского, студента 14-го класса [2], что также способствовало успеху Духовной миссии. За успешную работу в Пекине Е. Сычевский был награждён Орденом Станислава 3-й степени и пенсией 500 р. В 1839 году он получил чин титулярного советника, служил советником в Троицкосавском пограничном правлении, где написал «Историческую записку о китайской границе», опубликованную уже после его смерти. В начале 1850-х годов Е. И. Сычевский вернулся в Иркутск на должность переводчика и участвовал в амурских сплавах и русско-китайских переговорах.

Е. И. Сычевский был членом Восточно-Сибирского отделения Русского императорского географического общества. Одновременно в Иркутске жили и работали первый бурятский учёный Доржи Банзаров, переводчик Я. П. Шишмарев. Он был знаком и общался со знаменитым китаеведом Н. Я. Бичуриным, профессором О. М. Ковалевским, с которым вместе ехали в Пекин, а затем состояли в переписке. Историк русского китаеведения П. Е. Скачков писал, что сохранились рукописи Е. И. Сычевского, которые были подготовлены ещё в Китае: «Выписки и переводы из достопримечательных указов хуанди. Журнальная записка студента Е. И. Сычевского с 1834 по 5 июня 1841 г.», «Уложение китайской Палаты внешних сношений относительно городов Малой Бухарии. Перевод с маньчжурского» (1839, в трёх частях), «Конспект, или Обзорение постановлений китайской Палаты государственных чинов. Перевод с маньчжурского» (1839), «Краткая географическая выписка о Китае» (1840).

В составе этой же Духовной миссии участвовал иеромонах Аввакум (Д. С. Честной), который позднее, по сведениям В. Г. Дацишена, работал переводчиком при Муравьёве-Амурском в 1855–1857 годах и считался «лучшим переводчиком китайского и маньчжурского языков» [2, с. 289].

Дмитрий Семёнович Честной (1804–1866) – известный русский миссионер, востоковед, дипломат. Он окончил Тверскую духовную семинарию, Санкт-Петербургскую духовную академию и получил блестящее образование, овладел европейскими языками. Принял постриг и был направлен в Китай в составе Духовной миссии, которую в середине срока и возглавил (1835). Накануне отъезда в Китай изучал китайский язык у известного китаевода отца Иакинфа (Н. Я. Бичурин), который выделял иеромонаха Аввакума среди других его учеников сообразительностью и качеством запоминания, что важно для изучения китайского языка.

За десять лет пребывания в Китае, Аввакум изучил китайский, монгольский, маньчжурский и тибетский языки (последний при помощи тибетского ламы). Обладая талантом в изучении иностранных языков, с 1836 года стал вести богослужение на китайском языке, перевёл ряд христианских текстов на местный язык, что укрепило позиции русского священника среди потомков «албазинцев», которые утратили знание русского языка. Он активно изучал духовную культуру, историю, географию Китая, особенно много изучал конфуцианство и буддизм. Впоследствии в Петербурге он занимался научными исследованиями и подготовил две рукописи: «Любомудрие китайцев», «Нравственную философию китайцев», которые оказались утраченными. Ему также удалось расшифровать некоторые уникальные тексты на монгольском языке, чего не удавалось ранее. По возвращении из Китая архимандрит Аввакум составил каталог восточных книг в библиотеке МИД России, который был опубликован без указания авторства. Он также являлся переводчиком Азиатского департамента МИД. В 1855–1857 годах был направлен в Иркутск как переводчик восточных языков к генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьёву-Амурскому, принимал участие в экспедициях по Амуру и в русско-китайских переговорах по пограничному вопросу. Позднее был направлен переводчиком в миссию адмирала Путятина и участвовал в русско-китайских переговорах и подписании Тяньцзиньского договора. В 1859 году сопровождал Муравьёва-Амурского в поездке в Японию. Последние годы провёл в Петербурге, занимаясь научными исследованиями в области китаеведения. Таким образом, Аввакум (Д. С. Честной) проявил себя как успешный миссионер, талантливый переводчик и востоковед. Современники отмечали его скромность, отсутствие амби-

ций в научной сфере, поэтому опубликованных работ небольшое число, в основном в изданиях Сибирского отдела РГО.

Таким образом, в середине XIX века в Восточной Сибири и Иркутске жили и успешно трудились на ниве российского китаеведения и монголоведения известные российские знатоки китайского, маньчжурского и монгольского языков. Это были самые опытные и известные переводчики восточных языков в России. С одной стороны, это было связано с глубокими традициями изучения восточных языков в Иркутске, с другой – активной деятельностью губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва-Амурского по освоению реки Амур, решению «амурского вопроса», ведению сложных дипломатических переговоров с цинскими властями. Ему потребовались лучшие в Российской империи знатоки китайского и маньчжурского языков. Значительное число лучших специалистов китайского языка, истории Китая и современного положения в стране готовила Русская духовная миссия в Пекине. Е. И. Сычевский, Д. С. Честной, Д. П. Сивиллов получили блестящую языковую и страноведческую подготовку в Пекине, не только создали китайско-русские словари и учебные пособия по китайскому языку, перевели значительное число научных трудов, но и активно участвовали в развитии русско-китайских отношений как переводчики и советники на переговорах, а также при подготовке к сложным переговорам с китайской стороной. Вклад этих переводчиков и знатоков китайского и маньчжурского языков заслуживает дальнейшего специального изучения и введения в широкий научный оборот неопубликованных рукописей данных авторов-знатоков Китая и китайского языка, многие из которых имеют не только историографический характер. Это позволит расширить наши представления о становлении и развитии российско-китайских дипломатических, научных и образовательных отношениях России и Цинской империи первой половины XIX века и русско-китайских переговоров.

Список литературы

1. Дацышен В. Г. История изучения китайского языка в Российской империи. – Красноярск: Изд. центр Красноярского гос. ун-та, 2000. – 110 с.
2. Дацышен В. Г. Н. Н. Муравьев-Амурский и китаеведческий потенциал Восточной Сибири // Россия азиатская: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. – Иркутск, 2010. – С. 287–291.
3. Дацышен В. Г. Изучение истории Китая в Российской империи. – М.: Проспект, 2016. – 192 с.
4. Демин Э. В. Селенгинские казаки – толмачи и дипломаты (вторая половина XVII – первые десятилетия XVIII вв.). – Улан-Удэ: Полигран, 2013. – 101 с.
5. Единархова Н. Е. Русское консульство в Урге и Я. П. Шишмарев. – Иркутск: Репроцентр, 2008. – 136 с.
6. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М.: Восточная литература, 1997. – 536 с.
7. Ким Н. В. Епифан Сычевский // Выдающиеся бурятские деятели. – Изд. 2-е. – Улан-Удэ, 2009. Т. 1, вып. 1–4. – С. 42–44.
8. Кузьмин Ю. В. Я. П. Шишмарёв – генеральный консул России в Монголии: 1861–1911 гг. // Billetin International Association for Mongol Studies. – Ulaanbaataar, 1997. – No. 2; 1998. – No. 2. – Pp. 78–86.
9. Кузьмин Ю. В., Свинин В. В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.) / под науч. ред. А. П. Суходолова. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. – 438 с.
10. Очерки истории востоковедения в Иркутском государственном университете: учеб. пособие / под ред. В. П. Олтаржевского. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 133 с.
11. Сизова А. А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917). – М.: Наука: Вост. лит.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2015. – 295 с.
12. Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В. История Монголии и её международных отношений в XX веке в работах монгольских и российских исследователей. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2018. – 232 с.
13. Суходолов А. П., Василенко В. А., Кузьмин Ю. В. И. К. Россохин: иркутское начало российского китаеведения и маньчжроведения // Российско-китайские исследования. – 2019. – № 2. – С. 7–16.
14. Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского (1828–1833) / подготовка к изданию, предисл., коммент. и указатели О. Н. Полянской. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008. – 228 с.
15. Яхонтов К. С. Китайские и маньчжурские книги в Иркутск. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1994. – 144 с.

*М. И. Варакина,
г. Самара, Россия
Я. А. Левченко,
г. Самара, Россия*

**Анализ перевода топонимов, антропонимов
и реалий с русского на китайский язык
(на материале исторических текстов)**

Статья посвящена исследованию перевода русских антропонимов, реалий и топонимов на китайский язык. На основе китайской исторической литературы проведён анализ особенностей перевода отобранных антропонимов, топонимов и реалий.

Ключевые слова: *русский язык, китайский язык, перевод, топонимы, антропонимы, реалии, история России*

*М. I. Varakina,
Samara, Russia
Y. A. Levchenko,
Samara, Russia*

**Anthroponyms, Realia and Toponyms Russian-Chinese
Translation Analysis (Based on Historical Texts)**

The article is devoted to the study of anthroponyms, realia and toponyms translation in Chinese language in the area of Russian history as an important element in its national culture. On the basis of Chinese authors literature an analysis of selected anthroponyms, realia and toponyms translation was made.

Keywords: *Russian language, Chinese language, translation, toponym, anthroponym, realia, History of Russia*

В современном мире в связи с глобализацией и развитием российско-китайских отношений всё большее значение приобретает локализация и доступность истории Российского государства для китайской аудитории [1]. Это влечёт за собой необходимость правильной передачи русской лексики, которая очень часто является безэквивалентной при переводе на китайский язык. Особую

сложность представляет собой перевод таких лексических единиц, как топонимов (наименование географического объекта), антропонимов (имя собственное или совокупность имён собственных, идентифицирующих человека) и реалий (предмет, вещь, материально существующая или существовавшая, имеющие связь с отдельно взятой страной, народностью, её культурой и обществом). Проанализировав историческую литературу китайских авторов, мы выявили стратегии перевода различных топонимов, антропонимов и реалий, на основе которых можно будет в дальнейшем исследовать закономерности в соотношении между оригиналом и его переводом и непосредственно способствовать более объективному отражению тонкостей содержания понятия-оригинала при переводе на китайский язык.

Существует немало способов перевода лексической единицы оригинального текста, особенно если эта единица не имеет эквивалентов в языке перевода [2]. Именно поэтому в процессе исследования мы обратились к китайской литературе в оригинале. Нами был проанализирован источник исторической литературы на китайском языке, а также были выявлены примеры названий русских антропонимов топонимов и реалий на китайском языке и определены стратегии их перевода с русского на китайский.

Помимо анализа китайских источников нами были проанализированы работы российских учёных в области перевода и переводоведения. Опираясь на работы российских синологов, мы определили теоретическую основу нашего исследования, необходимую для выявления стратегий перевода, примеры которых мы выявили в работах китайских авторов.

Наиболее распространённая стратегия, которой пользуется переводчик, – это транскрипция. Более того, при переводе имён собственных переводимое слово чаще всего сохраняет свой первоначальный звуковой облик, так как в случае с переводом имени собственного сохранение звуковой оболочки слова имеет первостепенную важность. Серьёзное значение представляет собой и стратегия описательного перевода, принцип которой заключается в раскрытии значения слова с помощью добавления развёрнутых словосочетаний или слов, которые выявляют существенные признаки этого слова.

Приблизжённый перевод – подбор в переводимом языке аналогичного по значению слова со словом, не имеющим эквивалента

в переводном языке. Нейтрализация – употребление рядом со словом нейтрального общеупотребительного эквивалента.

В ходе анализа литературы на китайском языке было выявлено несколько примеров топонимов, антропонимов и реалий, которые даны ниже.

Антропонимы: 留里克 – Рюрик, 留里克王朝 – Рюриковичи, 伪德米特里 – Лжедмитрий, 叶卡捷琳娜二世开明君主, 亚历山大一世 – Александр I? 尼古拉一世 – Николай I, 列夫·托尔斯泰 – Лев Толстой, 末代沙皇尼古拉二世 – Николай II, 赫鲁晓夫 – Хрущёв, 硬汉普京 – Путин.

Топонимы: 诺夫哥罗德的城墙 – Новгородский детинец, 楚德 – Чудское озеро, 红场 – Красная площадь, 克里姆林 – Кремль, 基辅成金门 – Золотые ворота.

Реалии: 八月政变 – Августовский путч, 树皮遍的鞋 – лапти, 轻骑兵 – гусар, 俄罗斯浴 – баня, 伊戈尔远征记 – «Слово о полку Игореве», 杜马 – Дума, 罗斯法典 – «Русская правда», 人头税 – подушная подать.

После отбора примеров нами был проведён переводческий анализ топонимов, антропонимов и реалий, в ходе которого учитывались не только сами слова, но и те случаи, когда некоторые устаревшие топонимы, реалии или антропонимы требовали при переводе разобрать значение слов, их историческое толкование.

К транскрипционной стратегии перевода мы отнесли топонимы, антропонимы и реалии, которые в русском языке созвучны с китайским переведённым вариантом: 留里克 (liú lǐ kè) – Рюрик, 亚历山大一世 (yà lì shān dà yī shì) – Александр I, 尼古拉一世 (ní gǔ lā yī shì) – Николай I, 列夫·托尔斯泰 (liè fū · tuō ěr sī tài) – Лев Толстой, 赫鲁晓夫 (hè lǔ xiǎo fū) – Хрущёв, 楚德 (chǔ dé) – Чудское озеро, 克里姆林 (kè lǐ mǔ lín) – Кремль, 杜马 (dù mǎ) – Дума.

К примерам реализации стратегии описательного перевода относится такой антропоним, как 留里克王朝 – Рюриковичи (досл.: княжеский род потомков Рюрика). Так как морфемы в китайском и русских языках различны, автор книги «Взгляд сквозь Россию» Фэн Хуан Лин Цюэ (далее – автор) использовал имя Рюрик и добавил к нему слово «династия». В имени одного из правителей Российского государства «Лжедмитрия» – 伪德米特里 – автор добавил к транскрипции имени слово 伪 – «ложный». При переводе имени Российской императрицы Екатерины Второй – 叶卡捷琳娜

二世开明君主 – автор не только использовал стратегию транскрипции, но и добавил к нему сочетание «просвещённый государь», смысл которого раскрывается при обращении к периоду правления императрицы, которая одним из своих главных принципов правления избрала развитие образования, науки и просвещения государства. При переводе имени 末代沙皇尼古拉二世 – Николай II – автор использовал стратегию транскрипции, а также добавил сочетание описательного характера «последний император», так как в истории именно Николай II стал последним правителем Российской империи. В случае перевода имени 硬汉普京 – Владимир Путин – к фамилии политика было добавлено слово 硬汉, имеющее значение «крепкий, непреклонный», что характеризует влияние харизматичного лидера на мировой арене. На китайский язык выражение «Русская правда» – 罗斯法典 – переводится как «Русский кодекс».

Для перевода названия древнерусского лироэпического произведения в прозе 伊戈尔远征记 – «Слово о полку Игореве! – стоит обратиться к самому толкованию «Слова» – создание, продукт труда, творчества. Так как в китайском языке нет его прямого эквивалента, китайский автор предложил нам вариант с приближённым значением первоначального названия произведения: «Экспедиционные записки». Другой пример, 人头税 – подушная подать. Так как русское слово «подать» имеет отдельное толкование, по значению в китайском языке его аналогом является слово «налог», поэтому автор предлагает нам вариант перевода «налог, взимаемый с людей».

В ходе анализа перевода интересующих нас лексических единиц также была отмечена стратегия нейтрализации значения. Например, слово «лапти» – 树皮遍的鞋 – не имеет эквивалента в китайском языке, поэтому в процессе перевода анализа семантический акцент сместился на уточнение «вид обуви, сплетённой из древесной коры». Здесь именно употребление общепринятого эквивалента слову «лапти» – обувь, позволяет отнести нам этот перевод к группе стратегии нейтрализации. Для анализа перевода слова 轻骑兵 – «гусар» – нам стоит обратиться к толкованию – «солдат и офицер, носивший форму венгерского образца (в армии Российского государства до 1917 года)». Иероглиф 兵 – «военный» – является общеупотребительным и обобщающим для данного слова. Другой пример, 俄罗斯浴 – «баня», в китайском языке существует обобщающий для данного понятия слово 浴 – «ванна, купальня», которое добавляется к слову «русский».

Таким образом, анализ русских и китайских источников и проведённое нами исследование показало, что выявленные нами стратегии: транскрипция, описательный перевод, приближённый перевод и нейтрализация – способствуют в процессе перевода адекватному отражению содержания и смысла топонимов, антропонимов и реалий. Так как язык автора в оригинале отражает значение слов в русском языке, а выбранные нами стратегии помогают систематически разобраться в принципе перевода слов, то можно сказать, что результаты данного исследования могут использоваться в процессе переводческой практики и в дальнейшем исследовании стратегий перевода таких безэквивалентных для перевода на иностранный язык лексических единиц, как топонимы, антропонимы и реалии.

Список литературы

1. Кириллов В. В. История России: учеб. пособие. – М.: 2007. – 661 с.
2. Щичко В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода: учеб. пособие. – М.: Восточная книга, 2010. – 224 с.
3. 风唤雀翎一著 一本书看透俄罗斯 /北京: 台海出版社 2013. 6. – С. 1–280.

УДК 811.581+821.581–34

ББК 81.2Кит-3+82.3(5Кит)-6

*Н. Н. Воропаев,
г. Москва, Россия*

О важности изучения прецедентных феноменов китайскоязычного культурного пространства

Статья посвящена прецедентным феноменам, которые по своему содержанию есть некий комплексный образ, сложное представление, что понятно при апелляции к нему, не требует расшифровок и объяснений, но которое подчас достаточно сложно кратко разъяснить, например инофону. Всё это заставляет говорить о прецедентных феноменах (прецедентных именах, текстах, ситуациях и высказываниях) как о дискурсивных единицах, то есть единицах, сочетающих в себе язык и культуру в их активном взаимодействии. Прецедентные феномены определяют этнокультурную специфику, отражая историю и культуру народа, национальный характер. Прецедентными в каждом обществе становятся только те феноме-

ны, которые соответствуют его нравственным ценностям, мироощущению, мировосприятию и мировоззрению. Автор считает, что прецедентные феномены китайскоязычного культурного пространства всегда должны быть важным компонентом изучения китайского языка и Китая.

Ключевые слова: *китайский язык, китайскоязычное культурное пространство, прецедентные феномены, лингвокогнитивный подход*

*N. N. Voropaev,
Moskva, Russia*

The Importance of the Study of Precedent Phenomena in the Chinese-language Cultural Space

The article is devoted to precedent phenomena, which in its content is a certain complex image, a complex representation, which is understandable when appealing to it, does not require decipherments and explanations, but which is often difficult to briefly explain, for example, to a foreigner. All this makes us talk about precedent phenomena (precedent names, texts, situations and statements) as discursive units, that is, units that combine language and culture in their active interaction. Precedent phenomena determine ethnocultural specificity, reflecting the history and culture of the people, national character. Precedent in every society are only those phenomena that correspond to its moral values and worldview. The author believes that the precedent phenomena of the Chinese-language cultural space should always be an important component in the study of the Chinese language and China.

Keywords: *Chinese language, Chinese-language cultural space, precedent phenomena, linguistic-cognitive method*

В последние годы в центре внимания исследователей оказался лингвистический механизм явления интертекстуальности, базирующийся на понятиях прецедентных текстов (ПТ) и прецедентных имён (ПИ) как свёрнутых мнемонических программ таких текстов [4, с. 5]. Термин «интертекстуальность», служащий для обозначения общего свойства текстов, формирующих собственный смысл через имплицитные или эксплицитные ссылки на другие тексты, возник на основе анализа художественных произведений. Термин был введён в 1967 году теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой

и стал одним из основных в анализе художественного произведения постмодернизма [6, с. 432].

В дальнейшем направленность теории интертекстуальности на исследование художественной литературы получает более широкое переосмысление: этот феномен рассматривается как особенность существования массовой культуры, средств массовой коммуникации, произведений изобразительного искусства, архитектуры, музыки, театра, кинематографа.

Расширение границ понятия интертекстуальности в условиях осознания существования этого феномена в разных видах коммуникации приводит к появлению нового научного подхода.

Рассматривая коммуникацию как процесс взаимодействия и взаимокорректировки индивидуального сознания каждого из коммуникантов, с целью передачи, получения и обмена информацией, Д. Б. Гудков и В. В. Красных обосновывают лингвокогнитивный подход, предполагающий анализ как собственно лингвистических, так и когнитивных аспектов языковой коммуникации. Лингвокогнитивный подход смещает акцент лингвистических исследований на проблему интертекстуальной компетенции как основы взаимодействия «культурно-детерминированных сознаний», что позволяет констатировать начало нового этапа в развитии теории интертекстуальности. Появление понятий прецедентные феномены и теория прецедентности (Д. Б. Гудков, Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, Ю. Е. Прохоров) отражает одну из сторон в исследовании феномена интертекстуальности, связанную с выявлением национально-культурной специфики коммуникации посредством анализа элементов, составляющих инвариантную общенациональную часть в сознании взаимодействующих субъектов.

Прецедентный феномен (ПФ) по своему содержанию есть некий комплексный образ, сложное представление, которое понятно при апелляции к нему, не требует расшифровок и объяснений, но которое подчас достаточно сложно кратко разъяснить, например инофону. Всё это заставляет говорить о ПФ (прецедентных именах, текстах, ситуациях и высказываниях) именно как о дискурсивных единицах, то есть единицах, сочетающих в себе язык и культуру в их активном взаимодействии.

Лингвокогнитивный подход может с успехом использоваться и в сфере лингвистических исследований (при анализе живой спонтанной коммуникации), и в области этнопсихолингвистики

и лингвокультурологии, поскольку позволяет объединять собственно лингвистические, этнопсихолингвистические и лингвокультурологические исследования.

Прецедентные феномены признаются современной лингвистикой основными компонентами общего для всех членов лингвокультурного сообщества ядра знаний и представлений. Прецедентные феномены: 1) известны большинству социализированных представителей национально-лингвокультурного сообщества (имеют сверхличностный характер); 2) актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к ним постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества. Среди прецедентных феноменов выделяются собственно вербальные – прецедентное имя и прецедентное высказывание, а также вербализуемые – прецедентный текст и прецедентная ситуация.

Считаем необходимым дать пояснения по поводу термина «китайскоязычное культурное пространство». Мы полагаем, что, казалось бы, более простое обозначение «китайское культурное пространство» здесь неприемлемо. Дело в том, что Китай, как и Россия, – многонациональная страна. Прецедентные феномены как ядерные элементы когнитивной базы являются важными показателями социализации личности. Так как в Китае государственным языком является только один язык – китайский, то естественно, что большая часть социальной активности членов китайского лингвокультурного сообщества обеспечивается китайским языком. Как известно, словом «китаец» (中国人 *zhongguoren*) обозначаются все граждане, проживающие на территории Китайской Народной Республики, но это слово не является обозначением национальности (это обозначение можно сравнить с такими понятиями, как «советский человек», «россиянин»).

На территории КНР, по официальным данным, проживают 56 национальностей, каждая из которых имеет своё название (ханьцы, маньчжуры, монголы и т. д.). Китайцы, проживающие в других странах мира и образующие достаточно крупные диаспоры, называются *хуацяо* (华侨 *huaqiao*), и часто китайским языком не владеют, даже не всегда осознают себя китайцами. Языковая ситуация во всех этих социальных группах различается.

Мы намеренно добавляем компонент «-язычный» для того, чтобы сделать акцент на том, что, хотя прецедентные феномены

и являются общими для всего китайского культурного пространства, но полноценное и активное применение в дискурсе они получают только благодаря вербальным языковым единицам – прецедентным именам и прецедентным высказываниям.

Разумеется, имеется большое количество китайцев, проживающих, например, в США, которые не владеют китайским языком, но владеют некоторым арсеналом знаний о ПФ китайскоязычного культурного пространства. Но они, опять же, не применяют их в реальной коммуникации, хотя допускаем, что испытывают их влияние на психологическом уровне.

Например, как пишет С. Г. Коровина, «проблема интеграции в американском обществе является основной и в романе “Обезьяна-путешественник” американской писательницы китайского происхождения М. Х. Кингстон. Герой произведения Уиттмэн, надевая зелёную рубашку, нарочно подчёркивает желтизну своей кожи. Это выглядит как бунт против условностей общества и как проявление национальной гордости. Уиттмэн называет себя Сунь Укуном, царём обезьян из классического китайского романа “Путешествие на Запад”. Герой представляет себе, как он находит “тайную и безопасную страну для своего народа”, возмутителем спокойствия, затеявшим “скандал в небесном дворце” и т. д.» [5, с. 17].

Следует отметить, что глубокие знания М. Х. Кингстон в области китайской истории и классической литературы позволяют писательнице широко применять их в её произведениях. Роман «Обезьяна-путешественник» состоит из двух параллельных художественных планов: реального мира (Нью-Йорк 1960-х гг.) и иллюзорного, фантастического мира, сотканного из самых ярких эпизодов классических китайских романов. Так, на фоне современной действительности Америки 1960-х годов происходят события средневекового Китая. Перед нами оживают герои китайских романов: «Путешествие на Запад», «Речные заводы», «Троецарствие» [Там же].

Из этой выдержки мы видим, что написанный на английском языке роман представляет множество прецедентных феноменов китайскоязычного дискурса, и хотя эти феномены посредством подобных произведений заимствуются англоязычным миром, источником их, тем не менее, являются китайская культура и язык, который бережно пронёс их через века. И чтобы автор китайского происхождения могла вписать «самые яркие эпизоды классических китайских

романов» в своё произведение, мы полагаем, ей необходимо было знать об их прецедентности (когнитивной и эмоциональной значимости для носителя китайского языка и культуры) в китайскоязычном культурном пространстве.

Действительно, по свидетельствам самой Кингстон, культурными знаниями о Китае она овладевала по рассказам родителей, которые разговаривали с ней на китайском языке.

Как полагает С. Г. Коровина, «связь с китайской духовной культурой достаточно ярко выражена в творчестве другой писательницы китайского происхождения – Эми Тань (род. в 1952 г.). Все три вышедших из-под её пера романа – «Клуб радости и удачи» (1989), «Жена кухонного бога» (1991) и «Сто тайных чувств» (1995) – пронизаны общей идеей необходимости сохранения китайских ценностей в условиях американского общества» [5].

В романах вышеупомянутых американских писательниц китайского происхождения фигурирует большое количество прецедентных имён китайскоязычного культурного пространства, например, Королева-мать Западного неба (богиня Запада Си-ванму), Нефритовый император, бог домашнего очага (Цзаован), богиня милосердия Гуаньинь и др. Казалось бы, раз эти имена циркулируют и в англоязычном дискурсе американцев китайского происхождения, то проще было бы назвать исследуемое нами культурное пространство просто китайским. Однако мы рассматриваем ПФ как лингвокогнитивные феномены, которые взаимосвязаны и активно проявляются в языке прямо или опосредованно. Таким образом, мы настаиваем на термине «китайскоязычное культурное пространство» также с позиций языка-источника исследуемых нами прецедентных феноменов, так как прецедентными все эти единицы стали и становятся именно благодаря неоднократной языковой и речевой трансляции в течение определённых периодов времени.

Благодаря длительной истории непрерывного развития китайской письменности, в китайском культурном пространстве сформировался особый феномен лингвоцентричности, феномен особого отношения к языку как хранителю исконных ценностей китайской нации [1]. «Китайские правители всегда уделяли первостепенное внимание языковым вопросам и поощряли филологические исследования. Чиновник в традиционном Китае – это просвещённый человек, хорошо знающий классические тексты и умеющий сочинять стихи» [3].

Как писал в разное время В. М. Алексеев, «китайская история, изложенная самими китайцами в количестве томов, совершенно пропорциональном количеству прожитых ими в непрерывном культурном потоке лет, остаётся базой всех исторических исследований» [8, с. 97]. По справедливому замечанию Г. Г. Слышкина, «историческое знание составляет важный элемент не только культуры, но и лингвокультуры, получая языковую реализацию в виде исторических метафор, цитат и аллюзий» [7, с. 82].

Благодаря этому феномену лингвоцентричности, феномену активного непрерывного наполнения на протяжении веков китайско-язычного культурного пространства различными единицами языка, выражающими прецедентные феномены, специфичным для китайскоязычного дискурса является то, что уже на самом раннем этапе освоения китайского языка возникает множество слов, выражений и имён, за которыми стоят конкретные исторические личности и события, произведения литературы, вымышленные персонажи, философские воззрения, сохраняющие свою актуальность в китайском лингвокультурном сообществе посредством активной циркуляции связанных с ними языковых единиц в дискурсе [2].

Прецедентные феномены определяют этнокультурную специфику, отражая историю и культуру народа, национальный характер. Прецедентными в каждом обществе становятся только те феномены, которые соответствуют его нравственным ценностям, мироощущению, мировосприятию и мировоззрению. Полагаем, что прецедентные феномены всегда должны быть важным компонентом изучения китайского языка и Китая.

Список литературы

1. Воропаев Н. Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22. – М., 2012. – 315 с.
2. Воропаев Н. Н. Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи: лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая. – 2-е изд., испр. – М.: ВКН, 2018. – 384 с.

3. Завьялова О. И. Китайское лингвистическое чудо // Независимая газета. – 2009. – 28 янв.

4. Захарова М. А. Семантика и функционирование аллюзивных имён собственных (на материале англоязычных художественных и публицистических текстов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22. – Самара, 2004. – 192 с.

5. Коровина С. Г. О некоторых особенностях китайско-американской прозы конца XX века // Мир китайского языка: науч.-метод. сборник. – М.: Военный университет: Муравей, 2001. – С. 17–36.

6. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / под ред. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 427–457.

7. Слышкин Г. Г. Концепт личности как элемент лингвокультурной историосферы (на материале концепта «Талейран») // Ethnohermeneutik und cognitive linguistic. – Landau, 2007.

8. Смолин Г. Я. В. М. Алексеев о китайском историописании // Традиционная культура Китая: материалы к 100-летию со дня рождения академика В. М. Алексеева. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1983. – С. 92–99.

УДК 811.581.11

ББК 81.2

*А. С. Жданова,
г. Чита, Россия*

Методика разработки сценария деловой игры для обучения устному последовательному переводу

В статье поэтапно описана методика разработки сценария деловой игры для обучения устному последовательному переводу (с китайского на русский язык), представлен необходимый лингвистический материал для проведения деловой игры (текст для составления диалога с переводом, слова-помощники, образец диалога), предложен перечень действий, которые необходимо осуществить преподавателю после проведения деловой игры, дана система оценивания обучающихся (критерии, подсчёт результатов), проведена диагностика продуктивности метода деловой игры для составления рекомендаций будущим педагогам по применению данной методики.

Ключевые слова: деловая игра, обучение устному последовательному переводу, методика разработки сценария деловой игры, проведение деловой игры

The Methods of Developing a Business Game Scenario for Teaching Consecutive Interpretation

The article describes by stages the methods of developing a business game scenario for teaching consecutive interpretation (from Chinese into Russian), presents the necessary linguistic material for conducting the business game (the text for making up a dialogue with translation, words-assistants, the example of a dialogue), offers a list of actions that should be carried out by the teacher after conducting the business game, gives the system of evaluating students (criteria, calculation of results), demonstrates diagnostics of the business game method productivity for making recommendations to future teachers for using this technique.

Keywords: *a business game, teaching consecutive interpretation, methods of developing a business game scenario, conducting the business game*

На сегодняшний день в мире очень популярно использование деловых игр. Наибольшую активность деловые игры приобрели в практике высшего образования, многие вузы являются новаторами в методике преподавания деловых игр. На уровне государственного стандарта не существует методики разработки деловых игр из-за многообразия процессов игрового моделирования. Отсюда и сложность необходимого методического обобщения.

На этапе подготовки деловой игры для студентов главной задачей преподавателя является разработка её сценария. По определению Л. П. Никулиной, «сценарий – это описание действия участников игры, их отношения, взаимодействия» [2, с. 172].

Чтобы создать сценарий деловой игры, нужно учесть два основных фактора, во-первых, скорость обучения. Методика разработки деловой игры должна быть ориентирована на то, чтобы в результате деловой игры обучающиеся максимально быстро получили качественные знания. Во-вторых, необходимо обратить внимание на важные моменты: условия деловой игры, учебную цель (для чего проводится деловая игра, чему она должна научить), результаты, которые преподаватель намерен получить от игры (ожидаемая результативность).

Отсюда следует, что высокая скорость получения результата и эффективность – это главные методы и принципы, которые включает в себя разработка сценариев проведения деловых игр.

Представим пример разработки сценария деловой игры для обучения русскоязычных студентов устному последовательному переводу (с китайского на русский язык):

1. В первую очередь следует определить цель деловой игры. «Цели игры в большей степени согласуются с практическими потребностями обучающихся. Данная форма организации учебного процесса снимает противоречие между абстрактным характером учебного предмета и реальным характером профессиональной деятельности, системным характером используемых знаний и их принадлежности разным дисциплинам» [4, с. 113]. Поскольку наша деловая игра направлена на обучение устному последовательному переводу, необходимо её целью выбрать развитие навыков устного последовательного перевода. На занятии в процессе деловой игры обучающиеся активизируют и другие навыки и умения. В одной из деловых игр, проводимых у студентов, требовалось умение устной передачи текста. Следовательно, цель данной деловой игры сформулирована следующим образом: «развитие навыков устного последовательного перевода, а также умения устной передачи текста».

2. Исходя из данной цели, нужно сформировать ход деловой игры, предварительно выбрав коммуникативную ситуацию, например, спор: из группы вызывается два человека на роль говорящих. Им даётся текст на определённую тему, по которому нужно дома составить диалог на китайском языке и выучить его. Остальным студентам в качестве домашнего задания даётся лексика по данной теме для ознакомления и заучивания. На занятии двое студентов должны воспроизвести диалог, остальные прослушать и перевести на русский язык. Говорящие должны произносить текст чётко, делать небольшие паузы в речи. После прослушивания слушатели должны задавать вопросы в случае необходимости, а говорящие должны быть готовыми на них ответить. В следующий раз студенты могут поменяться ролями: одни будут говорящими, другие слушателями. По окончании игры преподаватель со студентами обсуждает трудности и ошибки игроков, даёт оценку работы каждого игрока по определённым критериям.

3. Подбор соответствующего материала для использования в игре является неотъемлемой частью разработки сценария деловой

игры. Следует тщательно выбирать материал с учётом уровня владения китайским языком обучающихся во избежание трудностей, которые могут возникнуть у студентов на занятии, а также необходимо обратить внимание на фоновые знания обучающихся: осведомлённость в тематике данной деловой игры. В нашей игре был использован текст для составления диалога на китайском языке, слова-помощники и образец диалога. В данном случае обучающимся предлагалось активизировать свои творческие навыки. В исследовании Е. А. Хруцкого прослеживается идея о том, что «деловая игра – это средство развития не только профессиональных навыков и умений, но и профессионального творческого мышления. В процессе деловой игры учащиеся приобретают способность решать новые задачи, анализировать специфические ситуации, обсуждать возникшие проблемы» [5, с. 210]. Так, для проведения деловой игры был подобран текст на более «свободную» тему:

Текст для составления диалога: A 和 B 是商务伙伴, A 结婚时, B 送给 A 一块进口手表。一年后, 二人因某事发生吵架。于是, B 向 A 索要那块手表, 遭到 A 的拒绝。按法律规定, 自愿把物品送给对方后, 对方便具有物品的所有权。

Перевод: «A и B – партнёры по бизнесу. A подарил B на свадьбу импортные наручные часы. Спустя год эти два человека из-за чего-то поссорились. И тогда B потребовал у A назад эти часы, но получил от A отказ. В соответствии с законом после того, как вещь добровольно была подарена противной стороне, противная сторона имеет право свободного владения этой вещью».

Нижеследующие слова помогут сформулировать диалог: 真实 zhēnshí – «действительный», 法律 fǎlǜ – «закон», 规定 guīdìng – «устанавливать; правило», 违背 wéibèi – «нарушать», 主动 zhǔdòng – «добровольно», 行为 xíngwéi – «поведение», 道德 dàodé – «нравственность, мораль», 固然 gùrán – «безусловно», 打官司 dǎ guānsi – «судиться», 赢 yíng – «выиграть», 赔偿 péicháng – «компенсировать», 丢失 diūshī – «потерять», 公正 gōngzhèng – «справедливый», 尽管 jǐnguǎn – «несмотря на...», 付 fù – «выплачивать», 并 bìng – «к тому же».

Образец диалога (с переводом):

B: 去年你结婚的时候, 我送给你一块表, 对吗? В прошлом году я подарил тебе на свадьбу часы, так?

A: 是呀。Да.

B: 你把那块表还给我吧! Верни мне их!

А: 那块表... Эти часы... [6, с. 14–15].

4. Следующий шаг в разработке деловой игры – планирование времени, отведённого для её проведения. Так, деловую игру можно разбить на этапы. Расписание игры определяется совокупностью точных по длительности этапов. В основном регламентируются только наиболее продолжительные этапы. Некоторые деловые игры вообще не имеют жёсткой регламентации времени. Отводимое на проверку домашней работы время должно указываться отдельно в расписании. Например, всего для проведения деловой игры даётся 45 мин. Первый этап – сообщение участникам деловой игры её цели и хода, раздача необходимого материала, распределение ролей между участниками в соответствии со сценарным планом (5 мин). Второй этап – подготовка к проведению деловой игры: проверка домашнего задания, разбор новой лексики и её тренировка, обсуждение непонятных мест в печатном материале и т. д. (10 мин). Третий этап – проведение деловой игры (прослушивание диалога, его перевод, обсуждение трудностей, систематическое оценивание игроков (25 мин). Четвёртый этап – подведение итогов (подсчёт набранных баллов/процентов, определение победителя) (5 мин).

5. Послеигровые проработки – один из самых существенных эпизодов деловой игры, определяющих степень эффективности её проведения и уровень выполнения поставленной цели и соблюдения условий. По окончании деловой игры следует провести детальный разбор: отметить как положительные, так и отрицательные моменты по ситуациям, имеющим производственное значение, например, дать оценку действий переводчика на официальных переговорах, во время спора и в других коммуникативных ситуациях. Сопоставление результатов противоборствующих команд и итогов деятельности каждого игрока в отдельности и определение команды/игрока-победителя способствует мотивации студентов к обучению, побуждает их к активной работе на занятиях, вырабатывает «тягу» к знаниям и «энтузиазм» в обучении.

Итак, после проведения деловой игры необходимо: во-первых, дать оценку соревнования между командами и исполнителями однотипных ролей; во-вторых, выделить и проанализировать допущенные в ходе игры ошибки, подкорректировать недостатки и выявить упущения в действиях обучающихся; в-третьих, определить обнаружившиеся недостатки в методике разработки сценария, в самом сценарии, информационном и техническом обеспечении проведён-

ной деловой игры; в-четвёртых, установить направление дальнейшего совершенствования деловой игры и улучшения её практического применения.

Система оценивания работы обучающихся в процессе деловой игры имеет важное значение для подведения итогов. Каждая деловая игра включает свои критерии оценивания для говорящих и «переводчиков» (каждый критерий – 5 баллов):

для говорящих:

- 1) скорость озвучивания реплик на китайском языке;
- 2) грамматическая и смысловая точность передачи предложений на китайском языке;
- 3) поведение «партнёров» (зрительный контакт, интонация, громкость и артикуляция речи, жестикуляция);

для «переводчиков»:

- 1) скорость перевода реплик на русский язык;
- 2) адекватность перевода реплик на русский язык;
- 3) структура и логическое построение высказываний;
- 4) речевая грамотность;
- 5) переводческое поведение (зрительный контакт, интонация, громкость и артикуляция речи, жестикуляция) [3, с. 104].

Подсчёт результатов для определения победителя осуществляется составлением пропорции: исходя из максимального (100%) количества баллов говорящих – 15 (3 критерия по 5 баллов каждый) и «переводчиков» – 25 (5 критериев по 5 баллов каждый), подсчитываем проценты, набранные каждым участником деловой игры. Обучающийся, набравший большее количество процентов, является победителем.

В процессе деловой игры роль руководителя двойственна, ведь он должен добиваться абсолютного осуществления сценарного плана и в то же время целесообразно вносить в него необходимые изменения вследствие непредвиденных, но разумных инициативных действий и решений обучающихся. На занятии преподавателем задано лишь направление деятельности игроков, требуется, чтобы они самостоятельно, творчески определяли свои действия. Следует подчеркнуть, что наличие свободы выбора у участников деловой игры делает учебный процесс наиболее сознательным и результативным [1, с. 143]. Ввиду изменений плана деловой игры, необходима рациональная коррекция сценария с учётом новых творческих возможностей, выявляющихся в ходе игры.

Вышеперечисленные пять этапов рекомендуется тщательно распланировать для качественной организации деловой игры. Очевидно, что чем тщательнее разработка сценария, тем эффективнее игровой процесс как для самого преподавателя, так и для студентов.

Таким образом, разработка деловой игры является мощным инструментом, используемым педагогом для обеспечения обучающихся знаниями. Деловая игра не может проходить без сценария, который в свою очередь должен быть последовательным и интересным, что способствует продуктивной деятельности обучающихся на занятии, а педагогу позволит получить нужный, запланированный им результат.

Список литературы

1. Алапьева В. Г. Методические рекомендации по организации учебно-технических и деловых игр. – Екатеринбург: Деловая книга, 1999. – 192 с.
2. Никулина Л. П. Организация деловой игры при обучении иностранному языку // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 112. – С. 171–177.
3. Поршнева Е. Р., Панова А. Н. Методика проведения имитационно-деловой игры при обучении переводу // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Серия «Проблемы языкознания и педагогики». – 2013. – № 8. – С. 101–108.
4. Рыжик Н., Молотова О. Деловая игра как метод активного обучения // Кадровик. Кадровый менеджмент. – М.: Панорама. – 2013. – № 2. – С. 110–116.
5. Хруцкий Е. А. Организация проведения деловых игр: учеб. пособие для преподавателей. – М.: Высш. шк., 1991. – 320 с.
6. 桥梁：实用汉语中级教程. 下册 / 陈灼主编. 3 - 版 (修订本). - 北京：北京语言大学出版社, 2012. 12 (2017. 2 重印).

Стилистический аспект сложных существительных китайского языка с атрибутивным типом связи

В статье рассматриваются сложные слова китайского языка, образованные по атрибутивной модели, выявляются выразительные возможности данной словообразовательной модели. Примеры слов, содержащих выразительные компоненты, отбирались с помощью сплошной выборки из китайских словарей. В ходе анализа было выявлено, что большая часть сложных слов с выразительным компонентом представлена трёхсложными существительными. Отмечено, что наиболее ярко внешний признак предмета раскрывается с помощью эпитета, дающего образную характеристику предмета. Как показали приведённые в статье примеры, наиболее продуктивным выразительным компонентом является эпитет, дающий образную характеристику предмета через сопоставление с каким-либо иероглифом. Отдельной группой представлены слова с устойчивым эпитетом. В отличие от эпитета с образной характеристикой, слова с данным эпитетом являются двусложными.

Ключевые слова: *китайский язык, словообразование, атрибутивная модель, существительное, выразительный компонент, эпитет, сравнение*

*O. G. Kobzhitskaya,
Irkutsk, Russia*

The Stylistic Aspect of Complex Nouns of the Chinese Language with Attributive Type of Connection

The article deals with the complex words of the Chinese language, formed by the attributive model, expressive possibilities of this word formation model are revealed. Examples of words with expressive components were selected using a continuous sample from Chinese dictionaries. The analysis was revealed that most complex words with expressive component were represented by three-syllable nouns. It was also revealed that the most striking external feature of the object is revealed

with the help of an epithet that gives a figurative characteristic of an object. As the examples in the article showed, the most productive expressive component is epithet that gives a figurative characteristic of the object through comparison with any hieroglyph. A separate group presents words with a strong epithet. Unlike an epithet that gives a figurative characteristic, words with this epithet are two-syllable.

Keywords: *Chinese language, word formation, attributive model, noun, expressive component, epithet, comparison*

В настоящее время словообразование рассматривается и как раздел лексикологии, изучающий способы создания слов, и как самостоятельный раздел языкознания. Как бы ни ставился вопрос о понимании места словообразования в языкознании, несомненно, то, что оно тесно связано с другими разделами языкознания – грамматикой, лексикологией и морфологией. Характерной особенностью словообразования является то, что степень его взаимосвязи с другими дисциплинами во многом зависит от специфики изучаемого языка, и в данном аспекте словообразование китайского языка представляет особый интерес. С другой стороны, недостаточное внимание к специфике словообразования, заключающейся в его многоплановости, в разносторонности его связей, ведёт «к одностороннему рассмотрению процессов словообразования и существенно ограничивает собственную проблематику словообразования» [5, с. 346]. Что касается связи словообразования со стилистикой, то она остаётся слабо изученной. Целью данной статьи является выявление выразительного потенциала сложных слов, образованных по атрибутивной модели.

Большинство учёных, исследующих словообразование современного китайского языка, сходятся во мнении относительно продуктивности атрибутивной словообразовательной модели. По атрибутивной модели создаются слова, принадлежащие к разным частям речи. Однако, как отмечает А. Л. Семенов, данная модель является наиболее востребованной при построении большей части существительных китайского языка [4, с. 40].

Характер грамматической связи между компонентами сложного слова, образованного по атрибутивной модели, предполагает наличие двух компонентов: зависимого и главного. Тип отношения между ними – подчинительный.

Из пяти основных моделей образования сложных существительных атрибутивного типа, выделяемых лингвистом Лу Чживэем, структура «существительное + существительное = существительное» является самой продуктивной. «В работах по словообразованию особое внимание уделяется именно этой структуре. Так, 21 % лексики словаря “国语辞典”, насчитывающего более 30 тысяч статей, составляют слова, относящиеся к этой категории» [7, с. 19].

Помимо двусложных слов, в современном китайском языке могут образовываться слова более сложного состава, при этом главный и зависимый компоненты могут различаться по структуре. Например, односложный зависимый компонент + двусложный главный:

手 + 电钻 – «дрель» («рука + электродрель»);
火 + 流星 – «болид, метеор» («огонь + метеор»).

Зависимый компонент – двусложный, главный – односложный:

木工 + 锤 – «столярный молоток» («столяр + молот»);
花生 + 油 – «арахисовое масло» («арахис + масло»).

С точки зрения семантики компонентов, слова, образованные по атрибутивной модели, могут подразделяться на группы в зависимости от признака, выражаемого зависимым компонентом. А. А. Хаматова выделяет 21 признак, по которым может характеризоваться главный компонент слов данного типа:

– время: 午饭 – «обед» («полдень + еда»);
– материал: 皮包 – «портфель» («кожа + сумка»);
– цвет: 黑板 – «классная доска» («чёрный + доска»).

Тем не менее, по мнению лингвиста, нужно учитывать, что реальное число характеристик, выражаемых второстепенной основой, значительно больше [6, с. 84].

На выразительные возможности атрибутивной модели указывал В. И. Горелов: «Третья разновидность определительного типа представлена в китайском языке сложными словами, в составе которых второй компонент обозначает качество, а первый – поясняет качество посредством сравнения. Новые слова, образованные в результате слияния двух морфем в одну лексическую единицу, относятся к категории прилагательного» [1, с. 34]. Данная разновидность широко представлена цветообозначениями. Например, 茶褐色 – «тёмно-коричневый» (*коричневый, как чай*); 枣儿红 – «красно-коричневый, бордовый» (*красный, как финик*); 葱绿 – «нежно-зе-

лѐный» (зелѐный, как лук); 银灰 – «серебристо-серый» (серый, как серебро), 雪白 – «белоснежный» (белый, как снег). Также с помощью сравнения могут образовываться и другие прилагательные: 笔直 – «навытяжку, в струнку» (прямой, как кисть), 冰冷 – «ледяной» (холодный, как лёд).

Кроме того, с помощью сравнения могут обозначаться некоторые действия: 蚕食 – «постепенно захватывать территорию или имущество, подминать», «ползучая аннексия» («шелковичный червь + есть»), досл. *есть так, как это делает шелковичный червь*. Указанный пример употребляется вместо нейтрального 并吞 – «аннексировать», поскольку таким образом можно добиться усиления выразительности и уточнения характера действия с помощью сравнения.

Приведѐм ещё несколько примеров:

虎视 – «свирепо смотреть, свирепый взгляд» (*смотреть, как тигр*);

虎步 – «энергично шагать, тигриная поступь» (*двигаться уверенно, словно тигр*);

狼吞 – «жадно поглощать что-либо» (*глотать, как волк*).

Выразительные возможности атрибутивного типа ярко проявляются в существительных, характеризуя главный компонент по особенностям формы. Структура сложного слова представлена следующим образом: первый компонент указывает на особенности формы объектов, второй компонент имеет особенности формы, выраженные первым компонентом. Первый компонент чаще бывает двусложным:

大头菜 – «белокочанная капуста» («большая голова + овощи»);

猫头鹰 – «сова» («голова кошки + орёл»);

鹰爪毛儿 – «каракуль» (когти орла + мех).

В данных примерах, по мнению В. И. Горелова, первый компонент содержит образную характеристику предмета и выступает как эпитет: 羊肠小道 – «бараньи кишки + тропинка» → «извилистая, горная тропинка» [2, с. 35].

По определению Т. Б. Маклаковой, «эпитет – это поэтическое, художественное определение, создающее образ» [3, с. 20]. И хотя эпитет не сообщает новой информации, но с помощью него создаётся более полная и яркая картина изображаемого явления.

В китайском языке достаточно продуктивным компонентом является эпитет, дающий образную характеристику предмета через

сопоставление с каким-либо иероглифом – по внешнему сходству с этим иероглифом:

丁字镐 – «кайло, кирка» (иероглиф 丁 + «мотыга»);

人字拖鞋 – «вьетнамки» (иероглиф 人 + «шлёпанцы»);

田字格本 – «тетрадь в клетку, тетрадь для прописей» (иероглиф 田 + «клетка + тетрадь»);

回字纹 – «спиралеобразный орнамент» (иероглиф 回 + «узор, орнамент»);

西字脸 – «широкое лицо» (иероглиф 西 + «лицо»);

金字塔 «египетская пирамида (иероглиф 金 + «пагода»).

Выразительные компоненты различаются по своей продуктивности. Среди сложных существительных атрибутивного типа можно найти малопродуктивные и даже уникальные примеры употребления выразительных компонентов:

马蹄表 – «механический будильник» («копыто лошади + часы» → «часы со звонком в форме копыта»);

麦粒肿 – «ячмень» (заболевание) («пшеничное зерно + опухоль» → «опухоль, внешне напоминающая пшеничное зерно»);

臼齿 – «коренной зуб» («ступка + зуб» → «зуб, похожий на ступку или на иероглиф 臼»);

柳叶刀 – «ланцет» («лист ивы + нож» → «тонкий нож, лезвие которого походит на лист ивы»).

Помимо эпитетов, содержащих образную характеристику предмета, следует также выделить слова с устойчивыми эпитетами:

石心 – «непоколебимый, хладнокровный» («камень + сердце»);

杏脸 – «нежное личико женщины» («абрикос + лицо»);

桃腮 – «розовые щёки» («персик + щёки»);

金发 – «белокурый, светловолосый» («золото + волосы»).

Таким образом, рассмотрев примеры слов с атрибутивным типом связи, можно сделать следующие выводы. Несмотря на то, что атрибутивный тип связи является самым продуктивным и слова, построенные по атрибутивной модели, могут относиться к различным частям речи, больше всего по данной модели образуются существительные.

Существительные с атрибутивным типом связи могут содержать в себе различные выразительные компоненты – сравнения и эпитеты. В составе сложного слова они позволяют выделить та-

кой признак, который раскрывает сущность объекта или явления. В особенности это относится к существительным, которые дают характеристику предмета по особенностям его формы.

Список литературы

1. Горелов В. И. Лексикология китайского языка. – М.: Просвещение, 1984. – 216 с.
2. Горелов В. И. Стилистика современного китайского языка. – М.: Просвещение, 1979. – 192 с.
3. Маклакова Т. Б. Выразительные средства языка: тропы: учеб.-метод. пособие для подготовки к сдаче ЕГЭ по русскому языку. – 2-е изд., испр. и доп. – Иркутск: ИГЛУ, 2013. – 50 с.
4. Семенас А. Л. Лексика китайского языка. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. – 284 с.
5. Серебренников Б. А. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / под ред. Б. А. Серебренникова. – М.: Наука, 1972. – 564 с.
6. Хаматова А. А. Словообразование современного китайского языка. – М.: Муравей, 2003. – 224 с.
7. 陆志韦, 汉语的构词法. 北京: 科学出版社, 1964. 164页.
8. 在线新华字典. – URL: <http://www.xh.5156edu.com> (дата обращения: 29.08.2019). – Текст: электронный.

УДК: 81.0.(5 кит.)

ББК: 81.711

*О. М. Кочеткова,
г. Чита, Россия*

История изучения глаголов речи китайского языка

Исследование освещает историю изучения глаголов речи с позиций разных лингвистических теорий как аспектов изучения глаголов речи: теории речевых актов, теории речевой деятельности, лингвокогнитивного направления, теории языковых универсалий, теории семантических полей, а также историю изучения глаголов речи китайского языка.

Ключевые слова: *история изучения глаголов речи, китайский язык, теория речевых актов, теория речевой деятельности, лингвокогнитивное направление, теория языковых универсалий, теория семантических полей*

The History of the Study of Speech Verbs of the Chinese Language

The study covers the history of the study of verbs of speech from the standpoint of various linguistic theories as aspects of the study of verbs of speech: the theory of speech acts, the theory of speech activity, linguocognitive direction, the theory of language universals, the theory of semantic fields, as well as the history of the study of verbs of Chinese speech.

Keywords: *the history of the study of speech verbs, Chinese language, the theory of speech acts, the theory of speech activity, linguocognitive direction, the theory of language universals, the theory of semantic fields*

История изучения глаголов речи. Глаголы речи привлекают внимание исследователей на протяжении длительного времени. В исследованиях по данной теме термин «глаголы речи» используется наряду с такими терминами, как «глаголы говорения», «глаголы речевой деятельности», «глаголы речепроизводства», «метаязыковые глаголы». Лексическая функция глаголов речи – номинировать (называть) речевые действия, производимые говорящим.

Исследования по лингвистической философии, логике, когнитивной лингвистике, лексической семантике, прагматике, антропоцентрической лингвистике послужили причиной для многоаспектного изучения глаголов речи, а также определили научные направления и позиции, в рамках которых рассматривалась эта группа. Самые важные из них это: 1) теория речевых актов; 2) теория речевой деятельности; 3) лингвокогнитивное направление; 4) теория языковых универсалий; 5) семантический анализ группы глаголов речи в рамках теории лексико-семантических групп.

Изучение глаголов речи в свете теории речевых актов. Одной из новых тенденций, ставшей предпосылкой появления интереса к группе глаголов речи в первой половине XX века, становится лингвистическая философия. Её основатель – английский учёный, философ-аналитик Джон Остин, создатель теории «Слово как действие», вводит понятия перформативного и конституирующего высказываний. Перформативное высказывание – это высказывание,

предусматривающее исполнение некоторого действия; конституирующее высказывание – это высказывание дескриптивное, то есть способное быть истинным или ложным. Эти идеи легли в основу теории речевых актов. Речевой акт представляет собой трёхуровневое образование, которое в отношении к используемым в его ходе языковым средствам выступает как локутивный акт; в отношении к поставленной цели и условиям его осуществления – как иллокутивный акт; в отношении к собственным результатам – как перлокутивный акт.

Дж. Остин первым создал классификацию иллокутивных актов. Он считал, что глаголы, производимые в речевом акте, эксплицируют силу высказывания, при помощи которой достигается коммуникативная цель. Эта причина впервые вызвала необходимость в классификации иллокутивных глаголов, в состав которых входят глаголы речи, потому что группа, обозначающая речевые действия, представляет основу коммуникативных интенций (намерений) говорящего.

Дж. Р. Серль, Ф. Стронсон, А. Вежбицкая и другие продолжили исследования Дж. Остина в области теории речевых актов. Данная теория не ставила своей целью изучение глаголов речи, однако способствовала привлечению внимания исследователей к этой группе, а именно к логико-семантическим свойствам глаголов речи.

Изучение глаголов речи с позиции теории речевой деятельности. В советской науке психолингвистика, выступая в качестве теории речевой деятельности, рассматривала речь как один из видов деятельности, применяя в её исследовании положения и категории, выработанные в общей теории деятельности [6, с. 47].

В языковой картине мира человек как деятельное, динамичное существо выполняет три типа действий – физические, интеллектуальные и речевые. Все они – разновидности целесообразной деятельности, так как только такого рода деятельность является мотивированной [2, с. 50]. Ю. Д. Апресян отмечает, что «...всякий речевой акт представляет собою разновидность физической деятельности – по той банальной причине, что неотъемлемым компонентом устной речи является работа артикуляционных органов. ...Речь обслуживается языком. ...Физическим действиям соответствует речь» [Там же, с. 43, 47, 49].

Речь как один из видов деятельности рассматривалась многими исследователями, в зависимости от аспекта изучения её

функций: психофизиологической, функционально-когнитивной, коммуникативной. Теория речевой деятельности представлена в работах Л. С. Выготского, С. Д. Кацнельсон, Е. С. Кубряковой, Н. Д. Арутюновой, А. А. Залевской, Н. Б. Мечковской, А. А. Зализняк, М. Я. Гловинской.

Теория речевой деятельности стала одним из фундаментов для всестороннего изучения глаголов речи. Она даёт возможность, устанавливая разные исследовательские границы, проследить, каким образом функции языка отражаются в лексемах глаголов речи, открывая новые горизонты для изучения данной группы.

Изучение глаголов речи в рамках когнитивного направления. Отражение информации о внеязыковой действительности в единицах языка на лексическом и грамматическом уровне, а также сохранение знаний о культурном фоне, о фрагментах человеческого опыта, в структуре языка открыло новое когнитивное направление в лингвистике. В его основе лежат ключевые идеи когнитивной психологии, изучающей процессы, связанные с познанием мира человеком: процессы получения, хранения, обработки информации [4, с. 27].

Когнитивная семантика, привлекая новые эмпирические данные из логики, психологии, общей семиотики, философии языка, изучает лексическую систему с точки зрения её антропоцентричности. В исследованиях по когнитивной семантике концептуальная картина мира изучается опосредованно языковыми категориями. Процесс восприятия и осмысления действительности находит отражение в концептах. Концепт – это понятие, показывающее связь языка и мышления. Суперконцепты выражают абстрактные глобальные значения, составляющие вершину концептуальных классов. Их содержание раскрывается через фреймы, сценарии, схемы – способы представления знаний, актуализирующихся в процессе речемыслительной деятельности [7, с. 4].

Теоретическая основа лингвокогнитивного направления получила обоснование в работах отечественных и зарубежных лингвистов (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко, А. Вежицкая, С. Д. Кацнельсон, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия, Р. М. Фрумкина, Т. В. Булыгина, О. Н. Селивёрстова, Е. В. Рахилина, У. Чейф, Дж. Лакофф, Ч. Филмор, М. Джонсон).

Изучение глаголов речи в свете теории языковых универсалий. Теория языковых универсалий сложилась в XX веке. В насто-

ящее время она продолжает развиваться и влиять на современные исследования. Эта теория представляет новый взгляд на язык как на универсальную систему, все уровни которой в разных языках, несмотря на фонетические и грамматические различия, тождественны. Общие законы языковых систем отмечались учёными на протяжении всей истории лингвистических учений. Одним из первых свой вклад в появление этой теории вложил Н. С. Трубецкой, русский учёный, представитель пражского лингвистического кружка. В его труде «Основы фонологии» подробно рассмотрены критерии выделения фонем в парадигматическом и синтагматическом аспекте, разработана классификация смысловозначительных оппозиций разных типов, введены термины «маркированный член», «немаркированный член». Исследуя различные проблемы фонологии, Н. С. Трубецкой изучил общие принципы сочетаемости фонем, выделил основные понятия фонологической статистики, по многим параметрам сопоставил фонологические системы разных языков [по: 1, с. 193]. Рассмотрение общих законов языков в процессе изучения фонологии Н. С. Трубецким положило начало теории языковых универсалий.

Теория языковых универсалий постепенно проникла во все сферы изучения языка. Исследования по лексико-семантическим универсалиям проводили С. Годдард, А. Вежицкая, М. Хаспельмас, М. Копчевская-Там и др. Группа глаголов речи, являясь универсальной для всех языков мира, ещё не рассматривалась детально с позиций данной теории. Однако исследование этой группы в сопоставительном плане на материале разных языков, особенно языков разных типов, даёт возможность выявить универсальные лексические единицы, характерные для любого языка и уникальные, то есть те, которые имеют место только в конкретном языке, а также сравнить принципы организации ЛСГ.

Изучение глаголов речи с позиций теории лексико-семантических групп. Понимание языка как системы постепенно распространилось на его словарный состав. Лексика представляет систему, в которой значимость каждого слова определяется лексическим значением окружающих его слов. Общетеоретические основы исследования лексики как системы в языкознании были сформированы в работах В. В. Виноградова, М. М. Покровского, А. А. Уфимцевой, Д. Н. Шмелёва, И. П. Слюсаревой, О. С. Ахмановой, В. И. Кодухова, Э. В. Кузнецовой и др.

Разграничение лексического состава языка посредством выявления интегральных семантических признаков и определение лексического значения каждой единицы даёт возможность сгруппировать слова в лексико-семантические группы. Цель изучения групп слов, объединённых общим значением в рамках теории ЛСГ, состоит в том, чтобы сформулировать критерии выделения группы, установить её границы, рассмотреть внутреннюю стратификацию, а также, выявив семантические особенности лексических единиц, создать классификацию.

Глаголы речи, с точки зрения их лексического значения, были в центре внимания в работах Ю. Д. Апресяна, А. Вежбицкой, Ч. Филмора, Дж. Макколи, Л. М. Васильева, И. М. Кобозевой и др.

История изучения глаголов речи китайского языка. Глагол – это часть речи, которая обозначает действие или состояние предмета. Исследование типологических особенностей грамматических категорий положило начало изучению словарного состава китайского языка с точки зрения его лексического значения.

Система частей речи китайского языка подробно представлена в работе А. А. Драгунова «Исследование по грамматике современного китайского языка». А. А. Драгунов выделил общие признаки у глагола и прилагательного и объединил их в общую категорию – категорию предикатива. В дальнейшем С. Е. Яхонтов в своей монографии «Категория глагола в китайском языке» обобщает весь накопленный опыт изучения глагола в китайском языке, а также подводит итог собственных исследований в этой области. С. Е. Яхонтов выделяет следующие основные признаки глагола в китайском языке: 1) выполняет функцию сказуемого без связки; 2) выполняет функцию определения, принимая частицу «的» de; 3) принимает прямое или косвенное дополнение, именную часть сказуемого, послеглагольное подлежащее; 4) соединяется с наречиями, отрицаниями; 5) имеет счётные слова; 6) принимает модификаторы, а также глаголы «来» и «去»; 7) принимает временные показатели; 8) имеет категорию вида; 9) имеет категорию модальности [8, с. 15].

Глаголы речевого действия в китайском языке рассматривались в монографии С. Е. Яхонтова «Категория глагола в китайском языке». Данная группа в этой работе представлена вместе с группами глаголов мысли и чувства. В разделе «Глаголы мысли, чувства, речи» не сформулированы критерии выделения глаголов перечисленных групп, однако содержание раздела показывает, что основным критерием выделения является семантический критерий. С. Е. Яхонтовым

отмечено, что «все глаголы мысли, чувства и речи в древнекитайском языке, как и в современном, управляли предложением, а не дополнением или дополнительным членом» [8, с. 53].

В китайском языкознании исследование глаголов речи началось во второй половине XX века, с появлением и развитием семантических теорий в китайском языкознании. Одной из крупных работ, подводящей итог исследований этой группы, является работа Ван Вэйхуэй «Эволюция глаголов речи китайского языка и их современное распространение», опубликованная в журнале «Китайская филология» в 2003 году. Данная работа опирается на исследования по глаголам речи следующих лингвистов: Ван Ли, Ван Чжэнбай (1992), Ван Фэн-ян (1993), Хуан Цзиньгуй (1995), Лу Жунда, Ван Нин (1984), Ван Нин (1996), Ли Цзофэн (1991). Автор показывает семантический критерий выделения группы глаголов речи, даёт подробную классификацию объектов речевого действия в структуре толкования, рассматривает глаголы речи в диахронном аспекте, а также современное диалектное распространение. В работе предлагается классификация гиперлексем со значением речевого действия, которые делятся на десять подгрупп.

Таким образом, аспекты изучения глаголов речи, представленные в данной работе, показывают направления изучения этой группы глаголов в китайском языке и перспективу в их исследовании.

Список литературы

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. – М.: Языки славянской культуры, 1999. – 368 с.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
3. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
4. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
5. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. – С. 22–129.
6. Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – 377 с.
7. Соколовская Е. М. Функционально-семантическая сфера глаголов речи в русском языке: проблема вербализации суперконцепта «говорить»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Уфа, 2002. – 175 с.
8. Яхонтов С. Е. Категория глагола в китайском языке. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. – 180 с.

УДК: 811.581.11

ББК: 81.2

В. А. Ленинцева,

г. Москва, Россия

М. В. Тохта-Ходжаева,

г. Москва, Россия

Категория «вежливость» в китайском языке и реализация коммуникативных целей

В статье рассматриваются наиболее часто встречающиеся особенности форм выражения вежливости. Анализируются факторы национальной культуры. В китайском языке средства выражения вежливости неразрывно связаны с культурными традициями. Все они включают в себя те или иные национально-культурные факторы и отражают взгляды на традиционные ценности.

Ключевые слова: *категория «вежливость», коммуникативная категория, знание этикета, нормы поведения, гармоничное общение*

V. A. Lenintseva,

Moskva, Russia

M. V. Tokhta-Khodzhaeva,

Moskva, Russia

“Politeness” Category in the Chinese Language and the Implementation of Communicative Goals

This article attempts to summarize peculiar features of the most frequently found forms of expressing politeness; besides, factors of national culture are analyzed. The ways of expressing politeness in the Chinese language are indissolubly linked to cultural traditions. All of them include one or the other national cultural factors and reflect some traditional value views.

Keywords: *“politeness” category, communicative category, knowledge of etiquette, standards of behavior, harmonious communication*

Для последних десятилетий характерен интерес специалистов к проблемам межкультурной коммуникации, а также к национально-культурной специфике поведения китайцев, сопрово-

ждающийся всё возрастающим научным интересом к категории «вежливость». Категория «вежливость» – одна из центральных коммуникативных категорий, выступающих в качестве системообразующего стержня, регулирующего поведение представителей различных лингвокультур.

Под «вежливостью» обычно понимают умение уважительно и тактично общаться с людьми, умение выслушивать противоположные точки зрения и готовность найти компромисс. Вежливость считается выражением хороших манер и знания этикета.

Понятие «вежливость» неоднозначно, в каждой культуре существует свой феномен вежливости. То, что считается вежливым в одной культуре, может считаться странным или грубым в другой. Обычно вежливость позволяет людям чувствовать себя комфортно в обществе друг друга и избегать напряжённости в отношениях. Однако различия в нормах поведения людей разных культур и субкультур могут также приводить к тому, что в результате часть присутствующих может чувствовать себя неловко, стесняться грубости своих манер или даже воспринимать происходящее как агрессию.

Вежливость напрямую связана с этикетом, которому уделяют большое внимание разные исследователи. Однако эти два явления полностью не совпадают. Этикет – это свод коммуникативных норм и правил. Вежливость – система коммуникативных стратегий и тактик, используемых в реальном общении и нацеленных на бесконфликтную коммуникацию и взаимопонимание. Вежливость включает в себя все то, что способствует гармоничному и бесконфликтному общению, несмотря на тот факт, что какие-либо из её элементов могут не являться нормой, закреплённой этикетом [3, с. 61]. Одна и та же вежливая фраза, произнесённая по отношению к людям разного общественного положения, может нести различную коммуникативную нагрузку в контексте общения. Таким образом, вежливость является ценностным смыслом в различных культурах, однако в каждой из культур она осмысливается и проявляется по-разному. В китайском языке вежливость – это проявление уважения, почитания и скромности в речи и поступках.

Увеличение интенсивности межкультурных и межъязыковых контактов приводит к необходимости осмысления проблем общения людей, которые принадлежат к разным культурам и говорят на разных языках. Этнопсихолингвистика выработала методы исследования национальных особенностей коммуникации. Но, как

указывает К. А. Курилова, успехи этнопсихологов «...во многом зависят от результатов исследований языковедов, полученных ими при изучении феномена общения» [1, с. 3]. Если говорящий не знает национальных традиций общения, не знает реальностей речевого этикета, то он не сможет достичь каких-либо успехов. Под речевым этикетом понимается совокупность форм учтивости, правил речевого поведения, которые могут быть «национально специфичными, «но в то же время исторически изменчивыми» [Там же, с. 5]. «В Китае этико-ритуальные принципы и соответствующие им нормы поведения уже в древности были решительно выдвинуты на передний план и явственно гипертрофированы» [2, с. 3]. Этика и ритуал стали в современном китайском обществе почти автоматическими стереотипами поведения и речи. Со сменой политического, общественного устройства меняется структура экономики, материальная культура, искусство. Традиционные ценности, верования неоднократно подвергались переоценке. Но система ценностей современных китайцев в своих основах аналогична традиционной, и «...изменения в ней происходят посредством добавления новых ценностей к уже существующему ценностному ядру, посредством создания модифицированных вариантов, а также за счёт понижения или утраты значимости части традиционных ценностей» [5, с. 22].

По результатам исследования проблемы традиционных ценностей современных китайцев, К. М. Тертицкий делает вывод о том, что «основные нормы и институты традиционной культуры занимают господствующие позиции у китайцев вне зависимости от того, в условиях какой социально-политической системы они живут» [6]. Вежливость – это выражение почтения, скромности в человеческих отношениях. Формы проявления могут быть выражены посредством языка или действий. Первое – это постоянно проговариваемый «язык вежливости». Он выражается через приветствия, слова прощания, просьбы, похвалы, а также обращения и т. д. Поэтому эти формы могут быть названы как «формы выражения вежливости». Конкретные формы выражения вежливости постоянно встречаются в двух видах – «уважение другого» и «скромность».

Формы выражения «уважения другого» в человеческих отношениях проявляются в виде уважения, близости, дружбы и сердечности. В основном включаются вежливые формы приветствий, благодарности, уговоры гостю остаться, наставления, просьбы, побуждения, а также связанные с этим уважительные звания и обращения.

Например, 你好 [nǐ hǎo] – «здравствуйте», 多谢 [duōxiè] – «премного благодарен», 麻烦你了 [máfan nǐle] – «извините за беспокойство», 再坐会儿吧 [zài zuò huìr ba] – «посидите ещё немного», 满走 [mǎn zǒu] – «не торопитесь», 请 [qǐng] – «пожалуйста», 请坐 [qǐng zuò] – «присаживайтесь», 请问 [qǐngwèn] – «позвольте спросить», 劳驾 [láojià] – «будьте добры», 先生 [xiānsheng] – «господин», 小姐 [xiǎojiě] – «барышня», 老师 [lǎoshī] – «учитель», 师傅 [shīfu] – «мастер», 校长 [xiàozhǎng] – «директор школы», 厂长 [chǎngzhǎng] – «директор завода», 经理 [jīnglǐ] – «управляющий», 主任 [zhǔrèn] – «начальник», 贵姓 [guìxìng] – «Ваша драгоценная фамилия», 贵公司 [guì gōngsī] – «Ваша (драгоценная) фирма», 百忙 [bǎi máng] – «несмотря на свою занятость», 光临 [guānglín] – «пожаловать» и т. п. [4, с. 68].

Способы выражения «скромности» проявляются в скромном поведении, почтении и радушном отношении в ответ на похвалу, на преподнесённый подарок, пропуская кого-либо впереди себя или уступая почётное место, при этом употребляют выражающие скромность фразы, касающиеся себя и соответствующей ситуации. Например: 哪里, 哪里 [nǎli] – «ну, что Вы, что Вы»; 你过奖了 [nǐ guòjiǎngle] – «Вы перехваливаете»; 你先请 [nǐ xiān qǐng] – «пожалуйста, сначала Вы»; 让你破费, 实在不敢当 [ràng nǐ pòfèi, shízài bùgǎndāng] – «заставил вас потратиться, я совсем этого не достоин».

В повседневном общении вышеуказанные способы проявления вежливости всегда чередуются, пронизывают весь процесс коммуникации, взаимно дополняют друг друга, проявляя согласованность человеческих отношений, играют роль в завершении задачи общения. Часто встречаемое в китайском языке понятие «вежливость» в основном проявляется в следующих особенностях:

Вежливое обращение в общественных отношениях, согласно служебному положению и семейственности. Обращаясь к человеку, занимающему руководящую должность, можно его называть 书记 [shū • jì] – «секретарь», 主任 [zhǔrèn] – «начальник», 厂长 [chǎngzhǎng] – «директор завода», 经理 [jīnglǐ] – «управляющий», 处长 [chùzhǎng] – начальник отдела, 校长 [xiàozhǎng] – «директор школы». В соответствии со специальностью можно обращаться 教授 [jiàoshòu] – «профессор», 工程师 [gōngchéngshī] – «инженер», 医生 [yīsheng] – «доктор», 师傅 [shīfu] – «мастер» и т. д. В большинстве случаев это применяется вместе с фамилией.

В общении с соседями, друзьями, родственниками, в основном в местах совместного проживания, обращения сравнительно свободны, без церемоний. Отношения между людьми определяются родственными связями, природными условиями. Поэтому, кроме используемых вышеуказанных обращений, всем очень нравится называть друг друга по-семейному. Можно сказать о тенденции к появлению своего рода родственных обращений. Например, пожилого человека можно назвать 爷爷 [yéye] – «дедушка», 奶奶 [nǎinai] – «бабушка». Молодые люди, подростки людей средних лет называют 叔叔 [shūshu] – «дядя», 婶婶 [shěnshe] – «тётушка», 阿姨 [āyí] – «тётя». Среди людей одного поколения различных возрастов можно употреблять 哥 [gē] – «брат», 姐 [jiě] – «сестрица», «старшая сестра», 弟 [dì] – «младший брат», 妹 [mèi] – «сестрёнка». Все эти вышеуказанные обращения часто употребляются с фамилией и именем.

Тенденция к «возвеличиванию» в человеческих отношениях. Китайцы, устанавливая обоюдные отношения, исходя из дружбы и уважения, всегда усиленно и активно восхваляют дела, имеющие отношение к партнёру. Напротив, что касается своих дел, отзываются уничижительно. Конкретно это выражается в следующих примерах: сторону партнёра называют не иначе как 贵厂 [guìchǎng] – «драгоценный завод», 贵报 [guìbào] – «драгоценное издание» и т. п., называя написанное стороной партнёра нечто, как 大作 [dàzuò] – «крупное произведение». Прибытие самого партнёра называют 光临 [guānglín] – «Ваше посещение», 惠顾 [huìgù] – «удостоите посещением» [4, с. 70].

Опубликованные партнёром мнения, взгляды называют 高见 [gāojiàn] – «высокий взгляд» или 宝贵意见 [bǎoguì yìjian] – «драгоценное мнение» и т. п. Партнёр о написанных своей стороной вещах должен говорить уничижительно: 拙文 [zhuōwén] или 拙作 [zhuōzuò] – «мои неуклюжие письмена». О своих взглядах и точке зрения следует говорить 浅见 [qiǎnjiàn] – «моё скромное мнение», 愚见 [yújiàn] или 拙见 [zhuōjiàn] – «вовсе незначительный взгляд». В ответ на похвалы партнёра часто говорят: 哪里, 哪里 [nǎli] – «что Вы, что Вы»; 不好 [bùhǎo] – «плохо»; 不行 [bùxíng] – «не годится»; 还差得很远 [hái chàde hěn yuǎn] – «ещё далеко до того, чтобы назвать хорошо». Угощая гостя обедом, часто говорят: 没什么好菜, 请随使用一点儿吧 [méi shénme hǎocài, qǐng suíbiàn yòng yīdiǎnr bā] – «особо вкусного нет,

пожалуйста, на свой вкус попробуйте что-нибудь»; 招待不周, 请多抱憾 [zhāodài bù zhōu, qǐng duō bàohàn] – «приём скромный, прошу извинить».

Территориальное соответствие и забота, проявляемая в быденных словах для поддержания разговора. В китайском языке часто встречаются приветствия, в которых есть слова, не имеющие аналогов в других языках. Они не так понятны и определённы, но применительно к условиям гибко изменяются. Особенно это явление проявляется среди сослуживцев, соседей и родственников. В обычной жизни формулировка их определяется данным моментом или ситуацией. Конкретно следует учитывать фактор времени встречи обеих сторон, место, чем занимается партнёр или намерение что-то делать. Если видишь, что человек должен выйти, то ему можно сказать: 上班去啊 [shàngbān qù a] – «пошёл на работу», 上街去啊 [shàngjiē qù a] – «пошёл на улицу», 下班了 [xiàbānle] – «с работы», 回来了 [huílaile] – «вернулся», 买菜去了 [mǎicài qùle] – «пошёл за продуктами». Встретившись на улице, на дороге или в каком-то транспорте, можно сказать: 上哪儿去啊? [shàng nǎr qù a] – «куда идёшь?», 买了点什么 [mǎileidiǎn shénme] – «что-то купил», 买菜呢 [mǎicài ne] – «купил продукты», 寄信呢 [jìxìn ne] – «отправляешь письмо», 等车呢 [děngchē ne] – «ждёшь автобус» и т. д. Встретившись до и после обеда и ужина, спрашиваете: 吃了吗? [chīle má] – «поел?». Поздно вечером можно спросить: 还没休息呢? [hái méi xiūxi ne] – «ещё не отдыхаешь?». Человеку перед сном и прощаясь часто говорят слова, выражающие заботу и любовь. Это и есть проявление внимания в словах для поддержания разговора. Если в прохладный день коллега по работе или друг одет легко, можно сказать: 这天挺冷的, 你可多穿点儿 [zhè tiān tǐng lěngde, nǐ kěduō chuān diǎnr] – «сегодня прохладно, надо бы одеться потеплее» или 你穿这么点儿, 不冷吗? [nǐ chuān zhème diǎnr, bù lěng má] – «ты так легко одет, не холодно?». Провожая гостя, говорят: 慢走màn zǒu – «не торопись» или 走好 [zǒuhǎo] – «счастливого пути». Если гость уходит вечером, следует сказать: 天黑, 路上小心点儿 [tiānhēi, lùshang xiǎoxīndiǎnr] – «темно, осторожно в дороге» [4, с. 70].

Доброжелательность, согласие. В культурных традициях Китая особо выделяется смысл «хэ» (доброжелательность к друзьям и беспощадность к врагам). Одновременно китайцы особо дорожат кровным родством, родовыми связями. Древняя семья в Китае долгое

время сохраняла форму патриархата, эта особенность составляла основу целой социальной структуры. Особенностью феодального строя является «семья в Поднебесной». Целое государство представляло собой разросшуюся феодальную семью, а император был патриархом этой семьи. Представленные конфуцианской школой пять основных норм человеческих отношений при феодализме (между властителем и подданными, отцом и сыновьями, старшими и младшими братьями, мужем и женой, между друзьями) определяют общество как семейную единицу. В то время, когда соединились смысл «хэ» как ценность с содержанием «семья как единица», китайской культурой были взяты за идеальный образец гармоничные семейные отношения. Создалось ценностное воззрение почитания вышестоящих, доброжелательного отношения к друзьям и беспощадного – к врагам. Такое ценностное воззрение нашло своё отражение в языке: древние китайцы говорили 四海之内皆兄弟也 [sìhǎizhī nèi jiē xiōngdì yě] – «четыре моря как братья»; сегодня по-прежнему используются выражения 亲如一家 [qīn rú yíjiā] – «родственники как одна семья», 亲如兄弟姐妹 [qīn rú xiōngdì jiěmèi] – «родственники как братья и сёстры», 兄弟单位 [xiōngdì dānwèi] – «братская основа», 民族团结的大家庭 [mínzú tuánjié de dàjiātíng] – «большая семья объединённых национальностей» и т. д. Подобно этому, в формах выражения вежливости часто наблюдается тенденция сближения, когда из среды соседей, друзей, знакомых также заимствуются некоторые родственные обращения, которые подходят обеим сторонам. В действительности происходит то же самое, когда представления, относящиеся к идее «семья – это основа», проникают в общество. Это одно из проявлений стремления к достижению согласия в человеческих отношениях.

Исполнение ритуалов. В Древнем Китае поощрялся постулат 礼让为国 [lǐ ràng wèi guó] – «ритуалы (церемонии) предоставить государству», в семье же за основу брать согласие и гармонию. Китайская традиционная культура всегда выступала за то, что в отношениях между людьми должны преобладать спокойствие и доброжелательность. «Сначала для другого, затем для себя, не гнаться за выгодой» – в этом заключается одна из добродетелей. В настоящее время некоторые способы выражения вежливости в человеческих отношениях также содержат в себе этот культурный фактор. Например, занимая место в общественном транспорте, следует пропустить человека вперёд, говоря: 你先请 [nǐ xiān qǐng] – «пожалуйста, сначала Вы». Получив подарок, не следует сразу при-

нимать его, вначале необходимо отнекиваться и говорить: 不敢当 [bùgǎndāng] – «не заслужил такой чести, не достоин!»; 让你破费, 实在不好意思 [ràng nǐ pòfèi, shízài bùhǎoyìsi] – «заставил вас потратиться, так неловко» или 你干吗花钱? [nǐgànmá huā qián] – «зачем же Вы потратились?» и т. п. В противном случае, без такой реакции вас могут заподозрить в жадности.

При расставании, например, когда гость собирается уходить, хозяин должен постараться уговорить его задержаться такими фразами: 忙什么, 还早呢 [máng shénme, hái zǎo ne] – «зачем торопитесь, ещё рано»; 再坐一会儿吧 [zài zuò yíhuìr ba] – «посидите ещё». Если подошло время принятия пищи, следует сказать: 吃了饭, 再走吧 [chīle fàn, zàizǒu ba] – «покушаете, потом пойдёте». Нельзя допустить, чтобы гость посчитал хозяина не внимательным к своей персоне.

Уничжение личности (пренебрежительное отношение к правам человека). Традиционная китайская культура исходит из классовой системы представлений и подчёркивает, что между людьми всегда существовало неравенство: 上下有别 [shàngxià yǒubié] – «верхи отличаются от низов»; 贵贱有差 [guì jiàn yǒu chā] – «богатые отличаются от бедных» и т. д. Традиционной культурой каждому человеку определены те или иные обязанности, которые он должны исполнять, но ни словом не представлены права, которые должны иметь люди. При феодальном строе ценность существования личности заключалась лишь в подчинении классовому порядку общества. Это привело к исчезновению того, что считалось *独立的人格* [dúlìde réngé] – «независимой личностью» в человеке. В результате этого влияния люди признавали только общественные представления, коллективную волю и отрицали права человека и свободное волеизъявление. Эта тенденция *轻个人* [qīng gèrén] – «уничжения личности» и сейчас отражается в обычном общении, а именно в ситуации, когда обсуждаются личные дела. Если говорить о нашем времени, то это вопросы о доходах, возрасте, семейном положении и т. д. Китайцы считают, что таким образом выражается забота о собеседнике, который, однако, нередко бывает смущён таким интересом к его личной жизни или задет за живое. Такая традиция также накладывает отпечаток на вежливые формы общения, часто встречающиеся в китайском языке: 上哪儿去? [shàng nǎr qù] – «куда идёшь?», 吃了没有? [chīle méiyǒu] – «поел?», 路上多加小心 [lùshang duōjiǎn xiǎoxīn] – «в дороге будь осторожен»

или 你得多穿点儿, 别感冒了 [nǐ děi duō chuān diǎnr, bié gǎnmào] – «тебе надо одеться теплее, чтобы не простыть» и другие приветствия и слова обмена любезностями. Если рассматривать подобные формы выражения вежливости с позиции представителей западной культуры, серьёзно относящихся к личному, делающих упор на свободу личности, то все эти фразы можно истолковать как невежливые, задевающие сокровенные дела личности, пренебрегающие правом личности на независимость [4, с. 73].

Итак, цивилизованная вежливость является основным показателем прогресса и развития общества, а также является отражением духовного облика всех членов общества. Китай всегда имел репутацию «страны этикета церемоний». Отношение к человеку согласно ритуалу является одной из прекрасных культурных традиций китайской науки. В современном обществе язык вежливости – мост для совместного общения, звено для установления гармоничных отношений.

В настоящее время растёт масштаб внешних контактов китайского общества, международные отношения день за днём расширяются. В таких общественных условиях построение духовной цивилизации кажется особенно важным. Необходимо анализировать особенности форм выражения вежливости в современном китайском языке, проводить необходимые сравнения с формами выражения вежливости других национальностей; нужно находить общее, несмотря на существенные различия, тем самым ускоряя взаимопонимание с другими народами мира.

Список литературы

1. Курилова К. А. Обращения в современном китайском языке: учеб. пособие. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1999. – 279 с.
2. Васильев Л. С., Кобзев А. И. Предисловие // Этика и ритуал в традиционном Китае. – М.: Наука, 1988. – 332 с.
3. Классическое конфуцианство / пер., ст., коммент. А. Мартынова, И. Зограф: в 2 т. Т. 1. – СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс, 2000. – 208 с.
4. Сиуцы ю юань вэньмин цзяньшэ // Лиу Цзинцзянь. Ханью лимео бяода фанши луньси = Стилистика и развитие культуры языка // Анализ способов выражения вежливости в китайском языке. – Тяньцзинь: Гуцзи, 2002.
5. Тертицкий К. М. Традиционная система ценностей у современных китайцев (конец 1970-х – 1980-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. – М., 1992. – 24 с.
6. Тертицкий К. М. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 347 с.

УДК 811.581:81'342

ББК Ш171.11–1

С. В. Науменко,

г. Чита, Россия

Цзоу Хун,

г. Чита, Россия

Игровые методы обучения фонетике китайского языка на начальном этапе

В последние годы игровые методы обучения получают всё большее распространение в методике преподавания иностранных языков. Авторы предлагают некоторые игровые методы, используемые в практике обучения фонетике китайского языка на начальном этапе.

Ключевые слова: *фонетика китайского языка, игровые методы обучения, транскрипция китайского языка pinyin*

S. V. Naumenko,

Chita, Russia

Zou Hong,

Chita, Russia

Gamification of Basic Chinese Phonetics Teaching

Game methods are getting more and more widespread in foreign languages teaching over recent years. The authors describe some game methods used in basic Chinese phonetics teaching.

Keywords: *Chinese phonetics, game methods of teaching, the Chinese phonetic transcription pinyin*

Обучение фонетике, как известно, является одним из важнейших аспектов обучения иностранных учащихся любому иностранному языку, в то же время, представляет значительную трудность. Зачастую обучение фонетике сводится к таким традиционным методам, как механическое слушание преподавателя или того или иного аудиносителя и повторение за ним. Однако данный метод в силу его монотонности и однообразия вряд ли может вызвать интерес учащихся, пробудить их познавательную активность. Это приводит к тому, что часто ошибки в произношении не исправляются должным образом и остаются в процессе дальнейшего изучения языка.

В данной статье авторы попытались обобщить опыт преподавания китайской фонетики и предложить несколько игр, которые могут способствовать усилению творческой активности учащихся и выработке у них хороших произносительных навыков, равно как и навыков аудирования. Игровые методы обучения получают всё большее распространение в сфере обучения иностранным языкам в высших учебных заведениях, в средней школе, на курсах повышения квалификации, различных языковых курсах и т. д. Учебные игры применяются на различных этапах обучения и имеют ряд преимуществ перед традиционными методами и формами обучения, главным из которых, на наш взгляд, является следующее: игры повышают уровень мотивации учащихся и помогают преодолеть языковой барьер [2].

Можно отметить, что применение данных игр, а также им подобных, возможно как в начальной или средней школе, так и на первом курсе языкового вуза. Применять их рекомендуется после усвоения учащимися инициалей и финалей китайского языка, которые записываются 25 буквами алфавита *pinyin*, для закрепления изученного материала [1, с. 7]. Разумеется, при этом происходит тренировка не только звуков, прежде всего отсутствующих в русском языке, но и тонов.

1. *Различение инициалей и финалей.* Преподаватель заранее готовит карточки с изображением китайских инициалей и финалей, раздаёт их ученикам (не обязательно каждому ученику только по одной карточке). Затем учитель произносит какое-либо слово, например 山 – «гора» (в этой игре тоны не учитываются), ученик, в течение одной секунды правильно поднявший карточку с нужной инициалью или финалью и правильно прочитавший их вслух, получает один балл. Те ученики, которые не успели поднять карточку вовремя или прочитали финаль или инициаль неправильно, не получают балла. По окончании упражнения ученики объявляют о сумме полученных ими баллов. С помощью этой игры учитель может понять, в какой степени учащиеся овладели инициалами и финалями, научились ли отличать их друг от друга. Учащиеся могут изготовить эти карточки сами, раскрасить инициали и финали в разные цвета, при этом над финалями пока можно не проставлять тоны. Преподаватель же должен заранее продумать, в какой последовательности он будет озвучивать карточки.

2. Изменение звучания слога. 1. Учитель читает слоги с переднеязычными финалями, учащиеся тут же изменяют их на заднеязычные, тон слога при этом не меняется, например:

1) tán – táng; 2) bèn – bèng; 3) bīn – bīng.

2. Учитель читает слог с придыхательными инициалами, ученики заменяют их на непридыхательные, тон также не меняется, например:

1) pǎo – bǎo; 2) tiē – diē; 3) kuài – guài.

3. Учитель читает слоги с инициалами z, c, s, ученики заменяют их на соответствующие инициалы zh, ch, sh, тон не меняется. Однако если в китайском языке отсутствует инициал, соответствующая прочитанной учителем, учащийся заявляет об этом, например:

zè – zhè;

sōng – нет соответствия;

cáng – cháng.

4. Учитель читает один и тот же слог первым и третьим тонами, учащиеся заменяют их на второй и четвёртый, звуковой состав слога остаётся прежним, например:

xiāo – xiǎo;

xiáo – xiào;

huāng – huǎng;

huáng – huàng;

quān – quǎn;

quán – quàn.

Как видно, данная игра предполагает значительное количество вариаций, она позволяет разграничивать сходные по звучанию инициалы и финали, классифицировать их по месту и способу произношения, а также помогает тренировать тоны.

3. Соревнование в написании транскрипции. Весь класс или группа делятся на несколько подгрупп, к доске выходит ученик из какой-либо подгруппы и под диктовку учителя пишет транскрипцию слога или слова. Если правильно написана инициаль, финаль и верно указан тон, он продолжает писать на доске под диктовку, если же допущена хоть одна ошибка, он садится на место и к доске выходит следующий ученик. Победителем считается подгруппа, у которой правильно написано больше слогов или слов. Слог или слово могут быть прочитаны учителем два раза. Данная игра способствует развитию навыка аудирования и написания транскрипции пиньинь.

4. Написание слов по цепочке («хвост дракона»). К доске вызывается ученик, который записывает в транскрипции любое знакомое ему слово, например pínǎo (你好), за ним выходит другой

ученик, который записывает слово, начинающееся с hǎo, например hǎochī (好吃), следующий ученик записывает слово, которое начинается с chī и так далее, например, получается цепочка слов chīfàn (吃饭), fànzuō (饭桌), zhuōzi (桌子), zǐsūn (子孙), sūnnǚ (孙女), nǚrén (女人) ... При этом пока не следует просить ученика записывать слова иероглифами, а только транскрипцией. Если вышедший к доске ученик не может вспомнить слово, ему могут подсказать с места. Таким образом, весь класс или группа по очереди выходят к доске один или два раза, слова желательно не повторять. С одной стороны, учащиеся уже накопили определённый минимальный словарный запас и им есть что повторять, с другой стороны, ещё не сформирован навык написания иероглифов.

5. Устное повторение за учителем. Класс делится на две группы, по одному ученику из каждой группы по отдельности повторяют за учителем двусложное слово, первый ученик читает по буквам первый слог, второй ученик читает так же по буквам второй слог, например, “p-e-n-g, y-o-u” (朋友), при этом не обращается внимание на тоны. Если оба ученика повторили верно, вызываются следующие представители обеих групп. Тот учащийся, который допустил ошибку, выбывает из соревнования. Так повторяют все представители каждой из двух групп. Победителем является группа, в которой из соревнования выбыло наименьшее количество участников. Слова для повторения учителем подбираются заранее в достаточном количестве, темп не должен быть слишком медленным, после того, как слова повторили отдельные участники, их хором повторяет весь класс.

6. Диктант по карточкам. Учитель заранее готовит карточки, на которых написаны в транскрипции двусложные слова (в иероглифике не записываются). Учитель предлагает одному ученику вытянуть карточку, его сосед по парте выходит к доске и под диктовку первого ученика записывает транскрипцию данного слова. При наличии ошибок в чтении или написании слова учитель анализирует ошибку и сам повторяет это слово, добиваясь правильного написания. Если же ошибок нет, начисляется один балл. Так в чтении и написании слов участвует весь класс, желательно, чтобы слова были незнакомыми. Таким образом, учащиеся привыкают слышать не только произношение учителя или диктора, но и своих одноклассников, проверяются навыки чтения и знание транскрипции.

7. Исправление ошибок в транскрипции. Преподаватель пишет на доске иероглифами односложное, двухсложное слово или словосочетание и его заведомо неправильную транскрипцию, учащиеся должны обнаружить ошибку и исправить её, например:

小 shiǎo/xiǎo – неправильно написана инициаль;

叫 diào/jiào – неправильно написана инициаль;

女 nǚ/nǚ – неправильно написана финаль, в финали над и после инициалей n, l ставятся точки;

破 può/pò – неправильно написана финаль;

送 sìòng/sòng – неправильно написана финаль;

西安 Xiān/Xi'ān – нет апострофа между слогами, можно спутать с 先 xiān;

文艺 wéni – в серии u нулевая инициаль записывается буквой w, а не u; i, представляя самостоятельный слог, записывается yi;

论文 luènuén/lùnwén – финаль записывается в виде un, а не uen; нулевая инициаль записывается буквой w;

商店 shàngjiàn/shāngdiàn – в первом слоге неправильно указан тон, во втором неверно записаны инициаль и финаль;

秋天 qiūtiēn/qiūtiān – в обоих слогах неправильно записаны финали.

Ошибки, имеющиеся в приведённых примерах, встречаются часто при изучении китайской транскрипции пиньинь на начальном этапе, на них обязательно следует обращать внимание.

8. Кто напишет больше слов. Учащиеся делятся на две команды (甲, 乙), сначала участник от первой команды пишет на доске какое-либо слово иероглифами и транскрипцией, например: 北京 (Beijing), после этого участник от другой команды от любой буквы в этом слове пишет вниз по вертикали любое слово, начинающееся с этой буквы:

或	B	E	I	J	I	N	G	(北京) – 甲1			
				I							
				E							
				S	H	A	N	G	H	A	I
	Y	O	U	H	A	O		(友好) – 甲2			
				A							
				O							
				(介绍) – 乙1							

Таким образом каждый участник команды пишет по одному слову, за каждое написанное правильно слово команда получает один балл, если же слово написано неправильно, команда не получает баллов, а учитель исправляет ошибку. В случае если участнику удастся написать два слова, команда получает соответственно два балла. Например:

B	E	I	J	I	N	G	(北京) – 甲1
			I		A		
			E		N		
			S		D		
Y	O	U	H	A	O		(友好) – 甲2
			A		N		
			O		G		
			介 绍 乙1		难 懂 乙2		

Когда последние участники из каждой команды заканчивают писать свои слова, подсчитывается общее количество баллов.

9. Кто быстрее ответит. Учитель записывает в левой части доски имена всех учеников. Каждый ученик пытается первым ответить на вопрос учителя. За каждый правильный ответ начисляется один балл, за каждый неверный ответ так же снимается один балл, затем подсчитывается общее количество баллов, набранных каждым учеником. Задание можно варьировать следующим образом:

1. Различение придыхательных и непридыхательных согласных, а также апиально-зубных и смычно-фрикативных согласных и т. д. Учитель записывает в правой части доски:

b-p; j-q; d-t; zh-ch; g-k; z-c.

Затем учитель читает слоги, в которых встречаются данные согласные, ученики поднимают руку и стараются как можно быстрее ответить. Если ученик поднимает левую руку, означает, что слог с непридыхательной инициальной, если правую – с придыхательной. Опять же за каждый правильный ответ ученик получает один балл. Подобное игровое упражнение помогает различать инициали и финали, которые легко перепутать.

2. Различение финалей. Преподаватель читает отдельные слова или словосочетания, учащиеся стремятся как можно быстрее повторить гласные буквы в финалях этих слов, например:

Учитель	mómó;	Ученик	o; o;
	xìnggégé;		i; e;
	zhàoxiàngjī;		a, o; i, a; i;
	dǎlánqiú.		a; a; i, u.

Каждый ученик, который успеет ответить первым, получает балл.

3. Различение тонов. Преподаватель произносит односложные или двусложные слова, ученики называют тоны этих слов, ученик, первым правильно назвавший тон, получает один балл.

Учитель	xīōng;	Ученик	1;
	lǐ;		3;
	gēge;		1; 0;
	Shàngǎi;		4; 3;
	túshūguǎn.		2; 1; 3.

К этому можно добавить различение задне- и переднеязычных финалей и т. д. Как видно из приведённых примеров, игры, применяемые при обучении фонетике китайского языка, весьма просты и не требуют какой-либо сложной технической подготовки, однако они могут быть достаточно эффективным средством стимулирования активности учащихся.

Список литературы

1. Алексахин А. Н. Алфавит китайского языка путунхуа. Буква – фонема – звук речи – слог – слово. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Восточная книга, 2010. – 184 с.
2. “汉语课堂教学技巧与游戏” 周健主编 北京语言大学出版社, 1998 年, 204页.

*Ю. С. Лазарева,
г. Чита, Россия
О. Ц. Соктоева,
г. Чита, Россия*

Символ дракона в языке и культуре Китая

В данной статье рассматривается культурологическая символика образа дракона в китайской культуре, а также особенности фразеологического фонда, в состав которых входит рассматриваемый концепт.

Ключевые слова: *дракон, императорская власть, китайская культура, язык, национальная психология, фразеологизмы*

*Y. S. Lazareva,
Chita, Russia
O. Ts. Soktoeva,
Chita, Russia*

Dragon Symbol in the Language and Culture of China

This article examines dragon symbol in China culture, and also idioms with the hieroglyph “dragon” and specific of using it.

Keywords: *dragon, imperial power, china culture, national psychology, idioms*

Дракон – самый распространённый образ и символ, занимающий ключевое место в китайской культуре. Дракон является самым популярным персонажем в китайской символической традиции. На протяжении 800 лет его образ и влияние проникли во все уголки китайской жизни. У китайского дракона «голова верблюда, рога оленя, глаза демона, чешуя рыбы, когти орла, лапы тигра, уши быка и длинные усы кошки» [1].

Существует множество видов дракона. Например 天龙 – «небесный дракон или небесная стража», его задача оберегать Богов. 神龙 – «божественный дракон который контролирует природу». 地龙 – «земной дракон управляющий водными источниками, обитает на глубине водоёмов». 伏藏龙 – «дракон сокровищница – охраняет драгоценные металлы и камни, живет в пещерах глубоко под землёй».

Дракон символизирует императорскую власть. «Он неизменно появлялся там, где касалась рука, нога или взгляд правителя. Это не ужасный монстр, а воплощение мудрости, миролюбивой силы и доброты, символ живородящих вод» [5]. Основным символом китайского дракона – это доброжелательность. Древние китайцы верили, что драконы населяют все реки, озёра и моря, парят в дождевых облаках. Образ дракона – символ справедливости, дракон как бы наказывает злых людей, он является символом молнии и грома. Гром и молния – своего рода голос и движение дракона. Дракон также символизирует процветание. В древности люди считали, что их процветание связано с рождением сыновей. Цифра «9» в древности считалась самой значимой цифрой. Конечно, это всё условно, поэтому люди верят, что у дракона девять сыновей, которые отличаются друг от друга. Китайцы боготворят дракона, считая себя его потомками.

Танцующий дракон – это своего рода олицетворение добра, счастья и благополучия. В Китае ежегодно проводят праздник Дуань – У (пятое число мая по лунному календарю Китая), во время которого по традиции устраивают «Лодочные гонки». Более того, китайцами отмечается праздник весны и фонарей (15 числа первого лунного месяца). На этом празднике можно увидеть весело танцующих драконов.

Дракон часто изображался вместе с так называемой «пылающей жемчужиной». Пылающая жемчужина увенчивала крыши храмов, головные уборы императоров и даосских священников, а в дни новогодних празднеств, когда на улицах городов и деревень самодельные актёры разыгрывали красочные спектакли – «Танцы дракона», её несли перед раскрытой пастью извивающегося чудовища [4].

Культура и язык имеют тесную связь между собой. Учёт языкового контекста имеет большое значение для освоения вопросов таких смежных дисциплин, как культурология и социология.

Анализ научной литературы позволяет утверждать, что язык тесно связан с мифологией, религией, наукой. Каждый язык отражает определённый способ восприятия к концептуализации мира. В. Б. Касевич считает, что картина мира, закодированная средствами языковой семантики, формирует отношения человека к миру. Каждый язык отражает определённый способ восприятия к концептуализации мира [3].

Культура каждого языка имеет свои особенности, которые влияют на восприятие окружающего мира. Каждый язык создаёт

свою языковую картину мира, отражает своё видение через призму национальной психологии. Национальная психология – это психология людей, принадлежащих к одной нации, охватывает чувства народа, представление о ценностях, понимание морали, религиозные убеждения, понятие души, национальный характер и т. д. Такие учёные-лингвисты, как Л. М. Васильев, Е. М. Верещагин, Г. Д. Томахин, внесли большой вклад в разработку общетеоретических аспектов проблемы язык и культура. Таким образом, гармония в сохранении лица, смирение перед судьбой в цикличном времени и чувство национального превосходства – вот основные характеристики психологии китайского народа, составляющие специфику мышления и поступков китайцев, образующие устойчивый обмен нации в целом [1].

Культура Китая необъятна и многогранна, её аспекты, так или иначе, связаны между собой. Культурная составляющая Китая прочно закреплена в языковом сознании китайцев. Главным отражением китайской культуры, а также той устойчивой системой, которая по сей день хранит в себе многовековой культурный пласт, является непосредственно язык. В китайском языке – это, прежде всего фразеологический фонд.

Фразеологизмы китайского языка имеют своё национальное своеобразие, благодаря чему познаётся образ жизни, характер, культура, традиции китайского народа. Для того чтобы понять происхождение фразеологических оборотов, нужно обратиться к источникам классической и народной китайской литературы: философским трактатам, художественной литературе, легендам, мифам, крылатым словам и выражениям. Существует множество фразеологизмов с участием этих существ, что оказывает влияние на менталитет, воспитание и китайскую культуру народа.

По мнению И. В. Войцехович, фразеологизмы – это ярчайшее отражение национальной культуры, её самобытности и колорита [2]. Чэньюев, в структуру которых входит иероглиф 龙, в китайском языке достаточное количество. В данной статье будут рассмотрены наиболее употребительные в рамках нескольких культурологических аспектов чэньюи.

龙驭上宾 – драконом правя выси посетить (в значении «скончаться» – об императоре, по мифу о Хуан-ди, унесённом драконом на небо). В данном случае идёт отсылка к историческим данным. По некоторым легендам, Хуан-ди жил 300 лет, а в конце жизни

за ним спустился дракон с неба. Хуан-ди ухватился за его ус, сел верхом и улетел в небо. Сподвижники Хуан-ди стреляли в дракона из луков, думая заставить его опуститься, но у них ничего не вышло. Если переводить дословно этот фразеологизм, то получится «дракон возносит почётного гостя» – метафоричное описание смерти императора.

龙飞凤翔 – lóng fēi fèng xiáng – «восшествие императора на престол». Дословно: «дракон летает, феникс парит, то есть восход императора на престол всегда хорошее событие»;

盘龙卧虎 – pán lóng wò hǔ – «талантливый человек, скрывающий свои способности; скромный человек». Дословно: «внешний вид подобный извивающемуся дракону и лежащему тигру; переплетённый дракон и спящий тигр»;

蛟龙得水 – jiāo lóng dé shuǐ – «водяной дракон добрался до воды (в значении «выдающийся человек достиг своих целей; исполнение желаний»). Данный фразеологизм можно употреблять в случаях, когда речь идёт об известных людях, которые достигли успеха;

麟凤龟龙 – lín fèng guī lóng – «о всех хороших качествах людей, единороги и фениксы (в значении: а) «мудрые, талантливые люди»; б) «редкость, диковина»). В древности люди считали, что единорог, феникс, черепаха и дракон метафорично описывают талантливых хороших людей;

望子成龙 – wàng zǐ chéng lóng – «надеяться, что сын станет драконом» (в значении «надеяться на то, что дети добьются успеха в жизни»);

龙生九子 – lóng shēng jiǔ zǐ- «у дракона рождается девять сыновей, и все они разные по виду и характеру» (в значении «хоть и братья, да разные; брат брату рознь»);

叶公好龙 – yè gōng hào lóng – «Егун любит драконов» (в значении «любить лишь на словах; пустые слова, не подкреплённые делом») любовь Егуна к драконам; показная любовь. Князь Егун был известен своей необычайной любовью к драконам. На его стенах, одежде, головных уборах – повсюду были изображены драконы. «Слухи о такой любви достигли самого дракона, прилетев с небес, он расположился на крыше, просунул голову в южное окно, а хвост в северное, увидев настоящего дракона, князь Егун задрожал от страха и поспешил спрятаться»;

龙头蛇尾 – lóng tóu shé wěi – «голова дракона, а хвост змеи» (в значении «громкое начало и бесславный конец»);

老态龙钟 – (lǎo tài lóng zhōng) – 1) «одряхлеть; дряхлый, немощный; старческая дряхлость; старомодные (старинные) манеры, старомодный»; 2) «привычный образ жизни; старая привычка»; 3) «ветхий, дряхлый»;

鱼龙变化 – (yú lóng biàn huà) – «о фундаментальных изменениях»;

龙荒朔漠 – (lóng huāng shuò mò) – «страны с малочисленным населением»; 荒 – «заросший, безлюдный, запущенный». 朔漠 – «северные пустыни, то есть пустынные места». Как мы видим, дракон – это очень важная магическая сущность, которая является неотъемлемой частью культуры. Есть немало фильмов, книг, в которых говорится об этих сильных могучих сущностях, его образ широко используется в народных изречениях.

В ходе нашего анализа было выявлено 75 наиболее употребительных чэньюев, а именно устойчивых выражений, в состав которых входит компонент 龙. Мы распределили их по следующим культурологическим аспектам: императорская власть, символ скромности, символ процветания, олицетворения добра, счастья и красоты, образ фантастического животного, символ старости, дракон и феникс как символ высоконравственных и талантливых людей.

Анализ словарных дефиниций лексемы «龙» и особенности их перевода. Символ Дракона: культурологический аспект и лингвистический аспект.

1. *Императорская власть* (иностранцы называют Китай «Великим драконом Востока»): 凤子龙孙 – fèng zǐ lóng sūn – «потомок императора или аристократа»;

龙驭上宾 – lóng yù shàng bīn – «драконом правя, выси посетить» (в значении «скончаться», об императоре, по мифу о Хуан-ди, унесённом драконом на небо); 真龙天子 – zhēn lóng tiān zǐ – «дракон – сын неба» (об императоре).

2. *Символ скромности*: 潜龙伏虎 – qián lóng fú hǔ – «о великом человеке, который ещё не проявил свои способности»; 盘龙卧虎 – pán lóng wò hǔ – «талантливый человек, скрывающий свои способности; скромный человек».

3. *Символ процветания*: 绣虎雕龙 – xiù hǔ diāo lóng – «владеть могучим литературным талантом»; 龙鸣狮吼 – lóng míng shī hǒu –

«о крепком и величественном голосе»; 生龙活虎 – shēng lóng huó hǔ – 1) «живой дракон и живой тигр»; 2) «ожить, вернуться к жизни, воспрянуть духом, преисполниться жизненных сил»; 3) «бодрый, энергичный».

4. *Олицетворения добра, счастья и красоты*: 飞龙在天 – fēi lóng zài tiān – «в небе летящий дракон» (в значении «предзнаменование появления мудрого владыки»); 龙言凤语 – lóng yán fèng yǔ – «лёгкая и мелодичная музыка»; 麟凤龟龙 – lín fèng guī long – «о всех хороших качествах людей».

5. *Символ семьи*: 望子成龙 – wàng zǐ chéng lóng – «надеяться, что сын станет драконом», в значении «надеяться на то, что дети добьются успеха в жизни»; 龙生九种 – lóng shēng jiǔ zhǒng – «разные вкусы и характеры у братьев»; 龙生九子 – lóng shēng jiǔ zǐ – «у дракона рождается девять сыновей, и все они разные по виду и характеру» (в значении «хоть и братья, да разные; брат брату рознь»); 乘龙快婿 – (chéng lóng kuài xù) – «хороший зять, преуспевающий зять».

6. *Фамилии и имена*: 叶公好龙 – yè gōng hào lóng – «Егун любит драконов» (в значении «любить лишь на словах; пустые слова, не подкреплённые делом») «любовь Егуна к драконам; показная любовь».

7. *Образ фантастического животного (рыба, зверь, птица)*: 龙神马壮 – lóng shén mǎ zhuàng – «иметь такой же дух, как у коня; крепкий как конь»;

白龙鱼服 – bái lóng yú fú – «белый дракон в обличье рыбы» (в значении: а) «назвавшись груздем – полезай в кузов»; по притче о белом драконе, принявшем обличье рыбы; рыбака стрелял в него, на что дракон пожаловался верховному владыке; последний оправдал рыбака; б) «инкогнито, о большом человеке»).

龙蟠虎踞 – lóng pán hǔ jù- [где] «свернулся дракон и притаился тигр» (о неприступной и опасной местности);

鱼龙混杂- yú lóng hùn zá – «перемешались рыбы и драконы» (в значении «пёстрая смесь, всевозможные, всяческие; попадаются всякие люди, попадаются сомнительные личности»);

跨凤乘龙 – kuà fèng chéng long – досл. «оседлать феникса, верхом на драконе» (в значении «быть всегда и везде вместе; вместе жить, вместе летать»). 龙潭虎穴 – lóng tán hǔ xué – «пучина дракона» [и логово тигра] (об опасном месте);

鱼质龙文 – yú zhì lóng wén – «сущность рыбы, а узоры драконы» (в значении «ворона в павлиньих перьях; одна видимость; показуха»).

8. *Символ старости*: 老态龙钟 (lǎo tài lóng zhōng) – «одряхлеть; дряхлый, немощный; старческая дряхлость»; 老迈龙钟 (lǎo mài lóng zhōng) – «о дряхлом старом человеке».

9. *Дракон и феникс как символ высоко нравственных и талантливых людей*:

龙眉凤目 – lóng méi fèng mù – о красивых, неординарных людях; 凤表龙姿 – fèng biǎo lóng zī – о красивом внешнем виде; 龙骧凤矫 – lóng xiāng fèng jiǎo – «быстрые и сильные движения»; 打凤捞龙 – dǎ fèng lāo lóng – «поиск талантливых людей»; 龙盘凤逸 – lóng pán fèng yì – «иметь талант, но не иметь возможности (воспользоваться им), непризнанный талант»; 凤髓龙肝 – fèng suǐ lóng gān – «на редкость красивый»; 龙章凤姿 – lóng zhāng fèng zī – «царственный облик, поза феникса» (в значении «красавец, мудрец»); 凤翥龙蟠 – fèng zhù lóng pán – «быстрый и сильный (о человеке)»; 凤鸣龙吟 – fèng míng lóng yīn – «о звонком и громком голосе».

10. *Экономика, политика и общественность*: 直捣黄龙 (zhí dǎo huáng lóng) – «ударить прямо по жёлтому дракону» (захватить столицу противника);

鱼龙变化 (yú lóng biàn huà) – о фундаментальных изменениях; 配套成龙 (pèi tào chéng lóng) – «заполнить пробелы, чтобы завершить цепочку» (оборудования); 龙荒朔漠 (lóng huāng shuò mò) – «страны с малочисленным населением»; 画龙点睛 (huà lóng diǎn jīng) – «нарисовав дракона, пририсовать ему зрачки» (в значении «добавить решающий штрих, подчёркивать суть; выделять главное»); 人中龙虎 – rén zhōng lóng hǔ – «герой среди людей».

Путём анализа чэньюев установлено, что культурный аспект «императорская власть, скромность, добро, счастье, процветание» является преобладающим по количеству устойчивых выражений, и именно поэтому данные аспекты особо значимы в описании символики дракона. В ходе исследования обнаружены фразеологизмы, которые относятся к фантастическим животным, особенно сочетание таких животных, как дракон и феникс, а также чэньюи, употребляющиеся в политических, экономических и общественных сферах. В отрицательной коннотации выявлен лишь один аспект – это «старость».

Таким образом, на основе проведённого исследования можно сделать вывод, что изучении фразеологического фонда занимает важное место при изучении китайского языка. Анализ их показывает, что в семантике одного образа заключены особенности национальной специфики и культуры Китая.

Список литературы

1. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика: учеб. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
2. Войцехович И. В. Практическая фразеология СКЯ: учебник. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 509 с.
3. Касевич В. Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность // Язык и когнитивная деятельность. – М.: Наука. 1989. – С. 8–18.
4. Лисевич И. С. Мозаика древнекитайской культуры. – М.: Восточная литература РАН, 2010. – 446 с.
5. Малиновский Б. Научная теория культуры = Scientific Theory of Culture / пер. И. В. Утехин. – 2-е изд., испр. – М.: Объединённое гум. изд-во, 2005. – 184 с.
6. Готлиб О. М., Му Хуанн. Китайско-русский фразеологический словарь М.: Восток – Запад, 2007. – 608 с.

УДК 811.581

ББК Ш171.11–36

В. С. Наумова,

г. Москва, Россия

С. А. Симатова,

г. Москва, Россия

Образы из классического романа «Путешествие на Запад» в недоговорках-иносказаниях современного китайского языка

Статья посвящена проблеме образности фразеологических выражений в китайском языке. Предметом исследования выступает роль ключевых образов из классического романа «Путешествие на Запад» в формировании значений недоговорок-иносказаний современного китайского языка. Выявляется связь между отличительными чертами образов Сюаньцзана, Сунь Укуна, Чжу Бацзе, Ша Сэна и значениями соответствующих недоговорок-иносказаний, имеющих в основе данные образы. В ходе исследования обнару-

жено, что образы из романа «Путешествие на Запад» существенно обогатили фразеологический состав современного китайского языка. Характерные для персонажей романа черты получили описание в многочисленных недоговорках-иносказаниях, которые теперь могут использоваться для указания на схожие качества и особенности поведения людей в соответствующих ситуациях общения.

Ключевые слова: *современный китайский язык, недоговорка-иносказание, образ, образность, роман «Путешествие на Запад»*

V. S. Naumova,

Moscow, Russia

S. A. Simatova,

Moscow, Russia

Images of the Characters from the Classic Chinese Novel “Journey to the West” in Two-Part Allegorical Sayings of Modern Chinese

The paper is dedicated to the problem of imagery of Chinese phraseological expressions. The subject of the current study is the role of key images from the classic Chinese novel “Journey to the West” in the formation of meanings of two-part allegorical sayings of modern Chinese. The authors reveal the connection between the distinguishing features of Xuan Zang, Sun Wukong, Zhu Bajie, Sha Seng and the meanings of corresponded two-part allegorical sayings based on these images. It is found out that images from the novel “Journey to the West” have enriched phraseology of modern Chinese. The characters from the novel have been described in different two-part allegorical sayings, which now can be used for the description of the people with similar features and behaviour in corresponded communicative situations.

Keywords: *modern Chinese, two-part allegorical saying, image, imagery, the novel “Journey to the West”*

Образ – междисциплинарное понятие, и в самом общем смысле оно представляет собой ментальное отражение предмета или явления действительности в сознании индивида [3, с. 50]. Понятие образа тесно связано с образностью, которая в лингвистике понимается как способность языковой единицы возбуждать в сознании индивида чувственный образ [Там же, с. 51]. Фразеологизмы любого языка отличаются ярко выраженной образностью, при этом стоящие

за этими фразеологизмами образы могут олицетворять как объекты реального мира, так и персонажи и предметы, заимствованные из фольклора или художественных произведений. С одной стороны, образность может стать препятствием на пути понимания смысла фразеологизма, но с другой стороны может помочь более точно раскрыть этот смысл.

Ма Гофань (马国凡) выделяет в современном китайском языке следующие разряды фразеологизмов: чэньюй (成语) – идиома, яньюй (谚语) – пословица, сехоуэй (歇后语) – недоговорка-иносказание, гуаньюньюй (惯用语) – фразеологическое сочетание и суюй (俗语) – поговорка [по: 2, с. 17]. Сехоуэй, или недоговорки-иносказания (далее недоговорки), – специфический для китайского языка тип фразеологизмов. Недоговорки представляют собой двучленные изречения, в которых первая часть есть иносказание, а вторая – раскрытие этого иносказания [5]. Среди недоговорок современного китайского языка немало таких, в основе которых лежат образы персонажей из классических китайских романов, в том числе из фантастического романа «Путешествие на Запад». Ранее уже предпринималась попытка анализа недоговорок с именами собственными на примере имён из романа «Путешествие на Запад» [1], однако описание касалось преимущественно недоговорок только с именем одного из главных персонажей – Сунь Укуна. Цель нашей статьи состоит в раскрытии роли образов четырёх основных героев романа «Путешествие на Запад», а именно Сюаньцзана (玄奘), Сунь Укуна (孙悟空), Чжу Бацзе (猪八戒) и Ша Сэна (沙僧), в формировании значений недоговорок современного китайского языка¹⁴.

Сюаньцзан (Танский монах, Трипитака) – это образцовый монах-буддист, отправленный императором за священными книгами на Запад. Недоговорки, в которых встречается этот образ, могут указывать на целеустремлённость и собранность человека, например: 唐僧念书—一本正经 (Танский монах читает книгу – настоящий канон); 唐僧取经 – 一心一意 (Танский монах добывает священные книги – стремится всей душой и помыслами). Можно выделить и другие значения, передаваемые недоговорками с образом Сюаньцзана. Например, Сюаньцзан из-за своей наивности иногда попадался на уловки злых духов и демонов, поэтому появилась не-

¹⁴ Анализ недоговорок выполнялся с опорой на оригинальный и переводной тексты романа «Путешествие на Запад» [4; 8]. Для поиска и толкования смысла недоговорок использовались китайские интернет-ресурсы [6; 7].

договорка, указывающая на наивность и неразборчивость человека: 唐僧的眼睛 – 不识好坏人 (*Глаз Танского монаха – не знаю, кто хороший, а кто плохой*). Существуют также недоговорки, отражающие слабость человека и его зависимость от других, например: 唐三藏取经 – 全靠孙猴子 (*Трипитака добывает священные книги – во всём полагается на Обезьяну Суня*).

Недоговорки, в которых используется образ Сунь Укуна (Великого Мудреца, Обезьяны Суня), раскрывают способность этого героя легко отличать ложь от правды, соответственно, могут указывать на проницательного человека, например: 孙悟空的眼睛 – 火眼金睛 (*Глаза Сунь Укуна – огонь и металл*). В современном китайском языке отдельно функционирует вторая часть недоговорки, характеризующая бдительного человека, который способен различить тайное и явное. Сунь Укун имеет волшебный дар перевоплощения (в романе у него 72 ипостаси), что отражено в следующей недоговорке: 孙猴子的脸 – 说变就变 (*Лицо Обезьяны Суня – чуть что, сразу меняется*). Сейчас эта недоговорка используется для описания характера непредсказуемого человека. Существуют и другие недоговорки, подчёркивающие своенравность Сунь Укуна, например: 孙大圣听见紧箍咒 – 头痛 (*Великий Мудрец услышал заклятие «сжатия обруча» – голова болит*). Эта недоговорка связана с историей о том, как бодхисатва Гуаньинь помогла Сюаньцзану придумать способ контролировать Сунь Укуна, надев на голову Сунь Укуна золотой обруч. Стоило монаху прочитать заклинание, как обруч на голове Сунь Укуна начинал сжиматься, принося ему сильную боль. Недоговорка выражает мысль о том, что иногда обстоятельства могут диктовать человеку свои правила, которым он не в силах перечесть.

Чжу Бацзе стал одним из самых известных в народе персонажей романа из-за своих многочисленных недостатков, которые высмеиваются в образных выражениях. Прежде всего, это уродливая внешность Чжу Бацзе, в связи с чем возникла недоговорка 猪八戒戴花 – 丑人多作怪 (*Чжу Бацзе нацепил цветок – до чего странный уродец*). Так говорят о безобразном человеке, напрасно пытающемся приукрасить себя. На контрасте уродства и красоты построена недоговорка 猪八戒拉着西施拜天地 – 压根不配 (*Чжу Бацзе тащит красавицу Си Ши к алтарю – ни разу не достоин*). Она используется для описания человека, амбиции которого не равноценны его возможностям. Недоговорка 猪八戒照镜子 – 里外

不是人 (Чжу Бацзе *смотрится в зеркало – не человек ни внутри, ни снаружи*) употребляется в ситуации, когда кто-то имел благие намерения, но только всё испортил. Помимо внешнего безобразия в некоторых недоговорках указывается на безобразие поступков Чжу Бацзе, например: 猪八戒吃人参果 – 不知其味 (Чжу Бацзе *съел плод женьшенинового дерева – не различает его вкуса*). Эта недоговорка используется для того, чтобы указать на неосведомлённость человека в каких-то вопросах, на непонимание истинной ценности вещей.

Ша Сэн – самый преданный спутник Сюаньцзана. Он не вспыльчив, как Сунь Укун и Чжу Бацзе, а всегда собран и спокоен. По внешности не скажешь, что Ша Сэн обладает незаурядными интеллектуальными способностями, однако на самом деле он осведомлён о многих вещах. Поэтому недоговорки с образом Ша Сэна используются для указания на умных и образованных людей, которые на первый взгляд таковыми не кажутся, например: 沙僧读书 – 竟是识字的 (Ша Сэн *читает книгу – на удивление грамотен*). В пути за сутрами все бытовые заботы обычно оставались на плечах Ша Сэна, поскольку Сунь Укун и Чжу Бацзе занимались решением проблем, возникающих при встречах на дороге. Однако Ша Сэн не пытался найти предлог, чтобы избавиться от своей ноши. Поэтому возникла недоговорка, которая указывает на принципиальных и ответственных людей, не бросающих запросто свои обязанности: 沙僧挑行李 – 义不容辞 (Ша Сэн *взял вещи на плечи – долг не позволяет отказаться*). Иногда Ша Сэн практически полностью растворяется в повествовании, однако в нужный момент он всегда готов проявить свои способности. Про человека, который внешне весьма неприметен, но на самом деле имеет скрытые таланты и внутреннюю красоту, говорят: 沙僧喝磨刀水 – 有内锈 (Ша Сэн *пьёт воду из-под точильного камня – внутри есть ржавчина*). Вторая часть недоговорки построена на созвучии (xiù) иероглифов 锈 (ржавчина) и 秀 (прекрасный).

Приведённые в статье примеры китайских недоговорок-иносказаний, на наш взгляд, позволяют продемонстрировать то, что образы из романа «Путешествие на Запад» сыграли немалую роль в пополнении состава фразеологических единиц современного китайского языка. Вокруг каждого образа сформировалась своя группа недоговорок, которым присуща некоторая общность значений, связанная с чертами характера и особенностями поведения соот-

ветствующего персонажа. Образ примерного последователя Будды Сюаньцзана стал основой для недоговорок, указывающих с одной стороны на целеустремлённость, серьёзность и доброту человека, а с другой – на его наивность и желание положиться на других. Недоговорки, в которых используется образ героя-пройдохи Сунь Укуна, указывают на такие положительные человеческие качества, как находчивость и проницательность, но также могут подчёркивать своенравное и непредсказуемое поведение человека. Образ ленивого обжоры Чжу Бацзе помогает иронично описывать человеческие недостатки, а образ уравновешенного Ша Сэна даёт начало недоговоркам про людей спокойных, верных долгу и обладающих немалыми способностями, несмотря на внешнюю неприметность.

Список литературы

1. Афанасьева М. П. Анализ употребления недоговорок-иносказаний 歇后语 сехоуяу с именем собственным на материале китайского классического романа «Путешествие на Запад» // Филологические науки: вопросы теории и практики. – 2017. – № 2-2. – С. 73–77.
2. Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка: учебник. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 509 с.
3. Жогова И. Г. Образ vs образность: концептуальное содержание // Язык: мультидисциплинарность научного знания: научный альманах / под ред. О. В. Труновой. – Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2009. – С. 48–55.
4. У Чэньэнь. Путешествие на Запад / пер. с кит. А. Рогачева. – М.: Гослитиздат, 1959. – Т. 1–4. – 2332 с. – URL: <http://www.nhat-nam.ru/biblio/west1.html> (дата обращения: 08.05.2019). – Текст: электронный.
5. Фразеология в китайском языке / К. В. Барчукова, А. В. Пескова, Е. И. Подкидышева, В. Э. Скромных // Молодой учёный. – 2015. – № 18. – С. 514–517.
6. 百度知道. – URL: <https://www.zhidaobaidu.com> (дата обращения: 28.08.2019). – Текст: электронный.
7. 歇后语大全. – URL: <http://www.xhy.5156edu.com/page/18398.html> (дата обращения: 28.08.2019). – Текст: электронный.
8. 语文资源网. 吴承恩. 西游记. – URL: <http://www.eywedu.com/Xiyou/01/index.html> (дата обращения: 27.08.2019). – Текст: электронный.

УДК 8.82.82–21
ББК 7.74

*Ю. Н. Олейникова,
г. Чита, Россия
Чжан Минхуа,
г. Харбин, Китай*

Проявление китайских концептов культуры в романе Эми Тан «Клуб радости и удачи»

В данной статье предпринята попытка анализа китайских концептов культуры в романе Эми Тан «Клуб радости и удачи», а также анализа проблемы столкновения культур. В работе раскрывается проблема разрыва поколений, так как повествование в романе строится на различии культурных ценностей младшего и старшего поколений. Роман «Клуб радости и удачи» написан американской писательницей китайского происхождения, произведения которой часто посвящены взаимоотношениям дочери и матери, проблеме идентичности китайцев в Америке.

Ключевые слова: *концепт культуры, китайская культура, мультикультурализм в литературе, современная литература, потеря лица, разрыв поколений в литературе*

*Y. N. Oleynikova,
Chita, Russia
Zhang Minghua,
Harbin, China*

The Manifestation of Chinese Cultural Concepts in the Novel by Amy Tan “The Joy Luck Club”

This article attempts to analyze Chinese concepts of culture in Amy Tan's novel Club of Joy and Good Luck, as well as an analysis of the problem of cultural clashes. The work also analyzes the problem of generation gap, since the narrative in the novel is based on the difference in cultural values of the younger and older generations. The novel “Club of Joy and Fortune” was written by an American writer of Chinese descent, whose works are often devoted to the relationship between her daughter and mother, the problem of Chinese identity in America.

Keywords: *Chinese concept of culture, multiculturalism, modern literature, loss of face, generation gap in literature*

В произведении американской писательницы китайского происхождения Эми Тан мы можем наблюдать две культуры, а точнее их столкновение. В ходе анализа романа чётко прослеживается, что на протяжении всей жизни дочь эмигрантов из Китая в Америку Цзиньмэй пыталась противостоять своей матери, которая хотела, чтобы она жила по китайским традициям и имела китайское сознание. Различное отношение к традициям затрудняет общение между матерью и дочерью, рождённой в Америке.

По нашему мнению, данная ситуация характеризует множество семей, находившихся в подобных обстоятельствах. Родившись в стране, где поощряется свобода личности и многообразие религий, Цзиньмэй не готова принять ценности и обычаи своей матери. Автор изображает конфликт между убеждениями и ценностями поколений, показывая те трудности, с которыми сталкиваются иммигранты в стремлении передать национальную культуру своим потомкам. Мать неизмеримо верила и надеялась, что у дочери найдётся хоть один талант, и каждый день всеми силами пыталась отыскать его. Тем не менее, когда дочь в очередной раз увидела разочарование на лице матери, она поняла, что больше не хочет потакать ей. Девочка стала протестовать против того, чтобы мать меняла её и её характер. Однако это не остановило мать, она лишь хотела, чтобы дочь приложила хоть немного стараний, она не понимала, как можно игнорировать и не ценить всё то, что она делала. У китайцев сложилось в сознании то, что нужно непременно стараться, усердно учиться, работать для того, чтобы достичь своей цели и чего-то добиться в жизни. Это связано и с конфуцианством (этико-философским учением, разработанным Конфуцием, 553–480 до н. э.) [1].

Одно из изречений Конфуция гласит, что человек непременно должен совершенствоваться и учиться на протяжении всей жизни. Это связано с тем, что в Китае из-за высокой плотности населения существует большая конкуренция, в связи с этим каждый китаец с детства знает, что ему нужно приложить огромные старания, чтобы чего-то достичь. Однако дочь с рождения росла в США, поэтому у неё не было таких взглядов и убеждений. Девочка является представителем уже совсем другой культуры, которая не навязывала лю-

ням, как нужно себя вести и что делать, наоборот, поощряла личную инициативу и личное мнение.

В произведении также прослеживается такое понятие китайской культуры, как боязнь «потери лица» в разговоре между мамой девочки и её подругой Линьдо, дочь которой была самой юной чемпионкой в Чайнатауне. Когда тётя Линьдо начала «жаловаться», но на самом деле хвастаться победами дочери («Обе говорили громко, с хвастливыми интонациями, предназначенными для слуха окружающих...»), и тем, что дочь приносит домой одни призы и только и делает, что занимается шахматами («Она слишком много призов приносит домой»), она как бы намекнула, что её дочь никакими талантами не обладает, выразив это словами: «Ты счастливица, что не имеешь такой проблемы» [4]. Тем не менее мама Цзиньмэй не растерялась и несмотря на то, что это в какой-то степени было правдой, опровергла слова подруги и даже соврала: «Наша проблема хуже вашей. Мы просим Цзиньмэй мыть посуду, она кроме музыки не ничего слышит. Этот прирождённый талант сдержат нам нет сил» [Там же]. Для каждого китайца «лицо» имеет огромное значение. Потерять его, значит потерять всё. Поэтому китайцы уделяют большое внимание своему поведению. Мама Цзиньмэй не позволила себе «потерять лицо», а также и не позволила подруге намекать на бездарность дочери. Тем не менее, дочь расценила такое поведение матери как «глупое бахвальство». Лицо и самолюбие в китайской культуре – близкие по значению понятия, однако между ними есть грань. Лицо – это более широкое понятие, нежели самолюбие. Лицо включает в себя самолюбие, безрассудство и другие вещи, в том числе негативной окраски. Различия в культурах и обычаях по-разному отражаются на национальном характере. Характеры людей формируются под воздействием культуры и истории той или иной страны. Так, наибольший отпечаток на характер китайца наложило конфуцианство, и это до сих пор проявляется во всех сферах их жизни. Не трудно обнаружить, что китаец никогда не обнажает свои истинные чувства, всегда ведёт себя скромно и больше всего боится «потерять лицо» [3, с. 180–181].

В конечном итоге все мамины старания и противостояние девочки выливаются в серьёзный конфликт, в котором мать даже прибегла к физической силе: «Дёрнув меня за руку, она приподняла меня с пола и выключила телевизор. Почти волоком она перетаскала меня к пианино. Проявление силы с её стороны напугало

меня». В древности, если китайский ребёнок перечил родителям, со стороны он выглядел невежливым, более того, мог быть побитым. Сейчас ситуация немного изменилась. Большинство родителей могут просто сказать ребёнку, что допустимо, а что нет. Однако, конечно, остались и те, кто придерживается старых традиций, то есть могут и отругать, и побить. Цзиньмэй росла в США, где запрещается применение физической силы, поэтому она не ожидала такого поведения от матери.

На протяжении всей жизни дочь пыталась противостоять советам матери и не верила, что сможет стать тем, кем захочет. После конфликта у фортепиано были и другие разногласия: «Это был не единственный раз, когда я её разочаровала. В последующие годы я часто не оправдывала её надежд, каждый раз, отстаивая свое собственное мнение, своё право не оправдывать ожиданий. Я не стала отличницей. Я не стала старостой класса. Я не поступила в Стэнфорд. Я не доучилась в колледже» [4].

Фортепиано здесь выступает сначала как ядро раздора, но в конце, когда мать просит дочь забрать его, Цзиньмэй воспринимает его как «отвоёванный трофей», а предложение забрать его – как «символическое прощение». Смерть как символ здесь предстаёт в одном из своих традиционных толкований, а именно в значении возрождения через гибель, через полное разрушение чего-либо. Удивительно, что мать девочки за исключением того раза всегда проявляла сдержанность. Каждый народ обладает характерным для своей нации набором черт или качеств характера. У китайцев одной из таких характерных черт является сдержанность. Можно сказать, что именно сдержанность является основной характеристикой национального характера китайцев.

Что касается названия произведения – «Клуб радости и удачи», не удивительно, что автор использует лексемы «радость», «удача». У китайцев очень популярна одна фраза «任何事情要做开心, 开心就好了», что в переводе означает «Любое дело выполняй с радостью, это и есть хорошо». Веселье и радость – это, по мнению китайцев, главные эмоции, которые нужно испытывать, ведь это очень важно.

На примере взаимоотношений истории Цзиньмэй и её мамы автор поднимает проблему разрыва поколений, при этом повествование в романе строится на различии культурных ценностей младшего и старшего поколений. Автор показывает, что проблема

отношений между матерями и дочерьми сложна, потому как два поколения принадлежат к разным культурам. Эми Тан неоднократно акцентирует внимание читателя на плохом английском языке матери. Попытки эмигрантов передать свою национальную культуру потомкам оказываются несостоятельными. Во многих случаях матери не могут передать своё мироощущение на не очень хорошем английском, поэтому у дочери остаётся неполное и иногда неверное понимание культурных традиций.

Список литературы

1. Дик П. Ф. Основы культурологии: учебный комплекс. Ч. 1. Теоретический курс. – Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 384 с.
2. Культурология: учебник / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. – М.: Высшее образование, 2007. – 566 с.
3. Сюй Х. Особенности китайского национального характера // Молодой учёный. – 2011. – Т. 2 ч. 1, № 2. – 220 с.
4. Текст произведения «Клуб радости и удачи». – URL: <https://www.nice-books.ru/books/proza/sovremennaja-proza/120718-emi-tan-klub-radosti-i-udachi.html> (дата обращения: 02.09.2019). – Текст: электронный.

УДК 821 (470+571:510)

ББК Ш 44 ((2=411.2)6:5 Кит

***В. Н. Соловьёва,**
г. Чита, Россия*

Современная российская литература в Китае

В статье рассматриваются вопросы актуальности современной русской литературы для китайских читателей. Дается описание шагов, предпринимаемых правительством КНР для поддержания интереса к современной российской литературе, анализируется место современной российской литературы на книжном рынке Китая.

Ключевые слова: *современная российская литература, книжный рынок Китая*

Modern Russian Literature in China

The article investigated the value of Modern Russian Literature for Chinese readers. The article describe how The Chinese People's Government is promoting Modern Russian Literature reading and analyzes the place of Modern Russian Literature in Chinese book market.

Keywords: *Modern Russian Literature, Chinese book market*

Начиная с конца XX века, Китай прочно занимает первое место в мировом рейтинге самых читающих стран мира. В 2016 году оборот книжного рынка Китая составлял от 20 до 23 млрд долл. США [4], в 2018 году, по сообщениям агентства «Синьхуа», эта цифра возросла до 54 млрд долл. [5]. 45% продаж всех электронных книг в мире приходится на долю Китая, 58, 4% населения Китая регулярно читают книги (около 812 млн чел.), более 80% китайцев читают книги минимум по полчаса каждый день, 50% прочитывает больше 10 книг за год. В последние годы в Китае появилось такое понятие как «книжная революция».

Причиной этого явления является быстрое экономическое развитие Китая, повлекшее за собой высокие темпы урбанизации и увеличение прослойки хорошо образованного среднего класса. Кроме того, правительство Китая постоянно предпринимает шаги, направленные на поддержание издательского дела и развитие книжного рынка в стране. Так, в частности, с 2016 года реализуется государственная программа, направленная на поддержку книжных магазинов, как частных, так и государственных. Все провинции, автономные районы и муниципальные округа принимают соответствующие действия по развитию книжной отрасли. Например, правительством Пекина в 2018 году было выделено 50 млн юаней на поддержку 151 книжного магазина в столице Китая.

Безусловно, в настоящее время в Китае, как и во всём мире, наблюдается огромный интерес к западной, прежде всего американской и английской литературе. Современная китайская молодёжь уже мало знакома с классиками русской и советской литературы, на произведениях которых воспитывалось старшее поколение китайских читателей. Причин снижения интереса к современной российской литературе множество. Это и процессы вестернизации,

оказывающие влияние на весь мир, и вследствие этого неизменный интерес к западному образу жизни и продуктам западной культуры, идеологические расхождения, снижение качества переводов художественной литературы с русского языка на китайский, вызванное снижением востребованности русского языка по сравнению с английским и уменьшением количества специалистов-славистов.

Тем не менее, правительство КНР предпринимает ряд эффективных мер по продвижению современной российской литературы на китайский книжный рынок. В основном русскоязычных авторов отбирают из числа победителей и номинантов известных российских премий в области литературы, таких как «Русский Букер», «Большая книга», «Национальный бестселлер». Среди основных тем, привлекающих современного китайского читателя: терроризм и борьба с ним, криминал, проблемы российской молодёжи, острые социальные вопросы, фэнтези. В китайских школьных программах по литературе доля русскоязычных авторов значительно снизилась, как и доля иностранных писателей вообще (доля иностранной литературы в школьной программе составляет 10%). Это связано с ограничением в Китае иностранного присутствия на литературном рынке страны. Китайские школьники в основном знакомятся с советской военной прозой и русской классической литературой.

В мае 2013 года в Москве в рамках глобального проекта «Русская библиотека» между Россией и Китаем был подписан меморандум о переводе и издании лучших произведений классической и современной русскоязычной литературы в Китае и китайской литературы в России. Проект предусматривает активное участие обеих стран в книжных ярмарках, обмен делегациями писателей и издателей [3]. За шесть лет, прошедших со времени подписания меморандума, в Китае было издано уже более 90 произведений российских авторов.

В 2010 году в Китае началась реализация проекта «21世纪年度最佳外国小说» («Лучшие мировые произведения XXI века»), осуществляемого издательством «Народная литература» («人民文学出版社»). В рамках этого проекта отбираются специальной комиссией и издаются произведения иностранных писателей, написанные с 2001 года. Количество отобранных за один год произведений не должно превышать 8 книг. Эти произведения должны иметь историческое и общественное значение и обладать высокой художественной и эстетической ценностью. Среди 74 уже изданных

произведений европейских, американских и азиатских писателей в первую тройку по количеству отобранных произведений входят: Франция (11 книг), Россия (10 книг), Америка (9 книг) [1]. Среди русскоязычных романов были изданы романы Юрия Полякова «Замыслил я побег», Людмилы Улицкой «Искренне Ваш Шурик» (премия «Лучшая проза», 2004 г.), Михаила Шишкина «Венерин волос» (премии «Национальный бестселлер», 2005 г., «Большая книга», 2006 г.), «Возращение в Панджруд» Андрея Волоса («Русский Букер»), Владимира Сорокина «Метель» (2-е место премии «Большая книга», 2010 г.) и др.

Успехом у китайских читателей пользуется роман современной российской писательницы Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» (читательский рейтинг 9,2 из 10). Этот роман в 2015 году получил литературную премию «Большая книга» и переведён на 18 языков мира.

Роман Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана», рассказывающий о судьбе простой русской женщины, вынужденной застрелить насильника своей дочери, в 2005 году победил в Китае на конкурсе «Лучший зарубежный роман XXI века». В 2006 году роман о современных русских революционерах «Санькя» российского писателя Захара Прилепина был удостоен премии «Лучшее зарубежное произведение».

На прошедшей в 2019 году с 21 по 25 августа 16-й Пекинской международной книжной ярмарке был представлен обширный ассортимент российских издательств. Наградой China Special Book Award был награждён советский и российский востоковед Юрий Тавровский, автор книг о Китае – «Си Цзиньпин. Новая эпоха» (2018 г.), «Новый Шёлковый путь. Главный проект XXI века» (2017 г.), «Си Цзиньпин: по ступеням китайской мечты» (2015 г.) и др.

На Международном литературном форуме «Русская литература XX–XXI веков», проходившем в Шанхае в июле 2019 года, было отмечено, что благодаря политическому курсу «Один пояс – один путь» наблюдается новый виток интереса к современной российской литературе как источнику взаимного понимания, дружбы и доверия народов двух стран [2].

Таким образом, несмотря на вызванное рядом объективных причин снижение интереса китайских читателей к современной русской литературе, благодаря усилиям правительств двух стран,

китайские и русские читатели имеют возможность приобщиться к наиболее ярким произведениям современных писателей, тем самым лучше понять процессы, происходящие в обществе. На российском книжном рынке заметно увеличение количества произведений современных китайских писателей. Эти книги вызывают интерес не только у людей, занимающихся китайским языком, но и у обычных читателей, стремящихся понять процессы, происходящие в современном Китае.

Список литературы

1. 21世纪年度最佳外国小说. – URL: <https://www.baike.baidu.com/item/21世纪年度最佳外国小说> (дата обращения: 12.08.2019). – Текст: электронный.

2. В Шанхае открылся IX Международный форум «Русская литература XX–XXI веков». – URL: <https://www.tass.ru/obschestvo/6637619> (дата обращения: 12.08.2019). – Текст: электронный.

3. Глобальный проект «Русская библиотека» стартует подписанием Меморандума между Россией и Китаем. – URL: <http://www.farpmc.ru/rospechat/newsandevents/newsagency/2013/05/item6.html> (дата обращения: 12.08.2019). – Текст: электронный.

4. China boasts more bookstores, increasing. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-01/09/c_137731040.htm (дата обращения: 12.08.2019). – Текст: электронный.

5. Overview of the Chinese Book Market. – URL: <https://www.publishdrive.com/overview-chinese-book-market> (дата обращения: 12.08.2019). – Текст: электронный.

УДК 008:81(510)
ББК Ю3:53.59: Ш10.063(5Кит)

*Н. К. Шабельская,
г. Чита, Россия
О. Ц. Соктоева,
г. Чита, Россия*

Особенности перевода китайских препаратов

В статье определяются принципы лекарствоведения в китайской культуре и выделяются особенности перевода китайских препаратов на примере некоторых медицинских препаратов.

Ключевые слова: *традиционная китайская медицина, особенности перевода в медицинской сфере, медицинский текст, китайские препараты*

*N. K. Shabelskaya,
Chita, Russia
O. Ts. Soktoeva,
Chita, Russia*

Translation Specificity of Chinese Medicines

This article defines the principles of pharmacology in Chinese culture and highlights features of translation of Chinese medicines on the example of some medical products.

Keywords: *traditional Chinese medicine, translation features in the medical sphere, medical text, special translation, Chinese medication*

Медицинский текст – это специальная медицинская публикация или текст частного характера, содержание которого непосредственно связано со здоровьем человека. Специфика научных медицинских текстов заключается в их предназначении для узкого круга специалистов в области медицины [3].

Перевод медицинских текстов требует от переводчика высокого уровня владения как родным, так и иностранным языком, обладания аналитическими способностями, а также хорошего знания культурных особенностей тех народов, с которыми он работает. Наряду с этим он должен владеть базовыми врачебными знаниями (химия, биология, фармакология, психологии и др.), медицинской термино-

логией, уметь пользоваться специальными словарями, постоянно проводить исследования с целью подбора наилучших эквивалентов в языке перевода [2].

Перевод медицинских текстов должен осуществляться профессиональными лингвистами, что позволит достичь высокого качества переводимого материала. Кроме того, вся информация, содержащаяся в документах, должна быть проверена специалистами медицинского профиля. Перевод медицинских препаратов, в особенности традиционной китайской медицины – один из самых востребованных видов перевода, в то же время один из самых сложных и ответственных.

Выделим некоторые особенности перевода китайских лекарств. Названия растений в Поднебесной называли по-своему, становление названий развивалось вне системы латинских наименований, более того, наименования варьировались по всему Китаю, в зависимости от провинции. Эти названия формировались из следующих наблюдений:

- исходя от цвета и размера («Большой жёлтый» 大黄 – корень ревеня пальчатолистного);
- от формы («Драконьи глаза» 龙眼肉 – сушёная мякоть лонгана);
- от замеченного действия («семена, питающие мозг» 益智仁 – альпиния остролистная);
- образные («Чёртовое дерево» 槐花 – бутоны софоры японской);
- указывающие на местность произрастания («Сычуаньский чёрный» 川乌 – аконит сычуаньский).

В названии лекарств может содержаться информация о части используемого растения и способе его обработки:

- листья – 叶; корень – 根; семена – 子; косточки/ядра – 仁; кожура/кора – 皮 (слегка обжаренный – 炒; обожжённый – 烫, порошок – 粉), ломтики – 片; – обработанные с ингредиентами: вином – 酒; уксусом – 醋; солью – 盐; например: 酒益母草 – «Женская трава, обработанная с вином» – пустырник японский;
- обозначение компонентов и их количества, выделение главного компонента: 三黄片 – «таблетки из трех желтых лекарственных растений» (коптис, бархат, хвойник);
- исходя из действия компонентов лекарств: 人参败毒散 – «обезболивающий порошок с женьшенем»;

– по цвету: 桃花汤 – «розовый отвар»;
– по дозировке и способу применения: 十滴水 – «лекарство десять капель».

Для выделения особенностей при переводе медицинских текстов были проанализированы некоторые инструкции: 护肝片 «Ху гань пянь» – таблетки растительного состава для лечения печени; 苗家祖大夫 – «Крем по рецепту народа Мяо» – мазь антибактериальная для наружного применения, 灵芝口服 – «Пероральный раствор на основе Лин чжи» – детоксицирующее, противоопухолевое, иммуномодулирующее средство.

В ходе исследования было установлено, что инструкция отражает всю необходимую информацию о препарате (наименование, лекарственная форма, описание внешнего вида, фармакологические свойства, показания к медицинскому применению, режим дозирования, противопоказания для медицинского применения, срок годности, условия хранения, информация об организации).

При переводе данных инструкций были выделены следующие особенности:

– стилистические: инструкции по применению препаратов относятся к научному стилю речи, ему присуще преобладание наименований над названием действий, строгая структура, обилие специальных терминов медицинской тематики, высокая плотность информации, краткость.

Отмечается отсутствие личных обращений, частое использование понятий «пациент», «врач», отсутствие стилистических фигур – метафор, сравнений, метонимий и другой эмоционально-экспрессивной лексики, фразеологизмов, речевой многозначности;

– синтаксические: наблюдается преобладание сложных предложений как сложноподчинённых, так и сложносочинённых;

– фонетические: отмечается омонимия медицинских терминов, например: 1) 人身 ren shen – «тело человека; туловище, корпус»; 2) 人參 – «женьшень» (Panax schinseng); 3) 任娠 – «беременность»; wei sheng 1) 卫生 weisheng – «санитария, гигиена, здравоохранение»; 2) 微生 weisheng – «микроорганизмы»; 3) 维生 weisheng – «поддержание жизнедеятельности» [1];

– грамматические: определяются характерные для инструкций по применению следующих частиц связок: 为 – частица-связка «являться, быть» выступает в качестве синонимичного частицы-связки 是; 未 – отрицательная частица; конструкция 对 本品… 禁用 –

«при возникновении чего-либо/у кого-либо к данному препарату, применять запрещается», 后 – послелог после (本品宜餐后服 – «применять после еды», 除去包衣后 – «после удаления оболочки» и т. д.), словосочетание с предлогом 用于 – «применяется для, назначается»;

– лексические: инструкция по применению оформляется по строгому стандарту Федерального закона РФ [4]. Указывается наименование препарата, лекарственная форма, описание, фармакологические свойства, показания к применению, способ применения и дозы, побочные действия, передозировка, взаимодействие с другими препаратами, особые указания, срок годности, условия хранения и информация о производителе. В связи с этим, некоторые термины китайского языка адаптируются под реалии медицинских терминов русского языка, например: 功能与主治 – букв. «применение и лечение», эквивалент определению «фармакологические свойства», 规格 (стандарт, форма) или 包装 (упаковка) – «форма выпуска» и т. д. Группа терминов не вызывает затруднений при переводе и полностью совпадает с русским эквивалентом: 用法用量 – «способ применения и дозы», 注意事项 – «особые указания».

Медицинская лексика – важная особенность в области перевода китайских лекарств. Существует три способа, с помощью которых подбираются равнозначные слова к медицинским терминам:

1) сделать медицинский термин иноязычным заимствованием, то есть полностью заимствованным, например, применить способ транскрипции: Ци 气 “qì”. Инь 阴 “yīn”, Ян 阳 “yáng” и т. п.;

2) использовать иностранные медицинские термины. Этот принцип используется в основном при переводе 肾气不足 – «почечная недостаточность» kidney yin vacuit, «нехватка» и «дефицит»;

3) использование английской лексики, биомедицинского словаря иностранных слов, или не прибегать к использованию латинских терминов из медицинского словаря.

В медицинской лексике традиционной китайской медицины часто встречается явление полисемии. В одинаковых литературных источниках одно и то же слово не всегда будет иметь одинаковое значение и даже не всегда будет обозначать один предмет. Перевод терминов полисемии, встречающейся в медицинских текстах при переводе, весьма трудный. В других технических сферах переводчик должен всегда одинаково переводить одну и ту же лексику. Но для медицинской сферы этот способ не подходит. Д. Е. Попова,

У. В. Хоречко предлагают способ, который заключается в том, чтобы переводчик прибегнул к объективным методам для выведения отличающихся по смыслу многозначных слов [5].

В рассмотренных инструкциях по применению лекарственных препаратов было выявлено, что при переводе преимущественно применяется метод трансформационного перевода. Вследствие его информационной загруженности прослеживается тяготение к опущению избыточных лексических единиц или замещение их на более подходящий контексту вариант, перестановке порядка слов в предложениях и добавлению. Применяется описательный перевод к названиям препаратов: 苗家祖大夫抑菌乳膏 – «Крем по рецепту народа Мяо» – «мазь антибактериальная». Заголовки препаратов переведены методом компенсации. Например, термин «Описание» соответствует требованиям по оформлению российских инструкций лекарственных средств. Если словосочетание 性状 разложить на морфемы (性 – «свойство, характер», 状 – «наружность, вид»), то дословно его можно перевести как «Свойства и вид», но применимо к инструкциям лекарственных средств возможный вариант перевода термином «Описание».

Можно выделить основные особенности перевода китайских препаратов в основных разделах лингвистики, определить необходимые качества переводчика в медицинской сфере, отметить некоторые документы, регулирующие юридическую сторону перевода, основные принципы образования названий препаратов китайской традиционной медицины, особенности медицинских терминов и способы их передачи.

Список литературы

1. Кочергин И. В., Синельников Ю. Н. Краткий китайско-русский, русско-китайский медицинский словарь. – М.: Китай: Интекс, 1991. – 210 с.
2. Пономаренко Л. Н., Мишутинская Е. А., Злобина И. С. Лингвистические особенности медицинских текстов в переводческом аспекте // Гуманитарная парадигма. – 2018. – № 1. – С. 10–14.
3. Самойлов Д. В. О переводе медицинского. – М.: Практика. 2011.
4. Федеральный закон от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) «Об обращении лекарственных средств» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – URL: <https://www.normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=341258> (дата обращения: 08.08.2019). – Текст: электронный.
5. Хоречко У. В., Попова Д. Е. К вопросу образования китайских медицинских терминов // Молодой учёный. – 2010. – Т. 1, № 12. – 205 с.

УДК 81.373.21

ББК 81.053.16

Ж. В. Шмарова,

г. Чита, Россия

Китайские города окружного и уездного значения с формантом 阳

Инь и ян – две основополагающие категории древнекитайской философии, две сильные энергии, которые находятся в постоянном взаимодействии друг с другом. Эта философская концепция, как считают китайцы, присутствует во многих сферах нашей жизни, в том числе в топонимике. 117 географических названий наиболее крупных административных единиц имеют в своём составе иероглиф 阳, это означает, что район находится на южном склоне горы или северном берегу реки. В данной статье рассмотрены названия 37 городов окружного и уездного значения. Большинство названий связаны с названием одноимённой реки, меньшее количество – с названием горы.

Ключевые слова: *город окружного значения, город уездного значения, формант ян в названии города, южный склон горы, северный берег реки*

Zh. V. Shmarova,

Chita, Russia

Chinese Cities of District and County Significance with Formant 阳

Yin and yang are two fundamental categories of ancient Chinese philosophy, two strong energies that are in constant interaction with each other. This philosophical concept, according to the Chinese, is present in many areas of our lives, including toponymy. 117 geographical names of the largest administrative units incorporate a hieroglyph 阳. This means that the area is located on the southern slope of a mountain or on the northern bank of a river. This article reviews the names of 37 cities of district and county significance. Most of the names are associated with the name of the river; a smaller number is associated with the name of the mountain.

Keywords: *city of district significance, city of county significance, formant yang in the name of the city, southern slope of the mountain, northern bank of the river*

В древности южный склон горы и северный берег реки считался ян (阳), северный же склон горы и южный берег реки – инь (阴). Многие древние города строились у подножия горы или на берегу реки, поэтому их названия зачастую отражали положение города по отношению к этим объектам природы.

В «Цыхае» среди значений иероглифа 阳 указано следующее: «Южный склон горы или северный берег реки» (山的南面或水的北面) [4, с. 468]. В «Большом китайско-русском словаре» под ред. И. М. Ошанина в словарной статье мы находим примеры, подтверждающие вышеуказанное значение: 汶水之阳 – «северный (солнечный) берег р. Вэньшуй»; 山的阳坡 – «южный склон горы» [1, с. 472].

Китайские интернет-источники содержат информацию о том, что 117 географических названий наиболее крупных административных единиц имеют в своём составе иероглиф 阳: 21 город окружного значения (地级市), 16 городов уездного значения (县级市), 19 районов (区), 61 уезд (县). Эти цифры касаются только континентального Китая, без Тайваня, Гонконга и Аомэня [12]. Из них 37 городов окружного и уездного значения располагаются в 15 провинциях, больше всего названий приходится на провинции Хэнань (7), Хунань (6) и Сычуань (4). Из 37 городов город Шэньян имеет статус города субпровинциального значения (ГСПЗ). Как отмечает И. Ю. Зуенко, «статус ГСПЗ существует де-факто, но является условным и не закреплён в действующей Конституции страны» [2, с. 152].

В своей статье мы поставили цель – рассмотреть вопрос о том, что легло в основу для наименования города: гора или река. Приведём в качестве примера таблицу распределения 37 городов по провинциям. В последней колонке таблицы указано, что лежит в основе названия населённого пункта. Ниже таблицы следует дополнительная информация, которая внесёт ясность в отношении названий некоторых городов.

Китайские города с формантом 阳 (местоположение, происхождение названия)

<i>Провинция</i>	<i>Город окружного значения</i>	<i>Город уездного значения</i>	<i>Название города на русском языке</i>	<i>Происхождение названия</i>
Ляонин	沈阳市		Город субпровинциального значения Шэньян	Река Шэньшуй
	辽阳市		Городской округ Ляоян	Река Ляохэ
	朝阳市		Городской округ Чаоян	Река Чаохэ
Шаньси		吕梁市: 汾阳	Городской уезд Фэньян в городском округе Люйлян	Река Фэньхэ
Цзяну		常州市: 溧阳	Городской уезд Лиян в городском округе Чанчжоу	Река Лихэ
		镇江市: 丹阳	Городской уезд Даньян в городском округе Чжэньцзян	В основе наименования – явление омонимии
Чжэцзян		杭州市: 富阳	Район Фуян города субпровинциального значения Ханчжоу	Река Фучунцзян
		金华市: 东阳	Городской уезд Дуньян в городском округе Цзиньхуа	Река Хуайхэ, горы Тайшань и Ишань
Аньхой	阜阳市		Городской округ Фуян провинции Аньхой	Река Инхэ
Фуцзянь		南平市: 建阳	Городской уезд Цзяньян в городском округе Наньпин	Река Цзяньси
Шаньдун		烟台市: 莱阳	Городской уезд Лайян в городском округе Яньтай	Гора Лайшань
		烟台市: 海阳	Городской уезд Хайян в городском округе Яньтай	Северное побережье Жёлтого моря

<i>Провинция</i>	<i>Город окружного значения</i>	<i>Город уездного значения</i>	<i>Название города на русском языке</i>	<i>Происхождение названия</i>
Хэнань	洛阳市		Городской округ Лоян	Река Лохэ (ранее Лошуй)
	安阳市		Городской округ Аньян	Река Цишуй
	濮阳市		Городской округ Пуян	Река Пушуй
	南阳市		Городской округ Наньян	Горы Фунюшань, река Ханьшуй
	信阳市		Городской округ Синьян	Замена первого иероглифа в названии
		郑州市: 荥阳	Городской уезд Синъян в городском округе Чжэнчжоу	Водоём Синцзэ (ныне не существующий)
Хубэй		焦作市: 沁阳	Городской уезд Цинъян в городском округе Цзяоцзо	Река Циньшуй
		宜昌市: 当阳	Городской уезд Данъян в городском округе Ичан	Горы Цзиншань
	襄阳市	襄阳市: 枣阳	Городской уезд Цзаоян в городском округе Сянъян	Историческое название деревни Цзаоян

Хунань	衡阳市		Городской округ Хэнъян	Горы Хэншань
	邵阳市		Городской округ Шаоян	Река Шаошуй
	岳阳市		Городской округ Юэян	Горы Тяньюэшань
	益阳市		Городской округ Иян	Река Ишуй
		长沙市: 浏阳	Городской уезд Люян в городском округе Чанша	Река Люшуй
Гуандун		衡阳市: 耒阳	Городской уезд Лэйян в городском округе Хэнъян	Река Лэйшуй
	阳江市		Городской округ Янцзян	Река Моянцзян
	揭阳市		Городской округ Цзеян	Горный хребет Цзеян
Сычуань		阳江市: 阳春	Городской уезд Янчунь в городском округе Янцзян	Река Моянцзян
	德阳市		Городской округ Дзян	Река Дэшуй
	绵阳市		Городской округ Мянъян	Река Мяншуй
	资阳市		Городской округ Цзыян	Река Цзышуй
		简阳市	Городской уезд Цзяньян города субпровинциального значения Чэнду	Первые иероглифы двух древних названий
Гуйчжоу	贵阳市		Городской округ Гуйян	Горы Гуйшань
Шэньси	咸阳市		Городской округ Сяньян	Горы Цзюцзуншань и река Вэйхэ
Ганьсу	庆阳市		Городской округ Цингян	Название древнего округа Цинчжоу

Город субпровинциального значения Шэньян – 沈阳市. В период Борющихся царств в этом месте находился город Хоу Чэн царства Янь. При династии Тан этот город был переименован в Шэньчжоу. Поскольку место, где он расположен, находилось к северу от реки Шэньшуй, поэтому в эпоху Юаньской династии (1296 г.) он был переименован в Шэньян [3]. В 1657 году город стал резиденцией Фэнтяньской управы (奉天府), во многих источниках этого периода его именуют Фэнтянь. В 1929 году городу официально было возвращено название Шэньян. С созданием марионеточного государства Маньчжоу-го Шэньян опять был переименован в Фэнтянь. После 1949 года новые власти изменили административное деление города и закрепили название Шэньян. Ранее называемая река Шэньшуй сейчас имеет название Хунхэ.

Городской уезд Даньян 丹阳 в городском округе Чжэньцзян. По исторически зафиксированным источникам, городу 3000 лет. В ходе своей истории этот район неоднократно менял название: Чжуфан 朱方, Юньян 云阳, Цюйа 曲阿 и др. В то время в этом районе хорошо произрастала ольха японская, которая по-китайски записывается 赤杨树, иероглиф 赤 имеет то же значение, что иероглиф 丹, а иероглифы 杨 и 阳 омонимичны, поэтому постепенно название данной местности стало записываться как 丹阳 [9].

Район Фуян 富阳 города субпровинциального значения Ханчжоу. Первоначальное название этой местности было Фучунь, так как местность была расположена к северу от реки Фучуньцзян. В династию Восточная Цзинь уезд был переименован в Фуян для того, чтобы не нарушать запрет на произнесение имени матери императора Вэнь-ди Чжэн Ачунь [6].

Городской уезд Дуньян 东阳 в городском округе Цзиньхуа. Это географическое название появилось ещё в эпоху Борющихся царств. Этот уезд располагался к востоку от реки Хуайхэ и к югу от гор Тайшань и Ишань, поэтому в названии присутствуют два иероглифа: «восток» и «ян» (южная сторона горы).

Происхождение названия *городского округа Фуян 阜阳* в юго-восточной части провинции Аньхой можно пояснить следующим образом: на равнине в этой части провинции Аньхой рельеф немного выше, поэтому иероглиф 阜 со значением «небольшой холм» присутствует в первой части названия, округ располагается к северу от Инхэ (приток Хуайхэ), поэтому присутствует иероглиф 阳.

Городской округ Аньян 安阳 является одним из семи крупных городов Древнего Китая, он появился ещё в конце эпохи Борющихся царств. В 257 году до нашей эры царство Цинь покорило город Нинсиньчжун (宁新中) царства Вэй, изменив его название на Аньян, заменив иероглиф 宁 на иероглиф со схожим значением 安. Так как город находился к северу от реки Цишуй, поэтому в названии есть иероглиф 阳.

Городской округ Наньян 南阳. Этот обширный район располагается к югу от гор Фуньюшань (伏牛山) и к северу от реки Ханьшуй, поэтому название сложено из двух соответствующих иероглифов: «к югу (от гор)» и «к северу (от реки)».

Городской округ Синьян 信阳市 в провинции Хэнань. Первоначальное название Иян (义阳). Для того чтобы не нарушать запрет на произнесение имени второго императора сунской династии Тайцзуна (имя при рождении – Чжао Куаньцзи), в то время уезд Иян переименовали в уезд Синьян [7].

Городской уезд Даньян 当阳 в городском округе Ичан. Во II в. до н. э. ханьский император создал уезд Даньян. Этот уезд находился к югу от гор Цзиншань, а название имело значение «Сын Неба достойно правит Поднебесной», отсюда и название уезда [5].

Городской округ Хэньян 衡阳市. Название неотделимо от горы Хэншань, которая входит в число пяти священных гор даосизма, это «Южный пик», или «Гора равновесия» [8].

Городской округ Юэян 岳阳市. Район современного Юэяна был заселён человеком ещё 3000 лет назад. При династии Сун город Юэян был окружён мощными крепостными стенами, служившими штаб-квартирой военного управления Юэян (носящего с тех пор это имя). Вторая версия: главный центр уезда Юэян располагался к югу от гор Тяньюэшань, поэтому и соответствующее название.

Городской округ Янцзян 阳江市. Имеющий более 1400-летнюю историю город располагался на берегу реки Моян 漠阳, в то время он назывался Цянчэн, или Янцянчэн, то есть «город на реке Ян». Название реки Янцзян восходит к названию Моянцзян, что на вьетнамском языке означает «место обитания коров и овец» [11].

Городской уезд Янчунь 阳春. В городском округе Янцзян находился к востоку от реки Моянцзян, в древнем языке иероглиф 春 и иероглиф 青 имели значение «восток» [Там же].

Городской уезд Цзяньян 简阳市 города субпровинциального значения Чэнду. В эпоху Западная Вэй был учреждён уезд Ян-ань,

в эпоху Суй учредили округ Цзянь. В 1013 году был создан уезд Цзяньян, название которого состоит из первых иероглифов двух древних названий, в 1994 году уезд стал городом [10].

Городской округ Сяньян 咸阳市 был размещён к югу от горы Цзюцзуншань и к северу от реки Вэйхэ, то есть, в соответствии с древней натурфилософией, во всех смыслах соответствовал началу «ян», то и был назван Сяньян (буквально «полностью ян»).

Городской округ Цинъян 庆阳市. Ещё в эпоху Сун был создан населённый пункт Цинчжоу 庆州, так как располагался в дельте к северу от слияния двух рек Маляньхэ 马莲河 и Жоуюаньхэ 柔远河, поэтому и получил название Цинъян [Там же].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что большинство из проанализированных наименований произошли от названия одноимённой реки, близ которой находится населённый пункт, другая часть – от названия гор. Название горы или реки отражено в первом иероглифе названия. Кроме того, есть названия, в которых первые иероглифы не относятся к названию реки или горы. Здесь большую роль играют как языковые, так и внеязыковые факторы.

Список литературы

1. Большой китайско-русский словарь = 華俄大辭典: по русской графической системе / под ред. И. М. Ошанина. – М.: Наука: Гл. ред. Вост. лит., 1984. – Т. 3. – 1104 с.
2. Зуенко И. Ю. О статусе городов субпровинциального значения в КНР // Страны Восточной Азии: история и современность. – URL: <http://www.riatr.ru/> (дата обращения: 17.08.2019). – Текст: электронный.
3. О провинции Ляонин. – URL: <http://www.ruchina.org/liaonin-article/china/84.html> (дата обращения: 05.08.2019). – Текст: электронный.
4. “辞海”, 辞海编辑委员会编, 上海, 上海辞书出版社, 1989. 2572页.
5. 地名由来及历史沿革. – URL: <http://www.xzqy.net/420582000000.htm> (дата обращения: 20.08.2019). – Текст: электронный.
6. 富阳的历史文化. – URL: <https://www.jinchutou.com/p-37369362.html> (дата обращения: 20.08.2019). – Текст: электронный.
7. 河南各地地名由来. – URL: http://www.360doc.com/content/14/1221/15/14421628_434604413.shtml (дата обращения: 15.08.2019). – Текст: электронный.
8. 衡阳名字的由来及地名在历史上的变迁, 你知道多少? – URL: <https://www.baijiahao.baidu.com/s?id=1616489010273116560&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 16.08.2019). – Текст: электронный.

9. 《江苏地名溯源》丹 阳 市地名历史由来. – URL: <http://www.lishi.zhuixue.net/m/view.php?aid=77270> (дата обращения: 25.08.2019). – Текст: электронный.

10. 庆阳地名由来. – URL: <http://www.cncn.net/blog/676447> (дата обращения: 22.08.2019). – Текст: электронный.

11. 阳春各镇名字的来历. – URL: http://www.sohu.com/a/252711494_826115 (дата обращения: 22.08.2019). – Текст: электронный.

12. 中国地名中含有“阳”字的城市有哪些? 都分布在哪些省? – URL: <https://www.zhidaobaidu.com/question/105513950.html> (дата обращения: 06.08.2019). – Текст: электронный.

Сведения об авторах

Бардакова Диана Ильинична, магистрант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: diana.bardakova.95@mail.ru.

Ванина Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, e-mail: polina22K09@yandex.ru.

Варакина Маргарита Игоревна, доцент кафедры английской филологии, кандидат философских наук, Самарский филиал Московского городского педагогического университета, г. Самара, e-mail: margo3535@yandex.ru.

Воропаев Николай Николаевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, e-mail: voropaev@vokitai.ru.

Горлачев Валерий Павлович, доктор педагогических наук, профессор кафедры биологии, химии и методики их обучения ФЕНМиТ, действительный член Российской экологической академии, заведующий лабораторией прикладной экологии, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: valeriigorlachev@mail.ru.

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории СФУ, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, г. Красноярск, e-mail: dazishen@mail.ru.

Дроботушенко Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент, декан ИФФ, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: DRZZ@yandex.ru.

Дугаров Владимир Доржиевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: dugarovbgu@mail.ru.

Жданова Анастасия Сергеевна, магистрант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: 10nastya96@mail.ru.

Камнева Галина Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет, г. Москва, e-mail: kamnevagp@gmail.com.

Карасёв Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, e-mail: s.karasev@bk.ru.

Карасёва Ольга Ивановна, директор, Детская школа искусств № 8, г. Иркутск, e-mail: o.karaseva@bk.ru.

Кобжицкая Ольга Германовна, кандидат философских наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: mingyun@mail.ru.

Кочеткова Ольга Михайловна, старший преподаватель кафедры китайского языка ИФФ, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: o. m.kochetkova@gmail.ru.

Кузьмин Юрий Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, e-mail: KuzminUV@yandex.ru.

Лазарева Юлия Сергеевна, студентка, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: yulialaz98@mail.ru.

Левченко Ярослава Александровна, студентка, Самарский филиал Московского городского педагогического университета, г. Самара, e-mail: Shubas304@gmail.com.

Ленинцева Валентина Алексеевна, кандидат культурологии, доцент, Институт иностранных языков Московского городского педагогического университета, г. Москва, e-mail: vallenin@mail.ru.

Лун Чанхай, доктор юридических наук, профессор, проректор, Маньчжурский институт Университета Внутренней Монголии, г. Маньчжурия, e-mail <http://www.imu.edu.cn>.

Лупынис Виталий Фёдорович, магистрант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: lupynis96@inbox.ru.

Матвеев Алексей Андреевич, научный сотрудник, Иркутский областной краеведческий музей, г. Иркутск, e-mail: aleksei.matveev01@yandex.ru.

Науменко Сергей Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры китайского языка ИФФ, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: naomianke@mail.ru.

Наумова Виктория Сергеевна, студентка, Институт иностранных языков Московского городского педагогического университета, г. Москва, e-mail: viktan2599@yandex.ru.

Олейникова Юлия Николаевна, магистрант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: yulishna057@mail.ru.

Полянская Оксана Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей и отечественной истории, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: polgrab@mail.ru.

Постников Алексей Владимирович, профессор, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук, г. Москва, e-mail: apostnikov@comtv.ru.

Санжиева Татьяна Ефремовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Бурятии, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, e-mail: Sanj_te@mail.ru.

Симатова Софья Андреевна, ассистент кафедры китайского языка, Институт иностранных языков Московского городского педагогического университета, г. Москва, e-mail: sonyachita14@mail.ru.

Смороднов Данила Петрович, студент, Самарский филиал Московского городского педагогического университета, г. Самара, e-mail: Smorodnov39@gmail.com.

Соловьева Виктория Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры китайского языка ИФФ, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: viktoriasolovjeva@rambler.ru.

Соктоева Оксана Цыренжаповна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры китайского языка ИФФ, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: oksana-ts-s@yandex.ru.

Сотников Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный областной университет, г. Москва, e-mail: sergey@histr.ru.

Сотников Андрей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный областной университет, г. Москва, e-mail: microlabuss@mail.ru.

Тохта-Ходжаева Маргарита Викторовна, старший преподаватель, Российский новый университет, г. Москва, e-mail: Hodzaeva@yandex.ru.

Цзоу Хун, кандидат философских наук, доцент кафедры китайского языка ИФФ, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: zouhong@mail.ru.

Чжан Минхуа, доцент кафедры русского языка, Харбинский политехнический университет, г. Харбин, e-mail: marina@hit.edu.cn.

Шабельская Ника Кирилловна, студентка, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: nika55555899@mail.com.

Шмарова Жанна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского языка ИФФ, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: shmarova73@mail.ru.

Эмирзиади Людмила Викторовна, главный специалист управления международной деятельностью, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: intdep@mail.ru.

Юйшина Елена Александровна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой китайского языка ИФФ, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: yuyshina@gmail.com.

Юйшин Максим Александрович, магистрант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, e-mail: waxcox@gmail.com.

Научное издание

70 лет дружбы и сотрудничества

Редактор О. Ю. Гапченко
Вёрстка С. Я. Непомнящих

Подписано в печать 24.10.2019.

Формат 60×84^{1/16}.

Печать цифровая. Гарнитура Times New Roman.

Уч.-изд. л. 11,0. Усл. печ. л. 12,3.

Тираж 100 экз. (1-й з-д 1–40 экз.). Заказ № 19173.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30

